Все дело в том,
чтобы
не довольствоваться
тем уменьем,
которое
выработал в нас
прежний наш опыт,
а идти
непременно дальше,
добиваться
непременно большего,
переходить непременно
от более легких задач
к более трудным.

В. И. ЛЕНИН

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 16 АПРЕЛЬ 1987

В КИЕВСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ

ПИСЬМА БОРИСА ПАСТЕРНАКА

СКОЛЬКО ЖДАТЬ «ЧТО? ГДЕ? КОГДА?»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 16 (3117)

18—25 АПРЕЛЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

К. С. ПЕТРОВ-ВОДКИН. Портрет Владимира Ильича Ленина. 1934. (Государственная картинная галерея Армении).

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии О. И. КОЗАК.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

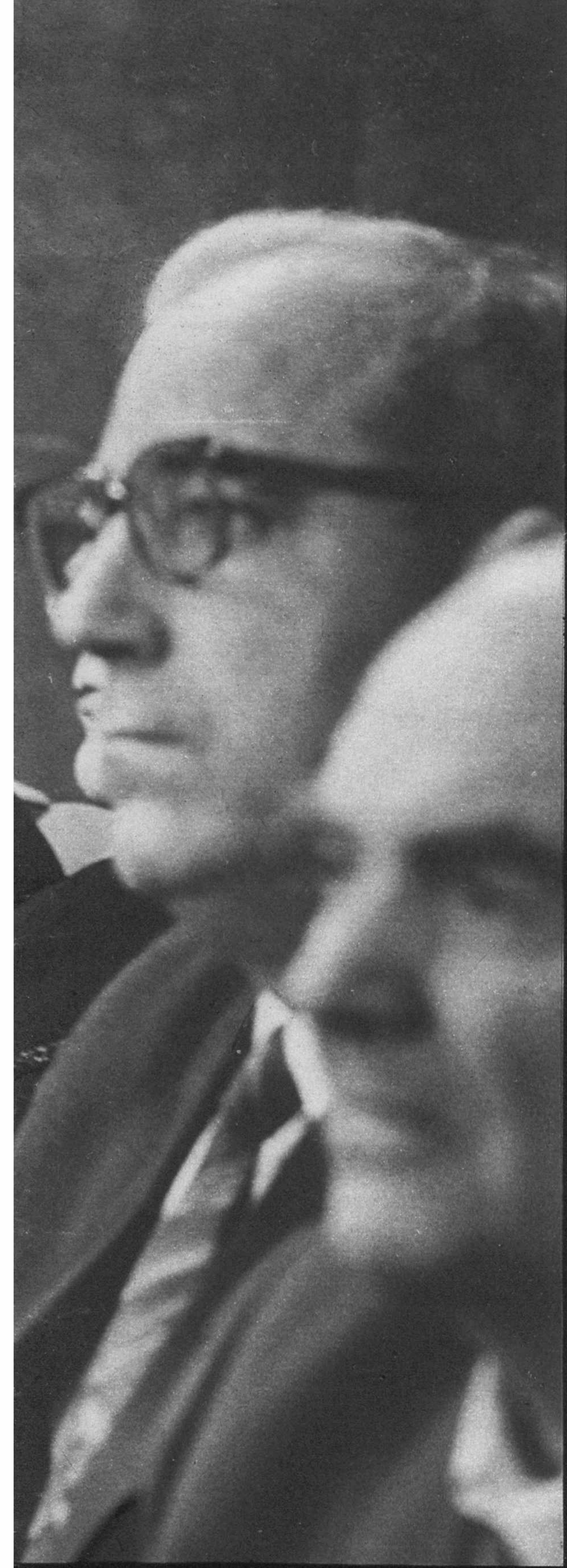
Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 30.03.87. Подписано к печати 14.04.87. А 00360. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 550 000 экз. Изд. № 1207. Заказ № 308.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

«КРАСНЫЕ СУББОТЫ» — ПРАЗДНИКИ БЕСКОРЫСТНОГО ТРУДА, БЕРУЩИЕ НАЧАЛО С ПАМЯТНОГО АПРЕЛЬСКОГО ДНЯ 1919 ГОДА. СРЕДИ МНОГИХ ДЕСЯТКОВ МИЛЛИОНОВ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ПРИМУТ УЧАСТИЕ В НЫНЕШНЕМ КОММУНИСТИЧЕСКОМ СУББОТНИКЕ, БУДЕТ И ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ГОРОДА КИШИНЕВА ОБУВЩИЦА ВЕРА СЕРГЕЕВНА ОДОБЕСКУ.

ВЕРА СЕРГЕЕВНА

Раскройщица кишиневского производственного объединения «Зориле» Вера Сергеевна Одобеску носит звание «Почетный гражданин города Кишинева».

— Такая, как все,— сказала Вера Сергеевна, пожимая плечами.

А другие перечисляли: передовая работница, наставник, делегат, Герой... А самые близкие называли бабушкой, мамой, женой...

Пятнадцатилетняя Вера попала в ФЗУ. Росла она в многодетной рабочей семье, где старшие почти наравне с родителями, потому что есть младшие.

Вере свое детство пришлось делить с войной. «Нелегко было»,— сказала она. Понятно.

На фабрику пришла в семнадцать. Через два года назвали передовиком. Было это в 1953 году, давно было. А потом все скоро уже тридцать пять лет на том же месте — смена за сменой. Тогда — девчонка, сегодня — бабушка и мама. Руки, как у молодой,— подвижные, крепкие. И улыбка искренняя, застенчивая. Молодые глаза. Должен же быть секрет у всего этого — молодого! Возвращаюсь к рукам, вглядываюсь в лицо, вслушиваюсь в бодрый голос. Потом пошел в цех, стоял за спиной, вслушивался в перестук станка. Застенчивости как не бывало: руки мелькали, как блики света в водовороте. Первое мое впечатление — хаос, но постепенно ощутил властный ритм. Над руками сосредоточенное лицо.

— Видели, как работает Одобеску?— спросила после смены директор объединения С. В. Широкова.— Талант!

— Талант?— Вера Сергеевна усмехнулась.— Сколько пота прольешь, прежде чем скажут тебе — талант. Нет, что-то не так... Получается, есть талант — есть успехи, а на нет и суда нет? А как же быть с трудолюбием? Слово, может, слишком обветшало, да как без него! Самое главное — любовь к труду. И добросовестность. Требуешь с себя, тогда получается...

Трудозатраты на единицу продукции у Веры Сергеевны составляют 43,7 секунды (отраслевая норма — раза в два с половиной больше).

А как работают другие?

— Недолго моей высоте держаться,— успокоила меня Вера Сергеевна.— Годы не те... А вот девушки мои — лучше не бывает! Роза Никитина, Галя Дари, Нина Сармина... Молодость берет свое, а как же! Всегда так... И никакой обиды, наоборот. Как будто и здесь, в цехе, бабушкой стала...

Быть может, так же говорил когда-то дядя Гриша Сидельников, ее первый учитель, первый мастер?.. Тогда Вера оставалась после смены, училась класть резак на кожу так, чтобы с закрытыми глазами получалось, а то они, глаза, как устанут, за руками не поспевают. Есть навык — брака не будет.

— Долго учились?

— Каждый день учусь.

— У кого?

— Да у них же, у девчонок своих! Свежести, веселости учусь... И дело легче спорится.

Ее «девчонки» судеб и возраста разных, разных характеров — их шестьдесят, а сорок девять из них — ударники коммунистического труда.

— Все дело в них, людях, в их отношении к труду, в порядочности. Я только показать могу, остальное от человека зависит...

За станком она дорожит каждой секундой, такая работа. Но часов не жалеет, чтобы помочь новичкам, и уже четверть века руководит школой передового опыта.

Ее станку больше двадцати лет. По ее мнению, новые машины не обязательно лучше старых. «Почему-то и производительность ниже»,— с горечью добавляет Одобеску. А некоторые товарищи, в том числе и кое-кто из руководства, считают: дай новую технику — план сам собою сделается.

Еще в начале пятидесятых прочла Вера Сергеевна брошюрку передовой тогда обувщицы московской фабрики «Буревестник» Марии Левченко, училась использовать выбрасываемые до того обрезки кожи, после смены складывала резаки так и эдак, изучая топографию кожи. Испробовала десятки вариантов, прежде чем карта раскроя была готова. Новая. Карта Одобеску! Раскрой всем понравился, сократился расход сырья в цехе. Одобеску продолжала разрабатывать более рациональные схемы раскроя, пыталась добиться наивысшей скорости выполнения приемов, уплотнила вспомогательное рабочее время... А качество? Вера Сергеевна давно работала с личным клеймом.

— Дочь бригадиром назначили,— не без гордости сообщила Вера Сергеевна.— Праздник в семье. А в четвертом цехе сын механиком. И жена его тут. Нет, пока не династия... Династию лучше с третьего колена считать. Вот внуки подрастут, поглядим...

— А кем труднее быть, мамой или бабушкой?

— Женщине вообще нелегко, даже если муж помогает. Но и счастье в доме — это тоже правда. За столом соберемся все — вот тебе и счастье! За день намаешься, наготовишь всего, а на них смотришь — сердце радуется. Мои-то, чувствую, сроднились с работой, не чураются тяжелого труда. А вообще-то текучесть у нас большая, иногда прямо душа стонет...

Предприятие задолжало государству полтора миллиона. Директор считает, что причины — в некачественном кожтоваре, устаревшем оборудовании, нехватке кадров. Трудности традиционные. С. В. Широкова предложила разделить объединение на три самостоятельных. Что это даст? А Вера Сергеевна думает, что ждать нельзя, есть вопросы, которые можно решить безотлагательно, хотя бы элементарные. Например, нет помещений, где рабочие могли бы сортировать товар; да и столы раскроя старые, надо бы перестроить средние цехи, обеспечить их всем необходимым.

— А пока большим спросом наша обувь не пользуется... Вид у мужской довольно мрачный. К сожалению, передовиков у нас хватает, а продукция на полках лежит. Выход? Чаще менять ассортимент, упор на качество. Кстати, специальные партии, которые мы выпускаем для магазина «Мода», нарасхват! Но... Главным до сих пор остается вал. Почему? Да потому что платят не за качество, а за количество.

Из блокнота: Вера Сергеевна — член ЦК Коммунистической партии Молдавии, член Комитета народного контроля в республике, член Советского комитета защиты мира, член женсовета МССР, член парткома объединения, Герой Социалистического Труда, делегат XXVII съезда партии. Жизнь — одна дорога, жизнь — ступени наверх, жизнь — награда. Дорога от людей и к людям.

Улицы Кишинева, уютные улицы запоминающегося города. Города, который недавно постигла беда — землетрясение. Во многих домах при мне еще работали посланцы других союзных республик; скоро зарубцуются раны, нанесенные в ту кошмарную ночь...

Я прощался с ее городом.

Вера Сергеевна такая, как все? Нет, не как все, в том-то и дело.

Была суббота. В тот день она работала.

Петр БУДЕННЫЙ,
фото Дмитрия ДЕБАБОВА

СОБЫТИЕ НЕДЕЛИ

В ИНТЕРЕСАХ ВСЕХ НАРОДОВ

На Западе сейчас много пишут и говорят о проблеме ракет оперативно-тактического назначения. Мы готовы конструктивно решить и эту проблему, но сделать это так, чтобы не осложнять достижение договоренности по центральному сегодня вопросу о ракетах средней дальности.

Чтобы облегчить безотлагательное заключение соглашения по ракетам средней дальности в Европе, мы предлагаем начать обсуждение вопроса о сокращении и последующей ликвидации ракет с дальностью от 500 до 1000 километров, дислоцированных на Европейском континенте, не увязывая с этим ход и исход решения проблемы РСД.

На период переговоров стороны взяли бы обязательства не наращивать число оперативно-тактических ракет. Подчеркиваю: мы за то, чтобы вести дело к радикальному сокращению и в конечном итоге полной ликвидации оперативно-тактических ракет в Европе, считаем ненужным закладывать в будущую договоренность всякого рода «допуски» для их наращивания и совершенствования.

После подписания соглашения о РСД и независимо от хода обсуждения вопроса об оперативно-тактических ракетах Советский Союз, по согласованию с правительствами ЧССР и ГДР, выведет из этих стран ракеты, которые были размещены там в качестве ответных мер на развертывание «Першингов-2» и крылатых ракет в Западной Европе.

Реализация договоренности об оперативно-тактических ракетах, естественно, осуществлялась бы под строгим контролем. Точно так же, как ракет средней дальности и стратегических ядерных вооружений.

Из речи М. С. ГОРБАЧЕВА в Праге на митинге чехословацко-советской дружбы.

---

15 АПРЕЛЯ В КРЕМЛЕ НАЧАЛ СВОЮ РАБОТУ XX СЪЕЗД ВЛКСМ.

Одной из первых приехала в Москву делегация комсомола Ростовской области.

НЕ СМОЛКАЙ, СПОР!

Их поселили в одном номере на третьем этаже западного корпуса гостиницы «Россия». Оба делегаты комсомольского съезда, оба из Ростовской области, оба шахтеры. Только Валерий Махнёв работает горнорабочим очистного забоя на шахте имени 60-летия Ленинского комсомола, а Олег Магировский — подземным электрослесарем шахты «Южная». Вот в этом-то самом номере разгорелся меж ними спор. Спор о главном, о том, что может и должна делать молодежь в непростую пору перестройки.

— Вот ты говоришь — перемены,— начал Валера,— честно тебе скажу: до нас они пока не дошли. Как было, так и есть. Сам посуди. План выполняем и перевыполняем, вкалываем, что называется, от души. Словом, что касается дел в забое — здесь все нормально. С работы возвращаешься, как выжатый лимон. И что тебя ждет? Поселок у нас большой, почти тридцать тысяч народу. Сколько уж раз ставился у нас вопрос о рабочей столовой — никаких изменений. Одна моя знакомая, из этой столовой, прямо так и сказала: ты тут лучше не ешь... Ну да ладно. Дело даже не в этом. Решили мы с ребятами теннисный корт построить. Полгода ходили по разным инстанциям, место себе выбивали. Наконец выбили. И что же? Теперь выбиваем стройматериалы. Выбиваем! Разве это дело?.. Это что касается молодежной инициативы. И так что ни возьми — в любом деле. Комсомольская организация у нас большая — человек пятьсот, а тех, кто еще не потерял надежду что-либо поправить, быть может, всего десяток. Ты спросишь: в чем дело? Нет, те четыреста девяносто в свое время тоже надеялись, что пробьют бетонную стену бюрократизма. Не пробили. Мало того: им самим руки поотбивали...

— Ну чего мы плачемся? — вспылил Олег.— Почему мы ждем, что придет добрый дяденька и все для нас сделает? Это потребительская позиция. Знаешь, когда я вернулся из Афганистана, то почувствовал: во мне что-то изменилось. Зрение, что ли, стало острее, все наши недостатки и промахи как на ладони. В том числе и в комсомоле. И тогда мы, те, кто служил в Афганистане, пошли в горком комсомола и с их помощью стали создавать клуб воинов запаса. А делали это затем, чтобы пацаны, которые придут в армию после нас, чувствовали себя увереннее и сильнее. Это очень важно, это как раз касается инициативы.

— Тебя послушаешь — в комсомоле вообще ничего менять не надо.

— Надо. И прежде всего сократить, если не ликвидировать громадный разрыв между комсомольскими руководителями и массами. Создалась какая-то странная ситуация: руководитель живет в зависимости от тех, кто по служебной лестнице стоит выше его, а не от тех, кто стоит ниже, не от тех, кто, по сути дела, его избирал. От этого, думается, много бед.

— Вот-вот. К иному «лидеру» в кабинет зайдешь — так он руки не подаст. Кто ты для него — серая лошадка!

— А может, мы сами в этом виноваты? Ведь смотри, сколько времени безмолвствовали, мирились с тем, что происходит вокруг. Вот нас и считают покорными... Теперь, видимо, настало время мыслить по-иному, быть смелее, активнее...

— Вот ты говоришь — смелее. Не так давно подошел я к секретарю нашей комсомольской организации. Говорю ему: «Паша, ну сколько можно весь этот разлад терпеть! Выступи, скажи где надо». А он мне отвечает: «Я выступлю, а меня потом снимут». И я верю ему — натурально снимут.

Здесь, в Москве, принимаются прекрасные документы и постановления. Я всей душою за них. Но у нас, в глубинке, многое пока глушится. Или это от непонимания, не знаю. Хотя ты, Олег, конечно, прав: люди постепенно меняются и на многие вещи смотрят совсем иначе, нежели пять лет назад. Кстати, как ты считаешь: этот съезд изменит ли что-нибудь в нашей молодежной жизни?

— Должен, наверное. Все же сила собралась немалая. Если каждый делегат разбудит ну хотя бы десяток своих сверстников — и то большое дело получится. Впрочем, чего сейчас загадывать. Посмотрим.

Часы на Спасской башне Кремля гулко пробили полночь, а спор все не смолкал.

Не смолкай, спор!

Дмитрий ЛИХАНОВ

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

ПОД ЛЫЖАМИ — ОКЕАН

**На дирижабле,
на самолете,
в подводной лодке,
на собачьей упряжке
пересекали
Северный Ледовитый океан
люди.
Теперь — на лыжах!
Советско-канадская
экспедиция
стартует
весной 1988 года.**

Маршрут такой: крайняя точка Северной Земли мыс Арктический—Северный полюс—мыс Колумбия на острове Элсмир. Если мерить по карте, то шагать нам почти 1800 километров. Реально будет побольше. Отводим на путешествие три месяца, но и это теоретически. Впрочем... Вы помните, что на Северный полюс мы, участники полярной экспедиции «Комсомольской правды», пришли на лыжах в 1979 году. Полторы тысячи километров преодолели за 76 дней. Однако план того путешествия был составлен загодя—еще в 1973-м. Вернувшись с полюса, я как бы наложил всамделишные километры, дни, скорости на проект шестилетней давности. Совпадение вышло полное. Надеюсь, что планы и на этот раз хорошо сбудутся.

Мы достаточно изучили белый северный океан. 1972, 1976, 1979, 1986 — вот годы наших успехов на его льду. Он притягивает по-прежнему, но каждое путешествие сюда не отдых, не простой туристский маршрут. Это испытание, к которому нужно тщательно подготовиться. Это несчетное затраченное время, и моим товарищам с их служебными обязанностями, семьями, с определенным общественным положением нелегко решиться на очередной полярный маршрут.

Разговоры о том, что люди отправляются в экзотическое путешествие, устав от урбанизации, от заданности, от изматывающего ритма современной жизни, неприменимы к моим друзьям по экспедиции. Они не ищут в замерзшем океане спасения от чего бы то ни было, наоборот, то, что мы отрываемся от привычных дел и обязанностей, вызывает у нас определенные страдания. После того, что нами уже сделано в Арктике, единственный маршрут, который может снова надолго привлечь сюда, это путь через океан. Других желанных дорог в северных высоких широтах нет.

Но поход СССР — Канада воистину прекрасен. И особенно хорош как совместный. Тут сил и времени не жалко, и с разного рода издержками стоит смириться. Нам очень радостно, что 29 марта мы привезли из Оттавы принципиальное согласие канадского руководства на совместное путешествие. А сколько волнений позади! Было официальное обращение МИДа СССР в МИД Канады, было наше неофициальное письмо канадскому премьер-министру М. Б. Малруни. Была напряженная двухнедельная поездка в Канаду с бесконечными переговорами.

В городе Квебеке на реке Святого Лаврентия мы видели величественный ледоход, и я вспомнил другой ледоход — в поселке Черском на Колыме.

Могучи наши реки, бескрайни леса. Канада ведь вторая по площади страна после СССР. А северные границы ее за счет изрезанности береговой черты более протяженны, чем наши. Огромные территории СССР и Канады лежат за Полярным кругом.

Мы — соседи. Соседи, хотя нет ни одного пограничного столба на нашей общей границе. Разве что земную ось продлить за поверхность Земли.

Чем больше я думаю о предстоящем переходе, тем больше понимаю, что главным будет не его мировая рекордность и не вклад в медико-биологическую науку, о котором позаботятся канадские и советские медики. Главным будет то, что одиннадцать советских и канадских людей вместе проживут три месяца в малюсенькой палатке на хрупкой корочке океана, помогая друг другу.

В тесноте, да не в обиде. В английском это звучит так: The more the merrier.

С теснотой справимся, но будет еще холод, опасность, тяжелый груз долга и ответственности, сорокакилограммовые рюкзаки.

Без веры друг в друга, без товарищества, без взаимопомощи на арктическом маршруте не выжить. Но мы собираемся выжить. Мы собираемся победить. И это будет победа не одиночек, а коллектива. Совместная. Как по-другому сказать? Общая. Одна на всех. Одна на наши две арктические державы. И будет она означать, что можно не просто ладить, не просто быть неплохими соседями, а можно вместе делать общее дело, даже очень трудное дело.

Читатель понимает, что главная наша задача теперь не в том, чтобы подобрать лыжи, или примусы, или радиостанции, или аккумуляторы... Главная задача — найти людей. «Вы — инициаторы, в вопросы состава мы вмешиваться не будем. Выбор людей—это ваша задача, мистер Шпаро»,— сказал мне очень приятный человек господин А. Маклейн, который занимает по-нашему пост заместителя министра иностранных дел Канады.

1,730 kilomètres à travers le pôle Nord

Les Soviétiques cherchent des skieurs canadiens chevronnés

На фото: пресс-конференция в Оттаве. Фото Владимира Снегирева

Не скажу, что состав определен. Мы устроим сборы. Одни, вторые. Очень серьезно надо готовиться...

Скажу другое. Мы познакомились с канадцами, с которыми хотелось бы пойти. Это 28-летний инженер из Оттавы Ричард Вебер — участник прошлогодней успешной американо-канадской экспедиции к Северному полюсу на собачьих упряжках. 42-летний священник из арктического поселка Форт-Смит Лори Дескер. В 1981 году Лори возглавлял канадскую лыжную экспедицию к Северному полюсу, которая, к досаде, не удалась. С той поры мы переписываемся. Жильбер Риу и Жак Буффар, которые живут в городе Матане. Жильберу 32 года, он директор туристской базы, Жаку — 37, он киноработник. Парни в прошлом году поднялись на советский семитысячник «Пик Коммунизма»... Для Ричарда и Лори родной язык английский, для Жильбера и Жака — французский.

«Да» канадского правительства и знакомство с этими симпатичными, серьезными, опытными людьми — вот главные результаты поездки в страну кленового листа. Остальное — деньги, научные программы, недостающее снаряжение и т. д.,— думаю, приложится. Рукава засучены, мы не сидим без дела.

Дмитрий ШПАРО, лауреат премии Ленинского комсомола

Владимир ПОТРЕСОВ

22 АПРЕЛЯ — 117-я ГОДОВЩИНА СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

В ЗАПОВЕДНОМ ШУШЕНСКОМ

От светло-серого здания Шушенского аэропорта бежит прямая дорога, и вьется по ней промерзшая снежная пыль, завихряется позади автомобиля белым шлейфом. На окраинах поселка — одноэтажные деревянные домики, ближе к центру — микрорайоны городского типа. На площади Торжеств с памятником Ленину — Дом искусств, неподалеку Народная картинная галерея и библиотека. Светятся окна телефонной станции, витрины магазинов.

К площади, вновь еще более темные по сравнению с новыми зданиями и искрящимся в мощных лампах снегом, углом, тесно подступают почерневшие от времени избы. Старинные фонари тусклыми точками освещают уходящие в сумерки улицы. Это реконструированный участок старого Шушенского рубежа XIX—XX веков — мемориальный музей-заповедник «Сибирская ссылка В. И. Ленина».

30 апреля 1897 года от Красноярской пристани отвалил черный пароход «Святитель Николай», с высокими дымовыми трубами, белыми надстройками, и тяжелыми плицами колес зашлепал вверх по Енисею. Пароход совершал обычный рейс до Минусинска. Обычный-то обычный, но в одной из кают «Святителя» ехал человек, имя которого через два десятка лет будут знать во всем мире.

Из-за мелководья пароход до Минусинска не дошел, еще целых восемьдесят верст добирались на лошадях. Вместе с Лениным в ссылку направлялись В. В. Старков и Г. М. Кржижановский, каждый в назначенное место. До Шушенского Ленин ехал один.

По рекомендации волостного писаря он поселился в доме крестьянина, который держал съезжую избу,— Аполлона Долматовича Зырянова. Здесь Ленин прожил четырнадцать месяцев. По воспоминаниям хозяина, отношения с постояльцем складывались хорошие, Зырянов дал ему отдельную комнату, где можно было работать, сделал нехитрую мебель.

Каждый день Ленин должен был являться в волостное правление — таково было требование гласного надзора полиции. Любое нарушение режима ссылки каралось увеличением срока, поэтому приходилось быть очень внимательным к соблюдению всех полицейских правил. Поначалу ссыльному трудно было в обстановке молчания, подозрительности и недоверия, которые окружали его в патриархальном сибирском селе, но со временем мужики присмотрелись: человек хороший, хоть и ссыльный, не унывает. Стали даже брать с собой на охоту.

Через год в Шушенское приехала Н. К. Крупская с матерью, и вся семья перебралась в дом вдовы Петровой на самом берегу Шуши. Здесь Ленин обзавелся небольшой конторкой — любил работать, расхаживая по комнате. А лампу с зеленым козырьком привезла Надежда Константиновна. Прошло еще почти два года. В Шушенском создано более тридцати научных работ, среди которых книга «Развитие капитализма в России», здесь Ленин разработал учение о пролетарской партии нового типа.

29 января 1900 года было получено дозволение на отъезд. Не задерживаясь ни на один день, Ленин покинул Шушенское — впереди ждали большие дела...

Минули годы, знаменовавшиеся великими событиями. Тяжкая весть донеслась до закоченевшего в белом инее Шушенского. 23 января 1924 года траурное собрание крестьян постановило выкупить дом вдовы Петровой и открыть в нем «образцовый народный дом с избой-читальней и библиотекой».

Это удалось сделать на следующий год, а в 1928 году был приобретен дом А. Д. Зырянова, в котором разместился сельсовет. Местные мастера изготовили деревянные памятные доски.

О музее еще не помышляли: большая часть дома Петровой использовалась под клуб, библиотека была небольшая, а средств на поддержание дома практически не выделялось. Становилось ясно, что памятники огромной исторической ценности могут не сохраниться для будущих поколений.

В том же двадцать восьмом году сотрудники Минусинского музея имени Мартьянова предложили открыть в Шушенском филиал и посоветовали сельчанам подыскать для экспозиции предметы, которыми пользовался Ленин. Время было сложное, и все же с большим трудом раздобыли строительные материалы, провели самые необходимые ремонтно-реставрационные работы, правда, лишь на доме Петровой — на второй средств не хватило. Собрали кое-какие материалы для экспозиции, и в назначенный срок — 7 ноября 1930 года — в Шушенском был открыт музей Ленина. Главными ценностями здесь были эти дома, в которых Ленин жил, улицы, само село, окрестности, где он любил отдыхать.

Воспоминания очевидцев помогали воссоздать обстановку, особенности жизни работы вождя. Большую помощь оказала Н. К. Крупская. Новый музей в первый же год посетило около двадцати тысяч человек — очень много по тем временам. Однако и трудностей было предостаточно: ведь попасть в Шушенское тогда оказывалось не менее сложно, чем в начале века, не хватало экспонатов, отсутствовали кадры музейных специалистов.

Тем не менее 21 января 1940 года открылся для посетителей музей и в доме А. Д. Зырянова. Из Москвы в далекое сибирское село вернулись подлинные вещи Владимира Ильича. Сотрудники музея обновили экспозицию новыми находками.

А потом началась война.

— В июне 1946 года я был назначен директором Дома-музея В. И. Ленина,— рассказывает почетный гражданин Шушенского Николай Данилович Городецкий.— Время было очень тяжелое. Мемориальные усадьбы пришли в запустение, недоставало многих построек. На зыряновском дворе паслись лошади. Все вокруг заросло бурьяном.

В таких условиях пришлось начинать работу, которой я отдал тридцать два года,— продолжает Городецкий.

И все же в тех невероятно трудных условиях порушенного войной хозяйства, когда стояли в руинах многие наши города, в далекое Шушенское были направлены средства для необходимого ремонта, сохранения памятника.

Позже стало легче. Однако не всегда, когда становится легче, дело делается лучше...

— В послевоенные годы,— поясняет Николай Данилович,— к мемориальным домам проложили липовые, березовые аллейки, сделали яркие цветочные клумбы, во дворах зазеленели тополя, клены. Вокруг усадеб на массивных бетонных столбах установили металлическую решетку художественного исполнения. А рядом — газоны, скамейки, асфальтовые дорожки, словом, сад...

Можно, конечно, понять работников музея, шушенцев — ведь они хотели тем самым выразить любовь к Ленину, к его памяти. Но вдумайтесь: Шушенское не курорт, а место политической ссылки, которое своей суровой сутью должно было сломить волю молодого революционера, и в этом должен был быть его мемориальный смысл.

— Дошло дело до абсурда,— говорит Городецкий,— стали к нам приезжать туристы из дружественных стран, благо с дорогами и транспортом стало легче. И вот после посещения одной делегации за рубежом появилась статья, где автор рассказывает, как он посетил дачу В. И. Ленина! Должен сказать, это заставило нас задуматься.

Да, асфальтированные, озелененные, освещенные электричеством улицы, железобетонные заборы усадеб, лишенных еще в тридцатые годы надворных построек, новые здания создавали неверное представление о тех условиях, в которых на самом деле находились в ссылке Ленин, Крупская и их соратники.

Для того чтобы воссоздать достоверную бытовую обстановку Шушенского конца XIX — начала XX века, необходимо было полностью реконструировать часть села рядом с домами Зырянова и Петровой, восстановить уголок старой сибирской деревни, снести многое из того, что было построено в последние годы.

Генеральный план этого уникального музея под открытым небом площадью около семи гектаров с двадцатью девятью усадьбами, надворными постройками, сложными инженерными коммуникациями был осуществлен в 1968 году архитекторами Л. Петровым и К. Губельманом, а детализирован большой группой искусствоведов, архитекторов, инженеров из Москвы, Новгорода, Пскова, Горького, Ярославля, Костромы...

Вот документация на бывший дом Андрея Лучинского, перевезенный в Шушенское из недалекого села Коптырево. Он должен был заменить разобранный в свое время дом, стоявший на нечетной стороне Крестовой улицы. Листаю страницы исторического описания, далее идут схемы, данные обмеров, фотографии, зарисовки. Каждое строение тщательно изучалось, археологи вели раскопки — отыскивали основания фундаментов старых построек, осуществляли детальные замеры.

Искусствоведы и архитекторы во главе с руководителем группы Б. В. Гнедовским в жару и сибирский мороз обследовали сорок две деревни Шушенского и соседних районов, привозили из экспедиций эскизы, фотографии, все те же замеры, записи опроса местных жителей...

Вскоре в мемориальную зону на санях-волокушах въехал первый дом. Одновременно комплексная экспедиция Ленинградского музея этнографии народов СССР собирала историко-бытовые и историко-революционные материалы. Главными местами осмотра стали мемориальные дома, расположенные в разных концах заповедной территории, с полным восстановлением интерьеров, обстановки, надворных построек. А открытие мемориала состоялось 12 апреля 1970 года, в канун столетнего юбилея Ленина.

В ясный зимний день с Песчаной горки видно все Шушенское, Енисей, далекие Саянские горы.

Ленин любил это место, часто приходил сюда. Сейчас Песчаная горка, несколько других мест в окрестностях Шушенского включены в охранную зону музея, представляют собой природно-мемориальные памятники. На Песчаную горку, к озеру Перово, в Шушенский лесопарк приезжают многочисленные экскурсанты...

Позади остаются последние дома поселка, электроподстанция, и крепкая асфальтированная дорога ныряет в молодой соснячок.

«Верстах в 1 ½ — «бор», как торжественно называют крестьяне, а на самом деле преплохонький, сильно повырубленный лесишко, в котором нет даже настоящей тени...» — писал Ленин из Шушенского Марии Ильиничне Ульяновой. По сравнению с началом века «Шушенский бор» вырос в десятки раз, запрещена рубка, эффективно работают службы защиты от огня.

А с Песчаной горкой дело обстоит сложнее. Ветер срывает, переносит даже смерзшийся песок. Когда мы поднялись сюда, ветра почти не было, но все равно снег вокруг был грязно-желтый от песка. Склоны горки иссечены вдоль и поперек плетнями механической защиты, которые портят вид, но вряд ли спасают природный памятник от выветривания. В субботники шушенцы укрепляли песок дерном, но, видимо, полностью остановить действия стихийных сил пока не удается. Ну, а кроме того, тысячи гостей Шушенского приходят сюда и неизбежно вытаптывают податливый песок.

— Одной из наиболее важных и наболевших проблем сохранения природных мемориальных памятников в окрестностях Шушенского,— говорит Юрий Павлович Волченков,— является спасение озера Перово.

Юрий Павлович работал заведующим Домом-музеем В. И. Ленина, сейчас на партийной работе, и опасения его не преувеличены. Вообще о проблемах озера Перово и практически исчезнувшего уже озера Бутаково в Шушенском с болью говорили мне многие.

Озеро Перово, видимо, получившее свое название от обилия здесь во время линьки утиного пуха, было одним из любимейших мест отдыха и охоты Ленина. На его берегу восстановлен шалаш, в котором он пережидал непогоду, останавливался на привал.

В связи с осушением в окрестностях озер, болот Бутаково высохло полностью. Перово еще как-то держится, но зарастает с удивительной скоростью и, если не принять действенных мер, вскоре также погибнет.

Неужели наши мелиораторы, имеющие богатый и успешный опыт осушения болот, не в состоянии предотвратить гибель озера, сохранить уникальный природно-мемориальный памятник?

Есть у работников музея проблемы, которые необходимо решать, есть и перспективные замыслы. Предполагается, например, восстановление на Шуши деревянной плотины в том виде, в каком она была во время пребывания здесь Ленина, со всеми необходимыми постройками и деталями. Ведь Владимир Ильич нередко посещал мельницу, беседовал здесь с крестьянами.

Филиал Шушенского музея открыт в селе Ермаковское. В Минусинске сохранен краеведческий музей, библиотекой которого пользовался Ленин. Ведутся разведки старого ямщицкого тракта от Шушенского до станции Ачинск, по которому Ленин возвращался из ссылки. Вместе с поселком Краснотуранск при строительстве Красноярской ГЭС заботливо сохранен и перенесен на новое место дом, в котором, по утверждениям старожилов, останавливался Ленин. Там сейчас народный музей.

Шушенское — Москва.

Фоторассказ о Шушенском Александра ВИКТОРОВА см. на 4-й обложке.

1917 • 1987

Рассказ о судьбе необычной экспедиции, выехавшей из Петрограда в 1918 году для выполнения важного поручения Владимира Ильича Ленина сначала в Пензе, а потом в Москве.

Александр НИКИТИН

ДЕНЬГИ ДЛЯ РЕВОЛЮЦИИ

В ночь с первого на второе июня 1918 года центральный телеграф Пензы еще хранил следы недавних уличных боев с белыми: на полу — патронные гильзы, под ногами похрустывали осколки выбитых окон. У дверей телеграфа дежурили красноармейцы с винтовками. А первый прямой провод, который вновь удалось навести телеграфистам, уже связал Пензу с Москвой, откуда ожидались срочные распоряжения.

Телеграмма Председателя Совнаркома В. И. Ленина была принята ночью вне очереди: «Немедленно приступить **к упаковке** и отправлять изготовленные знаки в Москву, Народный банк, **со всеми предосторожностями и охраной».** Тогда же телеграмма была доставлена по назначению — управляющему Пензенским отделением Экспедиции заготовления государственных бумаг Павлу Васильевичу Калакуцкому.

С этим ленинским документом связана важная страница в деятельности Советского правительства по налаживанию экономической жизни страны, организации выпуска новых денежных знаков, которые должны были служить делу революции, построения социализма.

Первая мировая война окончательно расстроила экономику России. К осени 1917 года страна была на грани катастрофы: закрылись заводы и фабрики, не хватало топлива и продовольствия. Цены на товары достигли баснословных величин. В ходу были и старые царские деньги — «романовские» и так называемые «керенки», выпущенные в обращение Временным правительством. Петроградские фабрики старой Экспедиции заготовления государственных бумаг, печатавшие денежные знаки, работали круглыми сутками. Но рост цен опережал выпуск обесцененных бумажных денег. Положение усугублялось тем, что появилось множество подделок.

Советской власти предстояло в короткий срок наладить финансирование промышленности и торговли, взять в свои руки все банки, организовать выпуск новых денежных знаков. Но Петроград, единственное место, где в то время могли печатать такие знаки, уже зимой восемнадцатого года оказался прифронтовым городом. На него наступали кайзеровские немецкие войска.

Двадцать шестого февраля 1918 года Совнарком рассмотрел вопрос о переезде Советского правительства в Москву, об эвакуации из Петрограда Государственного банка с золотым запасом и Экспедиции заготовления государственных бумаг.

Но еще до принятия этого решения представители экспедиции были командированы для подыскания нового места размещения денежных печатных фабрик. Первым таким местом была определена Пенза, где имелось бумажное производство. Были определены и другие, более отдаленные пункты устройства отделений экспедиции, в их числе Пермь и Екатеринбург (ныне Свердловск).

Это важное дело поручается Павлу Васильевичу Калакуцкому, на имя которого Владимир Ильич Ленин подписывает мандат: «Сим удостоверяется, что ввиду особых обстоятельств государственной важности Управляющему Пензенским отделением Экспедиции заготовления государственных бумаг Павлу Васильевичу Калакуцкому предоставлено Советом Народных Комиссаров право конфискации и реквизиции через местные Советы всего необходимого для устройства отделения и складов экспедиции в Пензе, Перми и Екатеринбурге...»

Кем был до этого Павел Васильевич Калакуцкий?

После окончания юридического факультета Петербургского университета Калакуцкий многие годы работал в Экспедиции заготовления государственных бумаг, пройдя путь от чиновника особых поручений до заведующего приемной конторой. После Октябрьской революции Павел Васильевич перешел на сторону Советской власти. И когда управляющим экспедицией был назначен известный историк Михаил Константинович Лемке, то Калакуцкий стал его заместителем. Возможно, Лемке и предложил Ленину кандидатуру Павла Васильевича для выполнения важного поручения Советского правительства.

Весной восемнадцатого Владимир Ильич несколько раз встречался с Калакуцким. Еще 12 апреля, принимая питерца в Кремле, Владимир Ильич подробно расспрашивал Павла Васильевича о работе экспедиции, интересовался технологией печатания денежных знаков.

К печатанию денег требовалось приступить не позже 20 апреля — ровно через неделю. Обстановка в Пензе вопреки ожиданиям тоже оказалась сложной. Не успели печатники, приехавшие из Петрограда, завершить выполнение первого заказа, как и этот город стал фронтовым. Утром 29 мая в Пензе вспыхнул мятеж белочехов. Выстрелы загремели, когда рабочие уже были на фабрике. Тут же было принято решение: печатные станки на время вывести из строя, спрятать в тайниках новые денежные знаки, принять все меры к вооруженной защите фабрики.

Через три дня мятеж в городе был ликвидирован, фабрика начала работать снова. В ночь с 1 на 2 июня 1918 года Калакуцкий получает телеграмму от Владимира Ильича (с этого мы начали рассказ) с предписанием отправить денежные знаки в Москву. Все они были доставлены в целости и сохранности.

Таким образом, задания Ленина были выполнены в точно намеченный срок. Подтверждение тому — свидетельство управляющего Экспедицией заготовления государственных бумаг в Петрограде М. К. Лемке, приезжавшего в Пензу с инспекторской проверкой:

«Несмотря на самые неблагоприятные внешние условия, складывающиеся далеко не в пользу экспедиции, несмотря на невольную малочисленность технических руководителей и разного рода специалистов, несмотря на отдаленность Пензы от рынков Петрограда и Москвы, наша пензенская часть общими усилиями поставлена и оборудована в некоторых отношениях выше заданий Совета Народных Комиссаров. Работа совершалась с выдающейся энергией, а дело организовывалось с такой в некоторых направлениях предусмотрительностью, которая, казалось бы, совершенно исключалась быстротой выполнения задачи... Всем этим лицам я обязан той благодарностью, которую мне в свою очередь высказал в Москве Председатель Совета Народных Комиссаров».

Летом 1918 года Поволжье было охвачено огнем гражданской войны, исчезло само понятие тыловой город. О сложной обстановке, в которой выполнялись последующие жизненно важные поручения Советского правительства, красноречиво говорит такой факт: секретарь Совнаркома Горбунов просил Калакуцкого три раза в день срочными телеграммами сообщать в Москву о положении дел в Пензе. И каждый раз, когда во время переговоров по прямому проводу возникал особо сложный вопрос, пензенский телеграфист записывал слова Горбунова: «Ждите у аппарата. Иду говорить с Лениным».

19 июня 1918 года Горбунов передает в Пензу очередную ленинскую телеграмму, в которой содержится указание посланному в помощь Калакуцкому комиссару экспедиции А. Е. Минкину о том, чтобы поезд с имуществом экспедиции, подготовленной было к новой эвакуации, задержали пока в Пензе. У поезда должна быть хорошая охрана, а двинуть его надо будет немедленно в случае новой опасности занятия города белыми. Железная дорога должна быть всегда готовой к экстренному отправлению поезда на Москву. В телеграмме подчеркивается: «Озаботьтесь, чтобы хорошо припрятать деньги, остающиеся у Калакуцкого, дабы не попали в руки врага».

И так все три года — в тревогах, в стычках с врагами, защищая с оружием в руках фабрику и город, геройски держался коллектив строго засекреченной экспедиции. Восемьсот ее рабочих ушли на фронты гражданской войны, а остальные считались «призванными на действительную военную службу, с оставлением в своих должностях всех работающих обоего пола всех возрастов», как гласило постановление Совета Труда и Обороны республики.

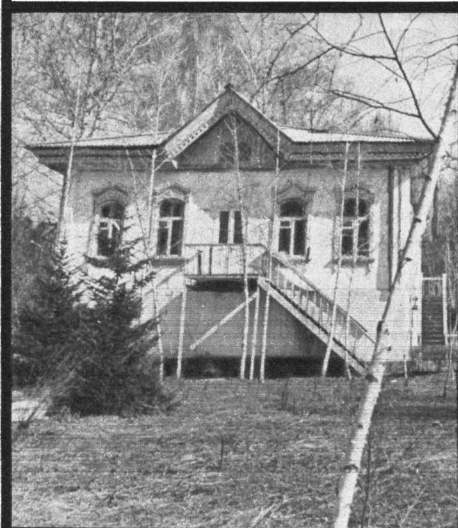
А когда было покончено с гражданской войной и интервенцией, вместо старой экспедиции создали Главное управление Гознака Наркомата финансов. Незначительную часть пензенской фабрики перевели в Пермь, а основную массу работающих — в Москву. Уехали в столицу и питерцы, прошедшие в Пензе суровую школу мужества и гражданской зрелости. Вместе с ними уехал и Павел Васильевич Калакуцкий, который стал руководителем московской фабрики «Гознак».

Может возникнуть вопрос: почему лишь недавно стали известны подробности о нем и его товарищах, выполнявших в Пензе столь важное ленинское поручение?

Павел Васильевич был человеком скромным, не любил говорить о своих заслугах. Долгие годы он возглавлял предприятия «Гознака», будучи сначала управляющим, директором, а потом коммерческим директором в Москве и Ленинграде. До конца своей жизни хранил Павел Васильевич мандат, подписанный Владимиром Ильичем Лениным. И лишь сын Калакуцкого, выполняя завещание отца, передал ценнейшую реликвию Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ЖИЗНЬ ЗА «КИРПИЧОМ»

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ — ВОТ ЕДИНСТВЕННО ВЕРНЫЙ КРИТЕРИЙ. О ТОМ, К ЧЕМУ ПРИВОДИТ ЗАБВЕНИЕ ЭТОГО ПРИНЦИПА, РАССКАЗЫВАЕТ НАМ КАЗАХСТАНСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ Юрий ЛУШИН.

Обычно все начиналось с возведения глухого забора (чем выше, тем лучше), за которым бурно закипало строительство (темпам его могли позавидовать ведущие фирмы мира). Стремительно в различных областях республики возникали за заборами коттеджи, охотничьи домики, двухэтажные терема. Когда в теремах натирали до зеркального блеска паркет, увешивали стены коврами, а потолки хрустальными люстрами, когда по зеленому сукну начинали метаться бильярдные шары слоновой кости, когда сауны наполнялись благородным сухим паром, а бассейны при них — ледяной кристально чистой водой, то приходила пора ставить у ворот охрану, а на дорогах, ведущих к резиденциям,— «кирпич». Есть, знаете, такой дорожный знак, который расшифровывается просто: «Въезд запрещен». Впрочем, не всем. «Свои» люди, «нужные» люди прочитывали знак по-своему: «Милости просим». Там, за «кирпичом», шла другая жизнь, отличная от нашей. Там они отдыхали от правильных речей, которые произносили на партийных совещаниях или собраниях рабочих коллективов, там келейно, в узком кругу решали дела, что были для них поважнее государственных, стараясь максимально извлечь из них свою личную выгоду. Там, упиваясь властью, определяли участь не угодных и угодных им людей, там по-родственному проектировали продвижение близких по службе. Там, за «кирпичом», не надо было притворяться, играть в честность и принципиальность, там они становились самими собой — любящими лесть, власть, земные блага... за государственный счет. Там, за глухими заборами, они чувствовали себя всесильными... Но все-таки за забором. Все-таки, значит, опасались хоть сколько-то народа, давшего им и власть, и права, но и обязанности, ответственность перед ним, о которых они очень быстро забыли. Какая жалкая участь — жить в страхе перед собственным народом. Или не опасались, что давший власть и отнимет ее? Но так именно и случилось...

Еще недавно А. Аскаров, бывший первый секретарь сначала Алма-Атинского, а затем Чимкентского обкомов партии, мог, как говорится, все. Мог «не препятствовать» подбору в столичные вузы кадров преподавателей по принципам родства и землячества, по протекции или приему студентов по тем же канонам, что привело к перекосу в национальном составе тех и других, а в конце концов к серьезным провалам в интернациональном воспитании молодежи. Мог заставить колхозы и совхозы во имя достижения любой ценой пресловутого казахстанского миллиарда пудов сдавать до последнего килограмма фуражное и семенное зерно. Впрочем, не во имя даже миллиарда, а во имя наград и личной славы, гарантированных миллиардом в известный период времени. Мог безмерно возвысить проштрафившегося, как возвысил Л. Бекжанова (сделав того первым секретарем Чардаринского райкома партии), бежавшего от ответственности из Узбекистана в Казахстан (ныне Л. Бекжанов исключен из партии). Мог, зная о миллионных приписках на Чимкентском свинцовом заводе и незаконном получении 141 тысячи премиальных рублей якобы за выполнение плана, представить его коллектив к государственной награде (и завод награжден был в 1984 году орденом Трудового Красного Знамени).

Как же развращало людей это всемогущество Аскарова! Невзирая на провалы в жилищном строительстве, на все растущую очередь на жилье, он распорядился возвести особняк для себя и знатных гостей в санатории «Сары-Агач» (строительство под видом 12-квартирного жилого дома обошлось более чем в полмиллиона рублей). Обставлялся особняк с королевской роскошью. Милым пустяком в сравнении с этим выглядит «скромный» охотничий домик площадью 233 квадратных метра на озере в другом конце Чимкентской области, где он лично отдыхал и охотился. Чтоб не пыльно было ехать, к дому провели четырнадцать километров асфальта, ЛЭП и телефонный кабель. Высокий забор, «кирпич» и охрана — само собой.

Аскаров мог благодаря влиятельным связям выдвинуть своего сына на должность заведующего отделом Алма-Атинского обкома партии, а зятя—на такую же должность в горкоме столицы. Но мог, если рассердится, и лишить человека должности, даже если тот работал далеко от Чимкента, например, в ЦК партии республики. Так, «осерчав» на работника отдела административных органов ЦК В. И. Сиськова (слишком дотошно и честно в составе проверяющей бригады ЦК КПСС вникал тот в деятельность Чимкентского обкома), Аскаров «выразил ему недовольство». Выражение получилось, очевидно, достаточно крепким для того, чтобы проверяющего после отъезда комиссии мигом убрали на другую работу.

Аскарову казалось, что так будет всегда. Но подул свежий ветер перемен, ветер очищения, ветер правды. Недавно коммунисты первичной партийной организации исключили А. Аскарова из партии и обратились в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой рассмотреть правомерность присвоения ему звания Героя Социалистического Труда и других правительственных наград. Но ведь полтора года кто-то уводил его от партийной ответственности. Кто же? Это станет понятно чуть позже, а пока, хотя бы кратко, познакомимся еще с некоторыми любителями жизни за «кирпичом», тем более что все они были связаны круговой порукой.

Всесильным считал себя и Д. Бекежанов, бывший помощник бывшего первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаева. Как и его шеф, Бекежанов любил охоту, незаконно хранил целый арсенал нарезного оружия. Охотился с размахом, даже с использованием самолетов, кормили и поили его везде бесплатно. Многие Бекежанова откровенно боялись, и, разумеется, не за пристрастие к браконьерской охоте. Знали: он способен на клевету, наветы, организацию подлогов, на вмешательство в расследование уголовных дел, приводившее к уводу уголовников от ответственности. Жил по правилу: «Я — начальник, ты — дурак». Тех, кто пытался его ослушаться или проверить, действительно ли идет то или иное указание от первого секретаря ЦК республики, ждала печальная участь.

Используя свое высокое положение, он необоснованно вмешивался в подбор и расстановку кадров, добивался руководящих должностей для своих родственников и близких. Так, после неоднократного нажима на руководство УВД Алма-Аты и МВД республики свояк Бекежанова С. А. Сулейменов был назначен заместителем, а затем первым заместителем начальника УВД (ныне уволен и исключен из партии). При этом замалчивалось об аморальном поведении Сулейменова, зато очередные звания, извините за каламбур, присваивались вне очереди, досрочно... Без очереди и даже без прописки получила в центре столицы трехкомнатную квартиру улучшенной планировки старшая сестра Бекежанова (жившая в другой области), а в ордер, выданный управлением делами ЦК, вписали его сына. Тот же сын, впрочем, быстренько получил другую трехкомнатную квартиру... При активном содействии Бекежанова и опять-таки с помощью бывшего управляющего делами ЦК партии Казахстана А. Статенина некий Есимжанов, судимый в прошлом за развращение малолетней, вселился в четырехкомнатную квартиру улучшенной планировки. За какие заслуги? Просто земляк Бекежанова, вполне достаточно... Совершивший тяжкое преступление заместитель командира специального дивизиона ГАИ (поясню: дивизион сопровождает правительственные выезды) М. Акуев, вначале уволенный из органов, исключенный из партии и отданный под следствие, не только был восстановлен на работе и в партии с помощью Бекежанова, но и повышен в звании, а затем назначен уже начальником того же дивизиона (сейчас арестован по совокупности преступлений)... Так же необоснованно, в обход комиссии партийного контроля стараниями Бекежанова восстановлен в партии Абаканов, бывший первый секретарь Шетского райкома партии Джезказганской

области (ныне справедливость, разумеется, восторжествовала). Многих бывших защищал и уводил от ответственности Бекежанов: директора «Казахтелефильма» Ахметова, председателя колхоза «Алма-Ата» Смыкова, генерального директора объединения по мясному птицеводству Ковинько и т. д. и т. п. Кто-то из них уже осужден, кто-то на пути к этому, все лишены партийных билетов. Надо быть слепым и глухим, чтобы не понять: вряд ли бескорыстно защищал этих проходимцев Бекежанов.

Другой бывший помощник Д. А. Кунаева, В. Владимиров охотился в отличие от Бекежанова не на природе, а в кущах литературных. Член Союза писателей, он за последние десять лет, по далеко не полным данным, выпустил в свет более ста литературных произведений. Магия должности распахивала перед ним двери издательств, гипнотизировала редакторов. Смешно, а скорее печально подумать, что, помогай первому секретарю ЦК Владимиров еще ряд лет, и он перещеголял бы по плодовитости и Сименона, и Дюма, и даже Агату Кристи. Только вот со сбытом у нашего чемпиона туговато, почему-то не становятся в очередь за его творениями читатели. Впрочем, гонорар от этого не страдает. За последние пять лет издательство «Жазушы» («Писатель») осчастливило читателя четырьмя томами Владимирова. Журнал «Простор» он вообще считал домашним, ежегодно печатался в трех, четырех номерах, занимая от трети до половины объема. Впрочем, бывали и более приятные моменты: так, в № 12 за 1981 год 182 страницы из 204 заполнены исключительно владимировскими текстами. Некоторые писатели, критики, рецензенты пытались остановить высокопоставленного рвача. Гнев Владимирова был скор и беспощаден. Без причин была освобождена от обязанностей председателя совета по русской литературе при секретариате республиканского Союза писателей Галина Черноголовина, уволен из «Простора» писатель Виктор Мироглов, корреспондент газеты «Правда» Юрий Шпаков, честнейший журналист, очернен в республиканской печати за критическое выступление и в конце концов был вынужден уехать из Алма-Аты. (Интересная деталь: Шпаков писал много лет тому назад как раз о злоупотреблении строительством роскошных особняков в Кзыл-Орде высокими чиновными лицами.) Откровенно шельмовались казахстанские писатели Ю. Герт, Ф. Чирва, А. Дубицкий, Т. Мадзигон, академик Е. Букетов... Узнаете почерк Аскарова, почерк Бекежанова? Делились опытом, наверное... Нет, не забывал личных обид Владимиров. Зато в другом был до странности рассеян: то забудет профсоюзные взносы заплатить с суммы в 65 450 рублей, то запамятует сущий пустяк — гонорар в тридцать шесть с половиной тысяч рублей, получение которого скрыл от партийной организации и партвзносы, естественно, заплатил лишь, когда обман открылся. В свете всего сказанного разве удивительно, что благодаря бывшему руководству ЦК Владимиров отделался легким испугом — выговором и лишь впоследствии, много времени спустя, исключен из партии?

Да, платить бывшие не любили. Брать любили, хапать, устраивать увеселения за государственный счет. Вот, упиваясь вседозволенностью, уже знакомые нам Бекежанов и Статенин вместе с бывшим управляющим ХОЗУ Совмина республики А. Лысым, втроем, без пассажиров, совершают на авиалайнере ТУ-134 увеселительную прогулку из Алма-Аты в Хабаровск, а оттуда... в Магадан и Петропавловск-Камчатский. За чей счет? Наивный вопрос. С какой целью? Да так, прикупить кое-чего, что в Казахстане не продается...

Алмаатинцы помнят прекрасную выставку югославской мебели. Но мало кто знал, что после ее демонстрации эта дорогостоящая мебель была растащена по своим квартирам узким кругом ответственных должностных лиц (вернее бы сказать — безответственных) из числа руководящих работников республики. Дележ вели уже известные нам Статенин и Лысый (себя, разумеется, не забыли) совместно с бывшим директором дома отдыха ЦК Компартии Казахстана Т. Каспаковым. Делили гарнитуры, можно сказать, «по труду»: кто предлагал более хитроумные способы обойти закон, проще говоря, уворовать, тот и получал больше. Кстати, выяснением этого сейчас и занимаются компетентные, как пишут в детективах, органы. Впрочем, уже известно, что зарубежная выставка закупалась не по розничным, а по оптовым ценам. Этот невинный трюк позволил грабительской артели недоплатить за мебель около тридцати тысяч рублей. Сэкономили, так сказать...

Теперь все они начинают каяться, валить вину друг на друга, со слезой утверждая, что они, мол, люди маленькие, что лишь выполняли волю вышестоящего руководителя и т. д. Жалкие людишки: жили нечестно, теперь ответить за свои пакости честно не могут — просто не умеют, давно разучились говорить правду. Синдром протекционизма, круговой поруки, родственных, родовых и преступных связей разъел их души. Но, быть может, самое страшное заключается в том, что они развратили многих. Конечно, сильный духом и честный человек в любых условиях оставался самим собой. Расчет поэтому велся на слабых. А неподкупных шельмовали, всячески третировали, вообще не брезговали при этом ничем, как это делал, например, особый любимец Аскарова, бывший первый секретарь Абайского райкома партии Чимкента Мустафаев, который длительное время занимался взяточничеством с помощью шантажа, провокаций и даже прямых угроз убийства должностных лиц и членов их семей. Причем делал это, даже зная о своем предстоящем аресте. Может быть, думал, что его вызволит и на сей раз Аскаров, называвший себя не иначе, как Улы — Великий?

Странным образом в республике перевернулось понятие о деловитости, в которое мы привыкли включать профессиональные знания и умение, замешанные на честности, принципиальности, порядочности. Нет, деловым у бывших считался тот, кто «умел жить», имел родовые связи или тесные знакомства в высоких сферах, кто исповедовал принцип «ты — мне, я — тебе». Я тебе — машину без очереди, ты мне — материалы для дачи. Я тебе — должность в вузе, ты мне — прием в этот вуз моих детей или детей родственников, знакомых вне конкурса. Я тебе — квартиру в обход закона, ты мне — взятку... Варианты множились. «Деловой» человек Г. Дмитриев, бывший начальник Чимкентского областного пассажирского автоуправления, организовал систему взяточничества и круговой поруки, втянув в нее около семисот человек. Могла ли в таком коллективе существовать атмосфера демократизма? Сам брал взятки и коврами, и мехами, и радиотехникой, и купюрами, конечно. Еще «более деловым» (но он и по должности выше) оказался бывший министр автотранспорта Казахской ССР О. Караваев, опутавший преступной сетью взяточничества около тысячи человек в Карагандинском автоуправлении, откуда был выдвинут на должность министра...

Кадровые вопросы в республике решались келейно, в узком кругу особо доверенных лиц, без учета мнения трудовых коллективов. Поэтому, например, в вузах процветали семейственность и протекционизм. Так, в Казахском государственном университете в родственных связях состояли около сотни человек, в Казахском политехническом — 46, Рудненском индустриальном — 44, Алма-Атинском институте народного хозяйства — 35... Примеры можно продолжать. Могло ли это способствовать демократизации внутривузовской жизни, созданию в коллективах атмосферы гласности, критики и самокритики, принципиальности?

Они, бывшие, кичились казахским гостеприимством: потому, мол, и строили особняки, дачи, разные охотничьи домики, чтобы достойно принять дорогих гостей. Да, казахский народ действительно добр, щедр и радушен. Скольких сирот в годы войны приютили, а затем и воспитали, вывели в жизнь казахские семьи. Сколько русских носят и теперь казахские фамилии, потому что считают воспитавших их своими родителями. Это и есть настоящее казахское гостеприимство. Его помнят посланцы советских республик, поднимавшие вместе с казахами целинные земли. Оно знакомо путнику, спасенному от жажды в Кызылкуме случайно встреченным чабаном. Тем путником был я. Недаром казахский народ сложил пословицу: «Если встретишь в степи человека, обрадуй его, может быть, ты видишь его в последний раз». В ней словно в зеркале отразилась бескорыстная, добрая душа казахского народа: обрадуй человека не потому, что завтра он тебя обрадует, а просто потому, что встретил его. Бывшие глумились над этой народной мудростью. Их «гостеприимство» всегда строилось на корысти, расчете, оно должно было служить как бы авансом за будущие услуги гостя. Кому придет в голову настоящее радушие и доброту прятать за глухой забор, за «кирпич», как это делали, в частности, в Петропавловске? Для его жителей сосновая роща у озера Пестрого была святым местом: еще до революции рабочие собирались здесь на маевки, слушали пламенные речи большевика Валериана Куйбышева (имя которого, кстати, ей присвоили впоследствии). Тут был открыт первый в Северном Казахстане пионерский лагерь, тут принимали в комсомол, тут проводились городские митинги, тут любили отдыхать семьями... Но вот на дороге к озеру появились уже описанный прежде «кирпич» и высокий забор, за которым поднялись два двухэтажных особняка. Один из них, построенный по заказу горкомхоза, числился загородным пунктом гражданской обороны (стоимостью, между прочим, свыше полумиллиона рублей).

Наверное, для более эффективной обороны особнячок отделывали гранитом, мрамором, паркетом, обставляли дорогой мебелью (один бильярд стоил более полутора тысяч). Интересно, что от такой любовной отделки он нисколько не подорожал (по документам). Особый размах «оборона» приобретала с приездом высоких гостей из столицы республики или просто гостей тех высоких гостей. Тогда на втором этаже ставилась по такому случаю большая белая юрта (выходило дом в доме), что должно было, видимо, означать высшее казахское гостеприимство. В юрте, конечно, и бешбармак, и на отдельном блюде голова черного барашка самому почетному гостю, и кумыс, и кое-что покрепче, и заздравные льстивые речи. Справедливости ради надо отметить, что впоследствии оба особняка получили название филиала гостиницы «Восход», но с оговоркой: для особо важных гостей. Документы свидетельствуют, что содержание этого суперфилиала обходилось государству почти в 45 тысяч рублей ежегодно, зарплата обслуги (не считая милиционеров охраны) составляла 14,5 тысячи, электричества сжигалось на две с лишним тысячи рублей, телефонных речей наговаривалось на тысячу двести... Однако тщетно искать в документах должности и фамилии «больших» людей и «особо важных» гостей. Странно, и документы, оказывается, могут быть забывчивыми?

Повторюсь, что подобные престижные объекты возводились во многих областях республики (в той же Северо-Казахстанской области описанный выше «филиал» был далеко не единственным). Нет смысла говорить обо всех подробно: бумаги не хватит, да и картина получится удручающе однообразной. Отмечу только, что строились они, как правило, в самых красивых и живописных местах: в курортной зоне Боровое, на озере Кульсай, в горных ущельях, на худой конец просто в Ботаническом саду, как это случилось в Баканасе (ну негде больше, кругом пустыня, пески). По Баканасскому избирательному округу, между прочим, традиционно баллотировался в депутаты Верховного Совета республики Д. А. Кунаев. И роднила между собой все резиденции, конечно, еще роскошь за государственный счет. Ну почему, например, оснащались дачи Алма-Атинского горисполкома хрустальными люстрами тысячной стоимости и дорогой, далеко не дачной мебелью? И почему в то же самое время республика хронически отставала в удовлетворении спроса своих сограждан на жилье? Почему в течение 18 лет не выполнялось, например, задание по строительству в Алма-Ате туберкулезной больницы? Почему в разряде долгостроя значатся и другие подобные объекты в республике: 14 лет сооружается корпус тубсанатория «Боровое», восьмой год тубсанатория «Чимган»? Ведь уровень заболевания туберкулезом в республике превышает среднесоюзный более чем в полтора раза, а в некоторых областях — в 2—4 раза.

Теперь решением правительства Казахской ССР положен конец всем «престижным» объектам — «малым» гостиницам, охотничьим домикам и прочим «хитрым» особнякам. На их базе дополнительно открываются больницы на 350 коек, поликлиники на 560 посещений, детские санатории на 160 мест, пионерские лагеря почти на две тысячи мест. На полторы тысячи мест увеличатся общежития и на столько же гостиницы общего пользования, получат квартиры 365 семей инвалидов и участников Великой Отечественной войны, многодетные семьи. Социальная справедливость в республике восстанавливается, широкой гласности предаются факты о любителях «жизни за «кирпичом», разработана и осуществляется программа «Жилье-91». Сегодня мы можем во весь голос сказать, что казахский народ с новой силой проявил присущий ему подлинный интернационализм, самое высокое и уважительное отношение ко всем нациям и народностям. Народ верно понял и осудил негативные националистические проявления некоторой части экстремистски настроенной молодежи в декабре прошлого года в Алма-Ате. Многие, кстати, были втянуты в это обманом, иногда силой, угрозами и шантажом. Народ оценил эти выступления как бунт мелких баев против восстановления социальной справедливости.

Но гласность, к которой призывает нас партия, утверждение принципа социальной справедливости как нормы жизни общества ставят все больше прочных заслонов для любителей «сладкой жизни» за государственный счет.

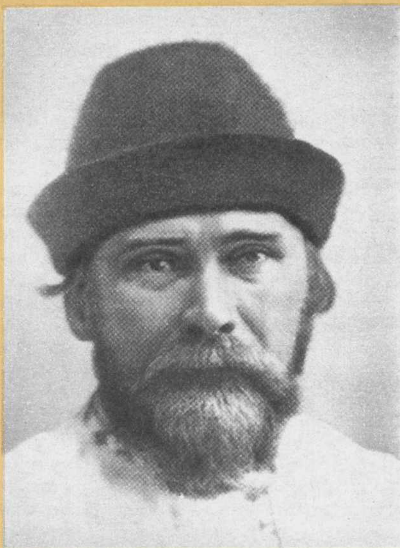
ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Николай Клюев (1887—1937). Был такой рапповский термин «клюевщина», служивший синонимом реакционной патриархальности. Основанием к нему больше всего послужила, пожалуй, нашумевшая строчка Клюева «Не хочу Коммуны без лежанки»... Однако поэтика Клюева, впитавшая в себя и фольклорные мотивы, и диалектизмы, во многом превосходила его декларации, и Есенин у Клюева многому научился. Клюев, ходивший в косоворотке, смазных сапогах, по свидетельству современников, был европейски образованным человеком, говорил на нескольких языках. Одно время Клюевым очень интересовался Блок, а сам Клюев преклонялся перед его стихами. Сергей Клычков (Лешенков) (1889—1940) примкнул к новокрестьянскому направлению Клюева, Есенина. Разрабатывал сказочные мотивы. Мастерски владел народной речью. В его стихах так же, как у Клюева, сильна ностальгия по патриархальному укладу. Иван Приблудный (Яков Овчаренко) (1905—1937). Во время гражданской войны был беспризорником, затем сражался в дивизии Котовского. Учился в Высшем литературно-художественном институте имени Брюсова. Сблизился с Есениным, по-своему развивая крестьянскую тему. Обладал сочным народным юмором. Вся литературная Москва тех времен знала на память его действительно обаятельную смешную строфу: «Я жениться никогда не стану, этой петли я не затяну, потому что мне не по карману прокормить любимую жену». Редкостно одаренный, не успевший раскрыться поэт.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

КОРАБЕЛЬЩИКИ

Мы корабельщики-поэты,
В водовороты влюблены,
Стремим на шквалы и кометы
Неукротимые челны.

И у руля, презрев пучины,
Мы атлантическим стихом
Перед избушкой две рябины
За вьюгою не воспоем.

Что́ романтические ямбы —
Осиный гуд бумажных сот,
Когда у крепкогрудой дамбы
Орет к отплытью пароход!

Познав веселье парохода
Баюкать песни и тюки,
Мы жаждем львиного приплода
От поэтической строки.

Напевный лев (он в чермной хмаре)
Взревет с пылающих страниц —
О том, как русский пролетарий
Взнуздал багряных кобылиц,

Как убаюкал на ладони
Грозовый Ленин боль земли,
Чтоб ослепительные кони
Луга беззимние нашли,—

Там, как стихи, павлиноцветы,
Гремучий лютик, звездный зев...
Мы — китобойцы и поэты —
Взбурлили парусом напев.

И, вея кедром, росным пухом
На скрип словесного руля,
Поводит мамонтовым ухом
Недоуменная земля!

1926 или 1927 г.

●

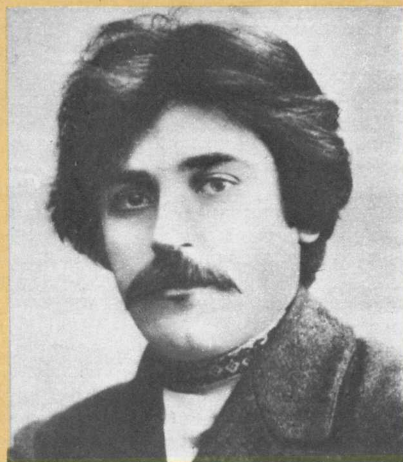
Темным зовам не верит душа,
Не летит встречу призракам ночи.
Ты, как осень, ясна, хороша,
Только строже и в ласках короче.

Потянулися с криком в отлет
Журавли над потусклой равниной.
Как с природой, тебя эшафот
Не разлучит с родимой кручиной.

Не однажды под осени плач
О тебе — невозвратно далекой
За разгульным стаканом палач
Головою поникнет жестокой.

1912 г.

СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ (ЛЕШЕНКОВ)

●

Любовь — неразумный ребенок —
За нею ухаживать надо
И лет до восьми от пеленок
Оставить нельзя без пригляда...

От ссоры пасти и от брани
И няню брать с толком, без спешки...
И чтоб не украли цыгане,
Возить за собою в тележке!

Выкармливать грудью с рожденья,
А спать класть у самого сердца,
На стол без предупрежденья
Не ставить горчицы и перца!

А то может так получиться,
Что вымажет ручки и платье,
И жизнь вся пропахнет горчицей,
А с горечью что ж за объятья!

И вот за хорошим уходом
Поднимется дочь иль сынишка —
И брови крутые с разводом,
И щеки, как свежие пышки!

Но так, знать, положено нам уж,
Что счастью не вечно же длиться:
И дочь может выскочить замуж,
И может сынок отделиться!

Ребенок же слабый и хилый,
Во всем обойденный судьбою,
С тобой доживет до могилы
И ляжет в могилу с тобою!

С ним только вот, кроме пеленок,
Другой не увидишь отрады:
Любовь — неразумный ребенок,
Смотреть да смотреть за ней надо!

●

За ясную улыбку,
За звонкий смех врассыпку
Назначил бы я плату,
Я б основал палату,
Где чистою монетой
Платили бы за это...
...Но мы не так богаты:
Такой палаты нету!

ИВАН ПРИБЛУДНЫЙ (ЯКОВ ОВЧАРЕНКО)

●

Мне стыдно за мои стихи,
Что в эти дни разрух и брани
В них вместо маршей иль воззваний
Так много всякой чепухи.

Кругом пожар, кругом война,
Окопы, танки, баррикады,
А у меня... холмы да хаты,
И всюду мир и тишина.
Да, стыдно мне!

Но что же вы,
Увенчанные и большие,
Гремящие на всю Россию
В страницах грамотной Москвы,
Что дали вы?..

Плакаты, крики,
Сезонных молний вывих диких,
Нарядность ритма, рифмы зык
И деревяннейший язык.

И это все, и только это.
И трудно, трудно без конца —
Искать в болтающем поэта
Иль в завывающем певца.

И счастлив я, что я не стар,
Что еле-еле расцветаю,
Что шелест мая рассыпаю,
Как первый, чуть созревший дар.

— О край мой, выгон и овин,
Есть у меня отрад отрада —
Что этих строк немудрым складом
Холодным, каменным громадам
Несу тепло твоих долин.

И я не сам, за мною рать
Детей затей, сынов событий...
— Не трогайте ж нас, не травите
И не спешите признавать!

Февраль 1924 г.

ПРО БОРОДУ

Ой, чуй, чуй-чуй-чуй,
На дороге не ночуй.
Едут дроги
во всю прыть,
могут ноги
отдавить.
Едет в дрогах старый дед —
двести восемьдесят лет,
и везет на ручках
маленького внучка.
Внучку этому идет
только сто тридцатый год,
и у подбородка
борода коро́тка.
В эту бороду его
не упрячешь ничего —
кроме полки с книжками,
мышеловки с мышками,
столика со стуликами
и буфета с бубликами,—
больше ничего!..
А у деда борода,
как отсюда вон туда...
И оттуда через туда
и опять потом сюда.
Если эту бороду
расстелить по городу,
то проехало б по ней:
сразу тысяча коней,
два буденновских полка,
двадцать два броневика,
тридцать семь автомоторов,
триста семьдесят саперов,
да стрелков четыре роты,
да дивизия пехоты,
да танкистов целый полк.
Вот такой бы вышел толк,
если б эту бороду
да расстелить по городу.
Ух!

1929 г.

П. П. СОКОЛОВ-СКАЛЯ. 1899—1961.
ТАМАНСКИЙ ПОХОД. 1928.

Известный советский художник, академик живописи Павел Петрович Соколов-Скаля на протяжении многих лет работал в жанре исторической и панорамной картины. Ученик русского советского живописца Ильи Машкова, в 1920 году он создает общество художников «Бытие», которое ставило своей целью возврат к реалистической картине. Соколов-Скаля участвует в последней выставке «Мира искусства», а в 1926 году вступает в Ассоциацию художников революционной России, известную как родоначальник социалистического реализма. В то время художник пишет полотна военно-исторической тематики, с 1934 года участвует в создании панорамы «Штурм Перекопа».

С первых дней войны Соколов-Скаля становится художественным руководителем мастерской «Окна ТАСС», где за все военные годы создал несколько сотен плакатов. Впоследствии мастер работает над историческими сюжетами.

Он создает картины «Иван Грозный и Владимир Старицкий», «Штурм Севастополя», работает в театре.

Полотно «Таманский поход» написано в 1928 году и является этапной, ключевой картиной в творчестве Соколова-Скаля.

А. В. УЧАЕВ. Род. 1939.
КРЕСТЬЯНСКАЯ ВЕСНА. 1980.

ПАЛИТРА
ЭРЫ
ОКТЯБРЯ

Заслуженный художник РСФСР Анатолий Учаев живет и работает в Саратове. Он выпускник Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, где учился в мастерской народного художника СССР, академика Е. Е. Моисеенко.

Свой творческий поиск художник ведет в основном в области жанровой, тематической картины, пишет портреты. В работах живописца угадываются символика и некоторое обобщение образов, более полно передающее замысел художника.

Картины, написанные Анатолием Учаевым, находятся во многих крупных музеях страны.

Дзиро ИКУСИМА

РАССКАЗ

Рисунок Виктора СКРЫЛЕВА

ТАКСИСТ

е суди о человеке по наружности»,— говорят в Японии, и к Рёскэ Ханаи эти слова подходили как нельзя лучше. Ему было шестьдесят два, но выглядел он гораздо моложе, самое большее — лет на пятьдесят с хвостиком. Волосы у него, правда, уже поредели, но лысина пока не появилась, а морщины на свежем, загорелом лице не бросались в глаза. Дружелюбные, немного навыкате глаза под вопросительно приподнятыми бровями, вздернутый нос, мясистый улыбчивый рот. В общем, это круглое, толстощекое лицо свидетельствовало о том, что его обладатель — человек покладистый и незлой. Несмотря на пухлую физиономию, небольшое тело Ханаи было крепко сбитым и мускулистым.

Последние пятнадцать лет он проработал таксистом, но его миновали профессиональные шоферские недуги — боли в позвоночнике и желудочно-кишечные заболевания. Сам факт, что в шестьдесят два года Ханаи ни на что особенно не жаловался, красноречиво говорил о его железном здоровье.

И тем не менее с работой ему пришлось расстаться, а с этим он примириться никак не мог. Рёскэ работал шофером в одной из четырех крупнейших таксомоторных компаний, а там пенсионный возраст был установлен в шестьдесят лет. Поскольку Ханаи и достигнув этого рубежа, привозил выручки не меньше, чем водители помоложе, руководство фирмы некоторое время смотрело на его возраст сквозь пальцы, но через два года компании все-таки пришлось отстранить Ханаи от работы, так как это шло вразрез с установленными правилами. Нельзя было ставить одного шофера в исключительное положение, создавая нежелательный прецедент.

Руководство компании сняло Ханаи с рейсов и предложило ему канцелярскую работу, однако он не согласился. Так на его месте поступило бы большинство таксистов. Они привыкли к тому, что стоит им выехать за ворота парка, и они вольные птицы — не надо сидеть весь день, скрючившись за столом, подстраиваться под настроение начальства, подобно обычным служащим. В этом, безусловно, есть своя прелесть: сел в машину, тронулся с места — и ты сам себе хозяин. Существует, конечно, определенная норма дневной выработки, и если водитель не выполнит ее, он ничего не заработает.

Таксисту с хорошим чутьем сделать норму — раз плюнуть, в особенности если он работает в крупной фирме, которая обязательно имеет множество постоянных клиентов. Машины такой компании оснащены радиотелефоном, и заявки от клиентов сразу передаются шоферам из диспетчерской, так что им заработок достается гораздо легче, чем водителям небольших транспортных фирм.

Провести за рулем почти целые сутки, постоянно разыскивая новых пассажиров, очень тяжело, это требует огромного напряжения — и физического, и нервного; к концу смены шоферы от усталости буквально валятся с ног. Но зато им не приходится, как большинству людей, сидеть привязанными к рабочему месту, и к этому прибавляется еще горделивое сознание того, что ты зарабатываешь деньги совершенно самостоятельно, без чьей-либо помощи и подсказки.

Порой бывает, что таксист, устав от тяжелых нагрузок и вечного беспокойства по поводу нормы, бросает свою работу и поступает на какую-нибудь обычную службу, однако, будучи не в силах вынести скованности и монотонности новой работы, он чаще всего снова садится за баранку.

Рёскэ Ханаи был таксист до мозга костей. Машина слушалась малейшего прикосновения его пальцев, и еще он обладал поразительным чутьем на клиента. Для шофера такси главное — уметь с одного взгляда безошибочно определить, кто из прохожих станет пассажиром, а кто нет, и еще очень важно рассчитать время так, чтобы потенциальный клиент сел в твою, а не в чужую машину. Здесь все решается мгновенно, с помощью шестого чувства. Таксист, имеющий «нюх», всегда притормозит перед клиентом секунда в секунду и лихо умчит его прочь. А шофер, лишенный этого чутья, на несколько секунд опоздает, и пассажира уведут у него из-под носа.

Рёскэ имел безошибочный «нюх», к тому же за пятнадцать лет работы таксистом у него набралось немало постоянных клиентов. Поэтому он чувствовал себя очень уверенно и каждый раз, кружа по улицам, испытывал огромное удовольствие, проверяя свое шестое чувство при поиске очередного пассажира.

Нет, ему не улыбалось менять свою баранку на каждодневное сидение за канцелярским столом. Решив, что лучше вообще уйти из фирмы, Рёскэ подал заявление и уволился.

В маленьких компаниях не так строго придерживаются правил, подумал он и попытался найти работу там, но даже маленькие фирмы, узнав, что ему уже шестьдесят два, брать его не хотели. Так Рёскэ стал безработным. У него имелись кое-какие сбережения, и нищета ему пока не грозила, но этих денег не могло хватить надолго. Надо было искать работу.

Кроме того, у Рёскэ росла дочь, в этом году ей исполнилось восемнадцать. Она родилась, когда ему уже стукнуло сорок четыре; и после того, как три года назад умерла жена, Рёскэ жил с дочкой вдвоем. Весь смысл его жизни заключался в Масако. Девушка совсем недавно поступила на первый курс колледжа, и Рёскэ твердо решил продолжать работать до тех пор, пока она не закончит учебу.

Как всегда, он проснулся ровно в полночь. Поужинав с дочкой в шесть часов вечера, Рёскэ ложился спать и в двенадцать просыпался. За последние полгода это вошло у него в привычку.

Когда Рёскэ был моложе, он мог двое суток подряд обходиться без сна и никогда не клевал носом, если не выспался, но теперь годы брали свое. От недосыпа в теле после ночной работы накапливалась усталость. Но шести часов сна было вполне достаточно, чтобы он чувствовал себя бодрым и отдохнувшим.

Встав с кровати, Рёскэ сладко зевнул и вышел в пижаме на кухню, чтобы сварить кофе. Услышав его шаги, из соседней комнаты высунулась Масако. Их квартира состояла из двух комнат. Рёскэ спал в той, что ближе к прихожей, а дальняя, десятиметровая, была отдана в распоряжение дочери.

— Пап, ты встал? Уже пора уходить? Давай тебе что-нибудь приготовлю перекусить.

— Не надо. Иди спи. Завтра занятия.

Каждый раз, когда Масако из-за него просыпалась, Рёскэ испытывал угрызения совести, но ее внимание было ему очень дорого. Ради такой дочки стоит вкалывать, думал он.

— Ничего,— сказала Масако, заходя в кухню,— у меня завтра занятия после обеда. Я лежала и читала, не переживай. Давай лучше собирайся.

— Ну-ну, ладно.

Рёскэ пошел в ванную, почистил зубы, побрился, ополоснул лицо холодной водой и не спеша справил нужду.

Настроение стало ровным, хорошим, теперь можно было и на работу. Выйдя из ванной, Рёскэ потянул носом аппетитный запах, доносящийся из кухни. Он надел серую водолазку, синий джемпер и синие же брюки. Вещи были не новые, но чистые и не потрепанные. Выглядеть аккуратно и не бросаться в глаза было очень важно для работы Рёскэ. Внимательно осмотрев себя в зеркале, он остался доволен.

— Папа, иди есть,— позвала из кухни Масако.

На столе стояли яичница с ветчиной, тосты и только что снятый с плиты кофе. Рёскэ был уже не в том возрасте, когда просыпаются со зверским аппетитом, но на пустой желудок много не наработаешь. Яичница с ветчиной и тосты — как раз то, что нужно. А кофе просто необходим, чтобы во время ночной работы не клонило ко сну.

— Красота! — улыбнулся Рёскэ дочке и, сев за стол, начал есть.

— Слушай, пап,— сказала Масако, пристроившись с чашкой кофе напротив него,— почему тебя все время назначают в эту смену? Ты не можешь попросить, чтоб пораньше? Не молоденький уже по ночам работать, загубишь вот здоровье.

Рёскэ вздрогнул и с трудом протолкнул в горло недожеванный кусок тоста. Смутившись, он отхлебнул кофе и закашлялся.

— Так удобней фирме. Ничего не поделаешь.

Он так и не сказал Масако, что уволился. Тем более она ничего не знала о его нынешнем занятии. Надо было придумать какое-то объяснение.

— Я ведь уже достиг пенсионного возраста. Поэтому меня больше не используют как штатного водителя. Я все время на подмене. В такси, дочка, на одной машине обычно ездят два шофера. Каждый работает по тринадцать дней в месяц, и если, скажем, один из водителей заболел, вызывают подмену. Раз я вышел из возраста, меня и перевели в такие вот внештатные водители. И то еще повезло. Обычно просто увольняют безо всяких разговоров.

— Но почему тебе все время приходится подменять по ночам? Неужели ничего нельзя сделать?

— Нет. Дневную смену всегда отдают штатным шоферам. Вот и получается, что свободным чаще всего остается ночное время. А мне так даже лучше. Если б я ходил в парк днем, труднее было бы получить машину, а чем сидеть там и ждать, не освободится ли какое-нибудь такси, лучше уж ходить ночью. Почти наверняка без работы не останешься. Так что ты не волнуйся. Я пятнадцать лет прокрутил баранку, сутками не вылезал из машины. По сравнению с той порой сейчас просто лафа.

— Да мне невыносима мысль, что ты вообще должен работать в таком возрасте! — со слезами в голосе воскликнула Масако.— Надо бросать колледж и устраиваться куда-нибудь на работу. Тогда тебе не придется надрываться.

— Не болтай ерунды! Скольких трудов стоило попасть в колледж, а ты хочешь все усилия пустить на ветер?! Да ни за что на свете!

Рёскэ грохотал и делал страшные глаза, но сердце его разрывалось от любви, когда он смотрел на заплаканное, совсем еще детское лицо Масако. «Да для такой дочки я на что хочешь пойду!» — снова подумал он.

— И потом я люблю свою работу. Мне нравится быть таксистом. Я не ухожу из фирмы вовсе не из-за твоей учебы. Пока я здоров, я такси не брошу.

И это было правдой.

— Если я перестану работать, я сразу превращусь в старика. Такси — залог моего здоровья. А брось ты колледж и устройся куда-нибудь на службу, тебе будут платить столько, что мне этого и на табак не хватит. Я должен накопить немного денег на старость. Понимаешь, Масако?

— Да.

Масако смахнула слезы кончиками пальцев и улыбнулась отцу.

— Я буду хорошо учиться и получу диплом, а потом устроюсь на работу в солидную фирму, и тогда у тебя, папочка, будет все, что ты захочешь.

— Ну вот и умница.

Рёскэ тоже улыбнулся и, доев все до последней крошки, встал из-за стола.

— Ну, я пошел.

— Счастливо, папочка.

Масако проводила его до двери и помахала вслед рукой. Этот детский жест, такой знакомый Рёскэ, помог ему вновь обрести хорошее расположение духа.

Отойдя метров на пятьсот от дома, он остановил такси и велел водителю ехать в Икэбукуро. Путь неблизкий и влетит в копеечку, но ничего не поделаешь. За минувшие полгода Рёскэ «обработал» все более или менее близкие районы, а промышлять несколько раз в одном и том же месте было опасно.

Он, конечно, прекрасно знал, как быстрее всего доехать от этой улицы до Икэбукуро,— за пятнадцать лет работы в такси названия и расположение кварталов, улиц, домов и парков накрепко засели в его голове. Но водитель машины, в которую он сел, молодой парень лет двадцати пяти, судя по всему, набраться опыта еще не успел. Для такого ветерана, как Рёскэ, это было заметно с первого взгляда — по тому, как шофер брался за рычаг переключения скоростей, следил за проезжей частью, вообще по самому ходу машины.

Сидевшему на заднем сиденье Рёскэ неопытность шофера действовала на нервы, и он с трудом сдерживался, чтобы не начать учить парня уму-разуму. Только когда машина свернула не в ту сторону, он сделал водителю замечание.

Дзиро Инусима (род. в 1939 году) — один из наиболее читаемых современных писателей Японии, лауреат почетной литературной премии Аоки. Его перу принадлежат сборники рассказов и повести «Избранный город» (1964), «Преследование» (1970), «Обрывки зла» (1983), роман «Желтые пороги» (1967). На русский язык он переводится впервые. Популярность произведений Инусимы объясняется тем, что занимательность сюжета, неожиданные повороты фабулы сочетаются в них с постановкой социальных проблем, близких каждому японцу. В этом смысле рассказ «Таксист» особенно характерен. Рассказ взят из сборника современной японской новеллы «Дорога к замку», который готовится к изданию в библиотеке журнала «Иностранная литература».

Среди таксистов попадаются такие, которые, видя, что пассажир не знает дороги, норовят повезти его кружным путем, чтобы побольше нащелкало на счетчике. Но этот парень, видимо, просто еще недостаточно хорошо знал город. Рёскэ объяснил ему, как надо ехать, и шофер удивился:

— Как вы хорошо знаете Токио! Лучше, чем мы, таксисты.

Рёскэ внутренне замер, но ответил нарочито небрежным тоном:

— Да нет, просто я всегда езжу этой дорогой, только и всего.

Опытный таксист сразу распознал бы в нем своего, а этот еще слишком зелен, успокоил себя Рёскэ.

— Что, все время ездите в Икэбукуро по ночам? — еще больше поразился шофер.— Извините, а что это у вас за работа такая?

— Почему работа? Я иногда, как сегодня, например, засиживаюсь тут у приятеля за игрой в маджан *, вот и приходится возвращаться домой на такси. Я живу в Икэбукуро.

Рёскэ внутренне улыбнулся, представив, как отвисла бы челюсть у парня, если бы тот узнал, что они коллеги, да еще кое-что насчет его ночной работы.

— В моем возрасте уже утомительно засиживаться за игрой допоздна.

— Наверно. Среди нас, таксистов, тоже многие любят играть на деньги. Есть такие, которые все свободное время во что-нибудь режутся. Я тоже люблю это дело. Тут продулся в пух и прах, вот и приходится наверстывать за баранкой.

Рёскэ и сам знал, что таксисты любят азартные игры, будь то скачки, бега, маджан, карты или кости. Те из них, кому вдруг повезет, нередко пускаются в темные делишки и, как правило, остаются на бобах, потеряв в этих махинациях и силы, и здоровье. Встречаются, правда, и таксисты другого типа — оборотистые ребята, которые, скопив немного деньжат, начинают ссуживать своим азартным товарищам под проценты, спекулируют земельными участками, да еще, глядишь, и жена у такого хозяйничает в собственной забегаловке. Рёскэ не относился ни к тем, ни к другим. Он был не прочь иногда сыграть в приятной компании, но всерьез этим никогда не увлекался. Не пытался он и наживаться на страстях своих товарищей. Рёскэ всегда гордился, что зарабатывает на жизнь честным трудом...

Он вышел из такси примерно за полкилометра до намеченного места. Ближе вылезать никак нельзя: если потом начнется разбирательство, шофер может сопоставить факты и сообщить в полицию его приметы.

На улице не было ни души, шел второй час ночи. Рёскэ неторопливо приближался к цели своей поездки. Это был гараж небольшой таксомоторной компании. Он заранее выяснил, что фирма имеет около двадцати машин. Именно такие предприятия подходили для его намерений лучше всего.

«Работа» Рёскэ заключалась в том, что он пробирался в гараж, садился в чужое такси и уезжал в город на промысел. Таких, как он, прозвали «похитителями такси». Угнанную машину он никуда не прятал и никому не продавал. Он просто как бы «одалживал» ее у компании на время, возил пассажиров, а потом, израсходовав бензин, бросал автомобиль и возвращался домой.

Сам перед собой Рёскэ оправдывался тем, что машины не крадет — ведь они потом все равно возвращаются к владельцам. Он берет немного бензина и некоторое время пользуется машиной, только и всего. Фирма терпит не бог весть какие убытки, а значит, не так уж велика и его вина.

Доход от этого промысла Рёскэ имел неплохой. Обычный таксист зарабатывает за день тысяч тридцать иен. Шестьдесят процентов выручки достаются ему, остальное забирает фирма. В крупных компаниях водители получают фиксированную зарплату, которая вместе со сдельным заработком дает в месяц тысяч двести. Такие компании гарантируют социальное страхование и все такое прочее, но за это и берут не сорок процентов выручки, а пятьдесят.

В небольших фирмах постоянной зарплаты шоферы обычно не имеют, а работают только сдельно: сколько заработал, столько получил. Но в отличие от таксистов крупных компаний они, как правило, не получают заказы через диспетчерскую, и им приходится полагаться только на себя. Все же за тринадцать смен в месяц, по двадцать четыре часа каждая, свои двести тысяч таксисты имеют и там, а те, что пошустрее, могут заработать и все триста.

Рёскэ же не надо было делиться с фирмой, он всю выручку клал себе в карман. Однако доля риска с каждым «выходом на дело» все возрастала, поэтому Рёскэ взял за правило отправляться на свой ночной промысел не чаще пяти раз в месяц, а остальное время занимался сбором сведений об очередном «объекте». Но и пяти раз для такого опытного таксиста было достаточно, чтобы зарабатывать в месяц тысяч полтораста.

За полгода Рёскэ «обработал» немало таксомоторных компаний, выбирая те, что поменьше. Дилетанту может показаться, что угонять такси у больших фирм, имеющих по нескольку автопарков и не одну сотню машин, гораздо проще, но Рёскэ сам раньше работал в крупной фирме и знал, что это далеко не так.

Каждая из четырех компаний-гигантов имеет радиоцентр и в случае угона такси немедленно извещает по радио всех своих шоферов, находящихся в рейсе, чтобы те искали похищенный автомобиль. Четыре компании помогают друг другу, сообщая водителям данные о пропавшей машине, даже если она принадлежит другой фирме. В общей сложности у этих компаний более тысячи такси, так что укрыться от внимательных глаз их водителей, снующих по всему городу, совсем не просто.

По этим соображениям угонять машины крупных фирм не имело смысла — много риска, много нервов и очень мало районов, где можно спокойно «работать».

Эффективность системы радиосвязи больших таксомоторных компаний признала и полиция. В случае какого-либо чрезвычайного происшествия она немедленно обращается к таксистам за помощью. Тогда из диспетчерской подают шоферам особый, в каждой фирме своим кодом, сигнал и передают информацию, используя условный язык, непонятный пассажирам. Например, если разыскивается особо опасный преступник, совершивший убийство или ограбление, диспетчер объявляет: «Одним из пассажиров оставлен в такси большой коричневый портфель. Приметы пассажира...»,— и дальше следует описание одежды, возраста и прочих примет преступника.

Если в машину сел пассажир, похожий по описанию на разыскиваемого, шофер зажигает красную лампочку, специально установленную на крыше автомобиля. Тогда первая же встречная патрульная машина остановит такси и проверит пассажира. Конечно, можно было бы просто отвезти подозреваемого в ближайший полицейский участок или остановиться возле любого поста, но в случае ошибки клиент наверняка устроит таксисту скандал, и престиж фирмы пострадает, вот почему был изобретен способ извещать полицию, не привлекая внимания пассажира.

Если разыскиваемый преступник не относится к разряду «особо опасных», диспетчер говорит вместо «большой портфель» «маленький портфель» или «сверток». Очень хорошо понимая опасность радиотелефона, Рёскэ никогда не угонял машин, принадлежащих четырем токийским транспортным корпорациям. На такси небольших компаний, даже если в них и установлена радиосвязь с диспетчерской, работать было гораздо безопаснее. Да и потом шоферы таких фирм привыкли полагаться не столько на заказы, передаваемые диспетчером по радио, сколько на собственный глаз, так что высматривать угнанный автомобиль им в общем-то некогда.

В диспетчерской выбранного Рёскэ гаража никого не было видно. Позднее, после двух, она наполнится вернувшимися со смены водителями, но пока здесь было тихо. У входа в гараж таксопарка всегда полно народа. В крупных компаниях дежурят специальные охранники, но они не могут знать всех шоферов в лицо, а проверять каждого входящего и выходящего не имеют возможности. В маленьких компаниях, где никаких охранников, конечно, нет, водителей и служащих все-таки тоже немало, и не все знают друг друга, чем Рёскэ и пользовался.

Он спокойно прошел через диспетчерскую и направился через двор к гаражу. Рёскэ столько лет проработал в такси, что ни его облик, ни походка у случайного наблюдателя не могли вызвать сомнений в том, что он шофер. И все же, шагнув в проходную, он испытал некий душевный трепет. За полгода он уже успел привыкнуть к этому острому ощущению, и теперь оно доставляло ему несказанное наслаждение. На случай, если его вдруг остановят, Рёскэ заготовил ответ:

— Ваш водитель, Судзуки его фамилия, мне должен деньги. Он говорил, что его можно застать в два ночи, на пересменке.

Фамилия Судзуки весьма распространена, очень возможно, что кого-нибудь из шоферов действительно так зовут. А таксисты вечно кому-то должны, и их в самом деле проще всего застать на месте часа в два ночи. Если же здесь водителя Судзуки не окажется, у Рёскэ была в запасе отговорка:

— Странно. Неужели он опять уволился? Вечно он мечется с места на место... А как же я получу свои деньги?

Вряд ли служащий помнит фамилии шоферов, которые в фирме уже не работают, он наверняка только посочувствует Рёскэ. Таксисты, которые назанимают у всех денег, а потом увольняются и ищи их свищи, встречаются не так уж редко.

Но никто не остановил Рёскэ, и он беспрепятственно проник в гараж. Там стояло пять машин. Видимо, некоторые водители — те, кому сегодня повезло с выручкой или кто очень устал и заехал передохнуть,— уже вернулись в парк. Рёскэ внимательно осмотрел автомобили. Для такого опытного таксиста было достаточно одного беглого взгляда, чтобы определить, в каком состоянии находится машина и которая из них лучше подходит для его цели. Рёскэ остановил свой выбор на ухоженном, только что из мойки такси. Если машину уже помыли, значит, водитель закончил работу. Остальные автомобили стояли пыльные — стало быть, их рабочий день еще не кончился, то есть у них наверняка неполные баки, да и отдыхающий шофер в любую минуту может вернуться к своему автомобилю. А пропажа вымытой машины будет обнаружена, только когда придет сменщик водителя, закончившего работу.

Он дал газ, тихонько тронул машину с места и не спеша выехал за ворота. «Готово!» — подумал он, и по спине снова пробежала радостная дрожь, губы расползлись в довольной улыбке.

Минуты через три Рёскэ уже знал все особенности автомобиля: и упругость акселератора, и специфику переключения передач. Каждая машина имеет свой норов, а особенно работяга-такси. У нее есть свои хворобы, и водитель, зная их как свои пять пальцев, дает указания ремонтникам, что и где надо исправить или отрегулировать. Незнание индивидуальных особенностей автомобиля может привести к аварии. Для обычного таксиста небольшая авария — не бог весть какая трагедия. Ну, заставят написать объяснительную, а фирма все уладит и починит. Но для Рёскэ попасть в дорожно-транспортное происшествие было бы катастрофой — сразу обнаружится, что машина угнана. От него требовалась максимальная осторожность в управлении автомобилем, чтобы не дай бог не угодить даже в самую ерундовую аварию. Ни в коем случае не мог он и позволить себе ссориться с пассажирами ни по какому поводу, ему следовало быть предельно вежливым и обходительным. Нельзя было также отказать ни одному клиенту в посадке. Таксистов чаще всего выгоняют с работы именно из-за жалоб такого рода. На первый и второй раз с них берут объяснительную, а на третий — без разговоров увольняют из фирмы. Таково правило, установленное Управлением наземного транспорта, и оно неукоснительно соблюдается.

Вам, наверное, приходилось видеть таких таксистов, которые отказываются сажать клиента в машину без дополнительной мзды, когда человеку, допустим, надо ехать ночью в какой-нибудь глухой район. Если такой клиент, обозлившись, запишет номер такси и пошлет жалобу в фирму, рвачу несдобровать. Рёскэ подобной выходки позволить себе тем более не мог. Он и в прежние времена не опускался до такого свинства, чем всегда очень гордился.

Проехав минут пять по улицам, Рёскэ притормозил возле темного здания и снял водительскую карточку, висевшую вверху слева на ветровом стекле. Такие карточки Управление наземного транспорта выдает всем шоферам такси, и без них водить машину не разрешается. Там указано имя водителя, его регистрационный номер и название фирмы, приклеена фотография и стоит печать управления.

Рёскэ достал свою фотокарточку нужного размера и приклеил ее поверх снимка водителя. Ничего не стоило подделать и всю карточку целиком, но это мог заметить чей-нибудь дотошный глаз, да и каждый раз стряпать новую фальшивку с названием фирмы было слишком хлопотно, вполне хватало замены фотокарточки. Обычно пассажиры не обращают внимания на этот кусок картона, но иногда попадаются и любопытные, которые от нечего делать разглядывают карточку и могут заметить, что названия фирм на ней и на дверцах машины не совпадают, а подмена фотоснимка разом решает все проблемы. Вряд ли кто-нибудь заметит, что фотография наклеена поверх другой, да с заднего сиденья этого и не видно. Полгода промысла показали Рёскэ, что на сей счет он мог не беспокоиться. За рулем он всегда был начеку: внимательно следил за дорогой, старался не раздражать пассажиров и избегал лишних разговоров. Наверное, во всем Токио не удалось бы найти более вежливого таксиста. Обходительность была для него не только лишней мерой предосторожности — Рёскэ

* китайская игра в кости.

и самому доставляла удовольствие его благовоспитанность.

Часа три он развозил пассажиров, курсируя между различными злачными местами большого города. Ночью у таксиста, конечно, меньше возможностей заработать, чем днем. Прохожих почти нет, значит, клиентов тоже немного. Изредка посчастливится найти пассажира, которому нужно ехать куда-нибудь далеко, однако чаще всего такие заказы передают по радио из диспетчерской.

Но Рёскэ знал, где найти пассажиров и глубокой ночью. К тому же днем можно попасться на глаза «коллеге» по таксопарку, а в темноте никто даже не разглядел бы его номера.

За три часа Рёскэ обслужил больше десятка клиентов, счетчик нащелкал по ночному тарифу более десяти тысяч иен. Совсем неплохо.

Часа в четыре Рёскэ поехал по направлению к парку Комадзава. Это квартал жилых домов и магазинов, баров и забегаловок там почти нет, поэтому такси по ночам туда обычно не заезжают. Но у Рёскэ была совершенно конкретная цель: там, в одном из домов, жила стюардесса, которая в этот час отправлялась в аэропорт Ханэда. Каждое воскресенье ей надо было выходить из дома в четыре утра, чтобы успеть на рейс, а сегодня как раз было воскресенье. Стюардесса входила в число постоянных клиентов Рёскэ с давних пор, они были почти что хорошими знакомыми. Не прождал он и пяти минут, как она вышла из подъезда.

— Ой, вот спасибо! — радостно улыбнулась она.— Здесь ужасно трудно поймать такси, я так вам благодарна!

— Это я должен спасибо говорить,— ответил ей Рёскэ и, выйдя из машины, помог ей уложить чемодан в багажник.— Мне выгодно иметь клиента, который в такой ранний час едет до самого Ханэда.

Рёскэ тронулся с места и поехал в аэропорт, строго следя за спидометром, чтобы не привязался полицейский патруль. В этот ранний час, когда движения почти нет, до Ханэда по скоростной автомагистрали было не более получаса езды. В аэропорту стюардесса дала Рёскэ четыре тысячи иен, хотя на счетчике было меньше. Она всегда давала ему столько. И подобных клиентов у него было много.

«Еще три-четыре часа, и тридцать тысяч будут в кармане»,— довольно подумал Рёскэ, поворачивая назад в город. Когда он отъехал километра на два от станции Синагава, на проезжую часть перед самой машиной выскочил мужчина с чемоданом, отчаянно голосуя. Это был парень в черном костюме, довольно бандитского вида. У Рёскэ возникло нехорошее предчувствие, он хотел было объехать парня, но в последний миг решил не пренебрегать возможностью заработать и притормозил. Молодой мужчина рванул дверь и плюхнулся на заднее сиденье. Из внутреннего кармана пиджака он выхватил пистолет и приставил ствол к затылку Рёскэ.

— Сиди тихо и не рыпайся.

Парень пытался говорить страшным басом, но голос у него сорвался. «Грабитель!» — вздрогнул Рёскэ, но тут же успокоил себя — вряд ли его станут убивать. Обидно терять выручку, но жизнь дороже. Даже попытался мысленно подшутить над собой: жаль, что нельзя будет обратиться в полицию,— у самого рыльце в пуху.

— Босс, скорее сюда! — крикнул парень, и к такси направились еще двое мужчин, прятавшихся в тени. Один из них, судя по всему, был ранен — второй вел его под руку. С трудом они уселись в машину.

— Трогай, и поживее! — приказал Рёскэ тот, который поддерживал раненого.— Гони в Акасака. И быстрее. Только смотри, чтоб патруль не сцапал.

Поняв, что грабить такси они не собираются, Рёскэ немного успокоился, хотя ощущение приставленного к затылку пистолета было не из приятных. Ничего не попишешь, подумал он, придется делать все, как они хотят. А что касается патруля, то здесь их желание полностью совпадает с его собственным. Если вся эта команда попадет сейчас в руки полиции, Рёскэ тоже арестуют — за угон.

— Как вы, босс? — волнуясь, спросил парень с пистолетом.— Наломал я дров. Извините меня!

Второй гангстер, мужчина лет тридцати пяти, со злостью бросил:

— Тебя, суку, убить мало. Даже баранку крутить как следует не умеешь. Сматываться надо, а он машину — в столб! Такси из-за тебя ловить пришлось. Если боссу станет хуже, ты, зараза, будешь в ответе!

Раненый слабым голосом сказал:

— Не ори ты так. В рану отдает. Доедем до Акасака, у меня там врач знакомый. Такую ерундовую дырку он в два счета заштопает.

— Ну, босс, не ожидал я, что у этой швали окажется пушка. Я думал, как мы наставим на них стволы, они сразу в штаны наложат. А они — стрелять!

— За ними стоит банда Мурамацу. Поэтому и публика там собирается такая, что режется в маджан по тысяче иен за очко. Я как прослышал про такое дело, сразу решил: накроем эту лавочку и все их деньжата сцапаем. Ну и пусть за ними ребята Мурамацу, эти-то обиралы — мелочь пузатая. Я тоже хорош, от шестерок каких-то пулю схлопотал!

— Но, босс, монеты-то мы все-таки забрали. В чемоданчиках, поди, миллионов шестьдесят будет, а?

Прислушиваясь к разговору бандитов, Рёскэ понял, что они только что ограбили игорный притон. Видимо, якудза* прознала, что шулера-любители устроили подпольную игру, и решила их обчистить, а один из содержателей притона открыл стрельбу, ранив главаря гангстеров. Но выручка все же досталась налетчикам. Скорее всего хозяева притона побоялись затевать настоящую перестрелку, чтобы не наделать лишнего шума. «Ничего себе — по тысяче иен за очко»,— поразился Рёскэ. Наверное, там собираются одни богачи. Проиграешь десять тысяч очков — плати десять миллионов! Ничего удивительного, если в тех чемоданах действительно столько денег.

При мысли о том, что сзади лежат шестьдесят миллионов, Рёскэ вдруг разъярился. Да ему за всю жизнь не заработать и половины этой суммы. Будь у него столько денег, он мог бы не ломать спину и Масако училась бы, сколько захочет.

В Акасака, под холмом Ногидзака, грабители велели остановить машину возле какого-то ночного клуба. Он уже закрылся, внутри не было видно ни души. Тем не менее трое бандитов, кажется, собирались войти. Однако главарю стало хуже, и идти сам он уже не мог.

— Эй, помоги мне,— сказал мужчина лет тридцати пяти парню.— Придется босса вдвоем вести. Один чемодан возьми с собой, другой оставь пока здесь. Потом за ним вернешься.

Он впился глазами в лицо Рёскэ и прошипел:

— Я твою рожу хорошо запомнил. Название фирмы и номер машины — тоже. Только попробуй легавым настучать — я тебя под землей достану. Пока вот он не вернется за вторым чемоданом, сиди тихо, понял?

Решив, что шофер достаточно запуган, гангстеры взяли своего босса под руки и скрылись в дверях ночного клуба.

Не успела за ними закрыться дверь, как Рёскэ дал полный газ. Не сбавляя скорости, он домчался до кладбища Аояма, остановил машину и достал с заднего сиденья чемодан. Потом вылез из автомобиля, захлопнул за собой дверцу и, пройдя на соседнюю улицу, остановил такси.

Только подъезжая к дому, Рёскэ наконец пришел в себя и, глубоко вздохнув, рассмеялся. Лицо-то, может, они и запомнили, но ни его имя, ни адрес им неизвестны. Все, что записано на карточке в такси, не имеет к нему ни малейшего отношения. В полицию эта братия жаловаться не станет, покусает себе локти с досады — только и всего. А его в огромном городе им не найти. Ловко он их надул!

Вернувшись домой, Рёскэ тайком от Масако пересчитал банкноты. В чемодане, битком набитом купюрами по тысяче и по десять тысяч, оказалось более сорока миллионов иен.

Свои миллионы Рёскэ положил в несколько банков, и теперь, казалось бы, они с дочерью могли жить припеваючи. Он, конечно, не мог сорить деньгами из опасения встревожить Масако, но рисковать свободой, угоняя такси, больше было ни к чему.

Три дня Рёскэ провел дома, но отдыха не получалось, он почему-то не находил себе места. На четвертый день он проснулся ровно в полночь и почувствовал, что больше дома без дела не высидит. Какое это было наслаждение — проходить через ночную диспетчерскую, выбирать из всех стоящих в гараже машин одну, садиться в нее и вырываться на волю! А кружить по городу, высматривая пассажиров, и думать: вот он, мой! «Видно, мне на роду написано быть таксистом,— вздохнул Рёскэ.— Без этой работы, без этого напряжения нервов и сил я скисну, превращусь в старую развалину».

Он встал и пошел в пижаме на кухню варить кофе.

— Пап, ты чего? — высунулась из своей комнаты Масако.— Ты же собирался отдохнуть от работы.

— Собирался. Но, видать, без работы мне нельзя.

Вспомнив о лежащих по банкам сорока миллионах, Рёскэ, оправдываясь не столько перед дочерью, сколько перед самим собой, сказал:

— Да и нельзя долго отдыхать. Вредно для здоровья.

— Ну, тогда я приготовлю тебе поесть.

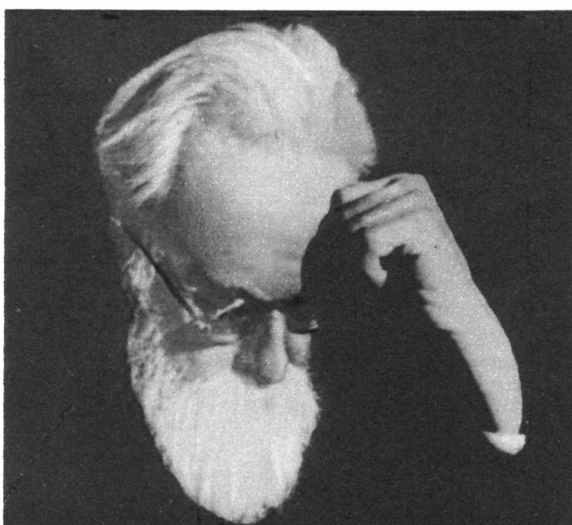
Рёскэ не спеша, как всегда, собрался, и дочка проводила его до двери. Поджидая на улице такси, он раздумывал: куда бы наведаться сегодня? На душе было хорошо, и он вдохнул ночную прохладу полной грудью.

Перевод с японского Г. ЧХАРТИШВИЛИ

---

* японская мафия.

ПИСЬМО

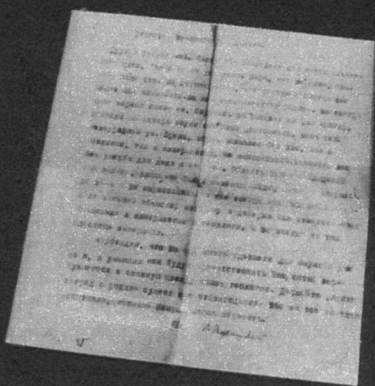
**«Дорогой Вениамин Аркадьевич!
Друг и ученик мой! Наступают последние
дни моего жизненного пути,
более мы не увидимся. Верю, что Вы живы,
поэтому пишу Вам.
Вы должны знать, что считаю и считал
Вас честнейшим человеком.
Вы не могли изменить родине.
Вы всегда были верным сыном ее,
боролись за расцвет ее, за правду
и несли на алтарь науки все свои достижения,
весь свой незаурядный ум.
Брешь, образовавшаяся без Вас,
как в геохимии, так и в минералогии,
не заполнилась. Заменить Вас
без ущерба для дела я не смог.
Область Ваших наблюдений так велика,
диапазон Ваших полевых исследований
и открытий огромен,
и Вы вырисовывались мне всегда
как большой специалист в нашей области,
которому я доверял все ответственные
начинания в минералогии и геохимии,
и Вы всегда их так блестяще завершали.
Я убежден, что Вы еще много сделаете
для науки, и уже не я,
а ученики мои
будут приветствовать Вас, снова вернувшегося
в славную плеяду наших геологов.
Дерзайте, идите вперед,
и родина сумеет еще отблагодарить Вас
за все тяжелые испытания,
которые Вам пришлось пережить».**

Когда Владимир Иванович Вернадский проставлял дату, рука его дрогнула, перо махнуло по бумаге, и вместо «3» вышло «5». 1945. На самом деле письмо писалось 1 декабря 1943 года. 1 декабря 1945 года Вернадского уже не будет на свете...

Письмо это, которое публикуется впервые,— удивительный документ, еще и еще раз говорящий нам о чистоте и величии души гениального ученого — Владимира Ивановича Вернадского.

Обращено оно к геохимику В. А. Зильберминцу, арестованному по ложному доносу в 1938 году. Не раз академик Вернадский писал в самые высокие инстанции, ратуя за освобождение своего ученика, в невиновность которого свято верил. В те годы для самого великого ученого, обвинявшегося тогда в идеализме, это было далеко не безопасно. И когда Владимир Иванович понял, что добиться справедливости не удастся, а дни его жизни сочтены, он пишет это письмо...

Сегодня мы рассказываем о том, к кому обратил академик Вернадский свои прощальные слова.

Они познакомились осенью 1910 года, профессор В. И. Вернадский и студент Вениамин Зильберминц. Владимир Иванович любил неспешно знакомиться. Приглашал домой на чаек, заводил разговор о книгах, вызнавал исподволь круг чтения, научных интересов и планов. Он немало подивился тому, что молодой человек, у которого пробился первый пушок над губой, окончил Киевский университет, Петербургский политехнический институт по металлургическому отделению и сейчас завершает учебу в столичном университете по физико-математическому факультету, одновременно слушая лекции в консерватории!

Вернадский любил людей неординарных, отмеченных неуемной жаждой знаний и деятельности, и, вероятно, сразу почувствовал к новому знакомому симпатию. Откинута крышка рояля, столовую заполнили нервно-величественные звуки бетховенской сонаты. В этот вечер зародилась дружба, которой суждено было продлиться 28 лет и оборваться так внезапно; дружба, с одной стороны, пылко-восторженная, граничащая с влюбленностью, с другой — внимательная, добрая, иногда снисходительная...

В 1912 году Вениамин Аркадьевич Зильберминц окончил свой третий вуз и определен был хранителем Минералогического кабинета, основателем которого был Вернадский. Началась их совместная работа. Зильберминц много ездил в экспедиции. Известие о первой мировой войне застало его в Прибайкалье; он открыл там месторождение редкого минерала менделеевита. Пришла телеграмма, предлагавшая ему остаться и продолжать работу, но он добровольно ушел на фронт, в санитарный отряд.

Вернадский в это время стал во главе организованной им знаменитой КЕПС — Комиссии по изучению естественных производительных сил России. Вклад ее в историю отечественной науки и промышленности неоценим. Как только прапорщик Зильберминц демобилизовался, Вернадский привлек его к работе. Страна после революции остро нуждалась в строительных материалах. Работа для геолога не самая престижная, как бы сейчас выразились, но кто-то должен был ее делать. Вениамин Аркадьевич ищет и находит огнеупорные глины под Вытегрой, Ранненбургом, в Рязанской губернии, под Новгородом.

Принят план ГОЭЛРО. В. А. Зильберминц приглашен на строительство гидроэлектростанции на реке Свири в качестве производителя геологических работ. Летом следующего года он пересекает маршрутами берега Пильмозера, Вачозера. Исследует верхнее течение реки Сяти. Потом спешит в Нижний Тагил. Ему поручено составить детальную карту горы Высокой.

Казалось бы, времени для занятий наукой не остается. Но полевой мешок его набит книгами, каждую свободную минуту — в брезентовой палатке, в избушке лесника — он садится за расчеты, пишет статьи. Профессор Е. В. Рожкова, познакомившаяся с ним в 1923 году, вспоминает: «Вениамин Аркадьевич уже в то время был широко эрудированным, вполне сложившимся ученым... Он быстро вошел в жизнь всей геологической общественности Москвы». Действительно, с внешней легкостью, конечно, стоившей немалого напряжения, он защищает кандидатскую и докторскую диссертации, избирается профессором Высшего технического училища. Вскоре его привлекают для преподавания и в других институтах.

Итак, он в Москве. Дружба и научное сотрудничество с Вернадским приобретают новые оттенки. Встречаются они часто, дома, на совещаниях, в лаборатории. Владимир Иванович стремится заинтересовать Зильберминца работой по изучению редкоземельных элементов; эта захватывающая научная тема была тогда слабо разработана. Вернадский и Зильберминц много говорят о радиоактивных рудах. Грядет новый атомный век. Более чем кто-нибудь другой, Вернадский понимал и притягательную силу атома, и опасность, в нем заключенную. Но время тре-

бовало властно: урановые руды должны были быть отысканы.

В семье Зильберминца сохранились снимки 20—30-х годов. Мы видим его на лошади, у водопада, у лесной запруды, на склоне бархана. Изъездил вдоль и поперек Урал и Зауралье, переваливал через хребты Тянь-Шаня и Кавказа. Он был удачлив в находках. На картах появлялись открытые месторождения.

В то время под Москвой, в «Узком», по инициативе Горького был организован Дом отдыха ученых. Владимир Иванович и Наталья Егоровна Вернадские часто бывали там. Приезжал туда и Зильберминц со своей женой Натальей Александровной. Частенько Зильберминцы садились за рояль, играли в четыре руки специально для Вернадского, который так любил их слушать.

В 1936 году Зильберминц подал в Наркомат тяжелой промышленности докладную записку. Значение ее выходит за рамки делового документа. «В связи с ввозом феррованадия из-за границы,— подсчитал он,— за пятилетие было истрачено 8811 тысяч золотых рублей». Далее такое положение он считал нетерпимым и предлагал широкую сеть мероприятий по добыче редкоземельных элементов в нашей стране. Ванадий, титан, германий и другие элементы связаны с углями. Зильберминц указывал на обширные области их распространения и обосновывал оригинальный способ комплексного использования. Мысль его обогнала время и только сейчас, пожалуй, начинает осуществляться. Тем не менее многое из того, о чем он писал в записке, было претворено в жизнь, и это помогло металлургам наладить выпуск такой бронетанковой стали, какую во время войны не брали фашистские снаряды.

Именно по этому поводу и по просьбе Серго Орджоникидзе Вениамином Аркадьевичем с 1937 года были начаты работы в Донбассе. Весной 1938 года он поехал в Днепропетровск. Обратно в Москву он вернулся лишь на один день. Произошло нечто чудовищное, необъяснимое и нелепое. Его арестовали.

События, которые последовали вслед за этим, относятся не к его биографии, а к биографии Владимира Ивановича Вернадского.

Со всех сторон слышал он советы, что теперь надо бы ему забыть об ученике, а всего бы лучше — публично отречься от него, как отрекались слабые люди от отцов, братьев. Но не таков Вернадский! С гневом отверг он советы наушников. Он садится за стол, решительным жестом отодвигает в сторону незаконченную рукопись о геобиохимических оболочках планеты и пишет письмо в высшую юридическую инстанцию: «Прошу пересмотреть дело крупного ученого В. А. Зильберминца...» Далее он дает блистательную и подробную характеристику его трудам: «Я знаю эту работу с первых шагов его — теперь более 28 лет. Он имеет большие заслуги перед нашей страной. В последнее время занялся важными вопросами о редких элементах... В этой трудной области он мне вырисовывается как самый крупный специалист».

Он отвергает обвинение, предъявленное его ученику: «Я лично убежден, что В. А. Зильберминц не может являться вредителем. Тут явно какая-то ошибка...» Вернадский требует пересмотреть обвинение: «Это необходимо для пользы и интересов нашей Родины, которой В. А. всецело предан».

Владимир Иванович отлично понимал, сколь ответственен его шаг. Заступничество воспринималось как пособничество, милосердие—как слабость. Тень подозрения падала на заступника.

Академик Вернадский посылает письма руководителям страны. Обращается к коллегам-академикам. Не оставляет вниманием и заботами убитую горем жену друга Наталью Александровну, которая стала замечать, что иные знакомые обходят ее на улице стороной. Она работала тогда с профессором В. А. Гиляровским над совсем новой проблемой раннего лечения заикания у детей, писала монографию. Как она сама признает теперь, доброе участие великого ученого спасло ее от отчаяния. Она завершила свою работу; ныне Наталья Александровна один из самых эрудированных ученых в своей области.

В апреле 1941 года она записалась на прием к депутату академику Б. Е. Веденееву. Владимир Иванович Вернадский написал ему записку: «Наталья Александровна, если Вы захотите, передаст Вам то, что я писал об нем и в чем я и сейчас глубочайшим образом уверен. У них маленькая дочь, и семья страдает, мне кажется, совершенно невинно. Очень прошу Вас помочь в этом деле с тем новым лицом, к которому сейчас надо обращаться и о котором я не имею понятия. Я совершенно уверен в невинности Зильберминца и потому позволяю себе беспокоить Вас как депутата. Если бы нужно было, я готов дать всякие указания. Простите, что беспокою Вас».

...Все карты смешала война. Вернадские оказались в эвакуации в Казахстане, в Боровом. Здесь в феврале 1943 года Владимира Ивановича ожидало большое горе: скончалась Наталья Егоровна. Они прожили вместе пятьдесят семь лет. Превозмогая душевную боль и физические недуги, он продолжает работать. Отдает перепечатать на машинке большую рукопись, в которой обобщены результаты его геохимических исследований. Посвящает работу памяти жены.

Едва возвратившись из эвакуации, несмотря на личное горе, болезни, Владимир Иванович просит жену Зильберминца зайти к нему, он с надеждой ждал благоприятного ответа на свои письма, направленные в правительство и прокуратуру, о невиновности В. А. Зильберминца. Но увы... Ни на одно его письмо, так-же как и на письма жены Зильберминца, ответов не было получено...

Яков КУМОК

Первого декабря 1943 года Владимир Иванович написал это письмо, документ высочайшей человеческой ценности. Но того, кому он писал, уже не было в живых.

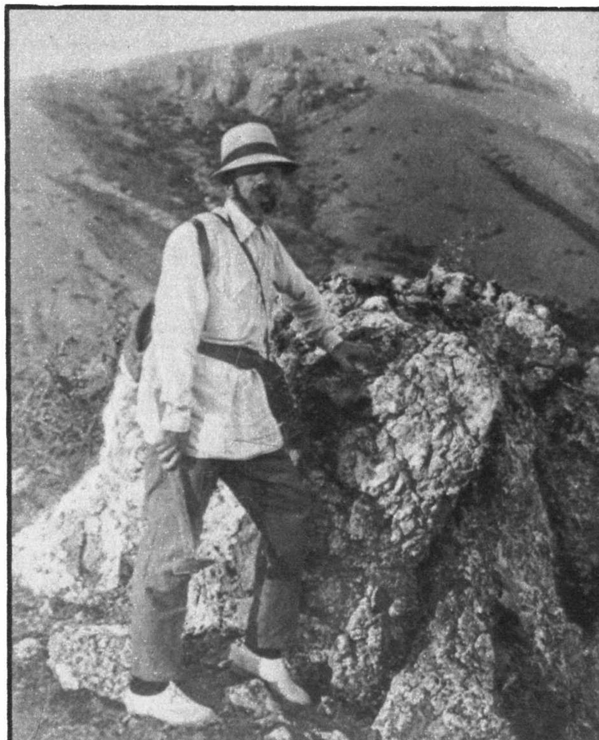
Родина воздала обоим по их заслугам. В этом году научная общественность страны торжественно отмечает столетие В. А. Зильберминца. В следующем году ученые всего мира готовятся отпраздновать 125-летие со дня рождения В. И. Вернадского.

В памяти учеников и потомков осталась их дружба и верность ей, пронесенная великим ученым через бедствия и сохраненная до последнего дня жизни...

Письмо В. И. Вернадского и фото В. А. Зильберминца из архива жены В. А. Зильберминца публикуются впервые.

Таким был В. А. Зильберминц в 1910 году.

В экспедиции.

К ПОГИБШЕМУ ДРУГУ

ЭЛЕКТРОНЫ

Владимир НИКОЛАЕВ

Пар, электричество, атом, компьютер — таковы основные этапы научно-технической революции. Каждый из них, разумеется, самым неразрывным образом связан с человеком и обществом, каждый из них по-своему влияет на них, но ни с чем не сравнишь глубину и степень воздействия компьютера, вместе с ним, пишет американский журнал «Тайм», «начались драматические перемены в жизни людей и их работе, и, возможно, даже в образе мышления. Америка уже никогда не будет прежней. А в перспективе весь наш мир изменится». Этот процесс неминуемого изменения мы попытаемся рассмотреть главным образом в таком плане: компьютер и человек. Как утверждают многие специалисты, мы сейчас находимся на пороге нового этапа биокультурного развития человека. Какой еще другой фактор научно-технического прогресса (пар, электричество, атом) ставил вопрос именно в таком плане? Смысл его в том, что теперь человеку будет совершенно необходимо по-иному приспосабливаться к среде и обрабатывать информацию иными способами, чем те, которыми веками пользовались поколения людей. Этот процесс — закономерное следствие прогресса нашей цивилизации.

Американский исследователь Дж. Нейсбит недавно написал книгу «Десять основных тенденций», в которой по порядку, от № 1 до № 10, разобрал десять самых главных, с его точки зрения, направлений развития современной цивилизации. Под № 1 он сформулировал такую проблему: «Мы становимся обществом, в котором на первый план выдвигается информация». Он утверждает, что сегодня человечество оказалось между двумя эпохами — увядающей индустриальной эрой, основанной на производстве товаров, и расцветающей эрой информации, которой отдают свое время все больше людей (создавая информацию, направляя ее и распределяя). «Телефон, компьютер и телевизор,— пишет Нейсбит,— слились в одну систему, которая отныне будет питать своей энергией информационное общество так же, как электричество, нефть и атомное ядро служили индустриальному обществу, а ветер, вода и другие аналогичные факторы — обществу сельскохозяйственному». Нейсбит считает, что скоро без компьютеров вообще нельзя будет представить производственный процесс в 75 процентах трудовой деятельности человека.

ЭМОЦИИ И АНАЛИЗ

Чтобы лучше осмыслить то, что происходит сегодня в связи с процессом компьютеризации, вспомним опыт, накопленный в результате общения людей с телевизором. Первый домашний телевизор был установлен в США в 1939 году, а в 1982 году журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» так оценивал роль телевидения в жизни американца: «Это главный фактор, определяющий, как люди должны работать, отдыхать, вести себя. Последствия от этого ошеломляющие. Недавние исследования показывают, что вся жизнь американцев, от выбора продуктов до выбора политических деятелей, подвержена очень сильному влиянию телевидения, и влияние это постоянно возрастает... Телевидение решает, о чем думать американцам, что им чувствовать и что покупать. В этом у него нет конкурентов». Все это справедливо. В последние годы телевизор в США перешел буквально на круглосуточную работу. В большинстве американских домов его включают на весь день, только просыпаются. Обычно он постоянно включен и шумит независимо от того, смотрят его в данный момент или нет. Привычка эта, видно, заразительна. Когда я бываю в домах временно живущих в США наших граждан, то, как правило, всегда застаю и там ту же картину — постоянно работающий телевизор. Эти, может быть, субъективные наблюдения подтверждают факты. Например, подсчитано, что в американском доме телевизор работает более 7 часов в сутки. Правда, специалисты утверждают, что в эти часы в доме просто создается привычный шумовой фон, то есть у ящика с экраном столько времени никто не сидит.

Оставим в стороне общеизвестные истины о сомнительном качестве программ американского телевидения, засилье на нем коммерческой рекламы, тенденциозности его «новостей» и т. п. Все эти факторы, конечно же, влияют на формирование взглядов и вкусов американцев, но мы попробуем разобраться в иного рода воздействии ящика с экраном на человека. Это поможет нам с бо́льшим пониманием подойти к аналогичным проблемам, но связанным уже не с телевизором, а с компьютером.

Американские специалисты с неопровержимыми фактами в руках утверждают, что тысячи и тысячи часов, проводимых ежедневно, годами, у телевизионного экрана, не проходят бесследно для человека. В возрасте от 6 до 18 лет юный американец в среднем проводит у телевизора 15—16 тысяч часов, тогда как в школе за то же время он находится не более 13 тысяч часов. Но, повторяем, мы ведем здесь речь не о низком качестве передаваемых программ. Дело не только в них и больших теледозах, которые чуть ли не с младенчества ежедневно потребляет американец. Дело в следующем.

Один кадр на телеэкране держится в среднем 2—3 секунды. В большинстве случаев кадры эти сопровождает слово, но не оно, а изображение оказывает решающее воздействие на зрителя. Это научно установленный факт. В этом, кстати, заключается основное различие между телевизором и книгой, которая веками была главным учителем человека. Ее читали, телевизор смотрят. Читали, значит, думали при этом, мыслили, можно сказать, творчески.

Вот характерное читательское письмо, опубликованное в американском журнале «Ридерс дайджест»: «Теперь в нашей семье мы делаем то, чего не делали раньше, когда у нас был телевизор. Дети, кстати, быстро свыклись с его отсутствием. Теперь они напрягают собственные мозги, чтобы позабавить самих себя. В доме появились новые игры, мы все снова стали читать книги. Дети познали радость тихой забавы с игрушками на ковре. А однажды вечером они втроем написали письмо своей кузине, живущей в другом штате. Теперь нередко по вечерам они после ужина беседуют с родителями. И что самое главное — их речь стала живой, оригинальной, их собственной, они освободились от телевизионных штампов. Я спросил детей: «Что дало нам отсутствие телевизора в доме?» Старший сын ответил за всех: «Мы научились думать и делать».

Впечатляющий документ. За ним стоят не только мысли и переживания рядового американца, но и научные данные. Почему влияние изображения на телеэкране преобладает над словом? Потому, объясняют специалисты, что бесконечное мелькание кадров не дает зрителю пауз, времени на размышление, он не может сосредоточиться, задуматься. Мало этого. Ученые утверждают, что изображение на телеэкране раздражает в основном правую половину мозга, в которой сосредоточены эмоциональные раздражители; при этом левая половина мозга, отвечающая за мышление и анализ, остается недогруженной. Исследования телезрителей с помощью современной измерительной техники показали, что у них перед экраном активность правого полушария мозга в два раза выше, чем левого. Результатом этого является прежде всего притупление внимания. Кстати, на это все чаще жалуются учителя. Другой научно зафиксированный факт. Измерительные приборы, подключенные к людям, долго сидящим у телевизора, свидетельствуют, что в это время у них в мозгу преобладают так называемые альфа-волны, характерные для полусонного и сонного состояния. Установлено, что младенца, воспитанного с колыбели у телеэкрана, потом труднее учить в школе. Установлено также, что, чем больше дети смотрят телевизор, тем хуже они учатся в школе. И не только потому, что он забирает у них время, нужное на домашние задания. Выше мы уже упомянули некоторые факторы, оказывающие влияние на процессы, проходящие в мозговых полушариях. И наконец, в обществе, где телефон сделал ненужной личную переписку, а телевизор отучил людей читать, некоторые начинают думать, что читать и писать вообще необязательно.

Установлено, что люди, проводящие перед телевизором более четырех часов в день, начинают считать окружающую их действительность более опасной, чем это есть на самом деле. Почему так? Да потому, что телевизор (в таких дозах) отучает человека от индивидуального критического анализа, поскольку все время предлагает ему готовые модели решения проблем, то есть, можно сказать, думает за телезрителя. При этом процессе информация поступает в сознание в виде зримых образов, без должного критического анализа (на который, повторяем, просто нет времени, не хватает человеческих возможностей). И поскольку тема страха в американских телепрограммах является одной из главных, вот и получается, что ящик с экраном запугивает своих обожателей. Но мы отнюдь не собираемся доказывать, что телевизор — это зло. При желании можно отравиться и самым полезным для здоровья лекарством.

ИНТЕЛЛЕКТ И МАШИНА

Если живая нервная клетка срабатывает тридцать, максимум пятьдесят раз в секунду, то компьютер — до ста миллионов раз в секунду. Цифры несравнимые! Но только ли одной этой скоростью характеризуется качественное отличие человеческого мозга от машинного? Ведь если судить по ней, то наш мозг уже сегодня не идет ни в какое сравнение с компьютером. Фантасты в своих прогнозах рисуют создание таких роботов, которые превзойдут людей и взбунтуются против них. Пожалуй, это — слишком смелое предположение. В конце концов любую машину создает человек. И нам кажется, что такое понятие, как человеческий интеллект, никогда не будет доступно даже самой совершенной машине. Правда, существует у некоторых специалистов и противоположное мнение.

Прогресс в производстве компьютеров продолжается: вслед за электронно-вычислительными машинами к людям идут электронно-логические.

Вот как их характеризует американский журнал «Сайенс ньюс»: «Компьютеры приобретут многие новые «способности»: они будут «слушать» и «понимать» устную разговорную речь; переводить с одного языка на другой почти с такой же быстротой, с какой произносятся слова, или читать текст; «видеть» и «понимать» смысл визуальной информации, такой, как карты, фотографии или рукописный шрифт; разыскивать и извлекать требуемую информацию в местных хранилищах знаний или даже в какой-то отдаленной библиотеке — информацию, на которую можно натолкнуться лишь случайно; и, наконец, решать некоторые проблемы, даже если кое-какие аспекты их до конца еще не ясны».

Поскольку речь идет уже о пятом поколении компьютеров, вспомним еще раз о пути, предшествовавшем ему. Сначала основным элементом компьютеров были электронные лампы, затем произошел последовательный переход на транзисторы, интегральные схемы и, наконец, на интеграцию в очень крупных масштабах (микроминиатюризация). Главной целью всех этих четырех поколений было как можно быстрее обрабатывать информацию. Перед появлением пятого поколения компьютеров мы стоим на пороге нового качественного скачка в их участии в делах человеческих. Журнал «Сайенс ньюс» пишет по этому поводу:

«Главное отличие компьютеров пятого поколения от более ранних вычислительных систем будет заключаться в том, что у них основным обрабатываемым элементом будут знания, а не информация. В то время как ЭВМ первых четырех поколений выполняли в основном расчеты числового — то есть арифметического характера,— у пятого поколения расчеты будут основываться на символах, логике. Собственно, их задача будет состоять не столько в расчетах, сколько в том, чтобы делать заключения, обосновывать, строить гипотезы или учиться. К этим машинам — о них часто думают как о первых потенциально разумных ЭВМ — будут обращаться с просьбами типа «рассчитать достоверность или ошибочность таких-то предположений или сделать логические заключения».

Так вот, повторяем, именно способность компьютеров пятого поколения делать логические выводы отличает их от всех предшественников. Естественно, что о таких машинах говорят сегодня много, они не могут не поражать воображения. Например, не писатель-фантаст, а известный ученый в этой области, профессор Массачусетсского технологического института М. Мински считает, что обладающие самосознанием и по-настоящему разумные ЭВМ и роботы в будущем станут реальностью.

Он утверждает: «Представление о том, что компьютеры делают только то, что им диктуют люди, обманчиво. Если вы не можете сказать компьютеру, как сделать что-то самым лучшим образом, то вы обязываете его испробовать множество подходов. И если кто-то потом будет говорить, что машина действовала так, как ей было сказано, в этом будут содержаться двусмысленности. Ведь вы не устанавливали и не могли знать, какой из подходов берет машина. Из сказанно-

...Е ПАРАДОКСЫ

го не следует неизбежно, что мы не сможем управлять мыслящей ЭВМ. Просто нам не всегда будут известны все подробности того, что у машины «на уме».

Как же все-таки повлияет на процесс мышления человека внедрение в повседневную жизнь компьютеров? Понятно, что они освобождают мозг от привычной рутинной работы, например, от запоминания и хранения в уме многих фактов, их учета, анализа и сравнения и т. п. Все это быстрее и лучше сделает за человека машина. Но как будет реагировать на это человеческий мозг? Скажем, что раньше делал специалист, столкнувшись со сложной проблемой? Шел в архив или библиотеку и листал книги по соответствующим вопросам. При этом его мозг все время пытливо работал, искал выход из затруднительного положения, то есть постоянно как бы самозатачивался. Теперь же, имея свой компьютер, подсоединенный к банку с информацией, он просто нажимает несколько клавиш и тут же получает ответ на свой вопрос. С одной стороны, сколько своего времени он сберег! С другой стороны, шевельнулась ли у него при этом хотя бы одна извилина? А может быть, именно при такой экономии времени, освобождении от рутинной работы он сможет мыслить шире и глубже, успешнее двигать вперед науку? А может быть, все же он из-за своего компьютера лишает мозг необходимой постоянной тренировки? Вопросы, вопросы... Их еще только предстоит решать, а компьютеры уже властно вломились в жизнь человека и переделывают его на свой (машинный?) лад. А может быть, переделывая таким образом, улучшают, совершенствуют человека? Кто ответит сегодня на эти вопросы со всей определенностью? Директор американского Центра искусственного интеллекта Н. Нильсон считает, что компьютер, как и телевидение, может оказаться и добром, и злом.

Одни специалисты выражают опасения, что распространение все более эффективных запоминающих устройств будет тормозить развитие интеллекта, другие считают, что их внедрение даст людям возможность больше думать над сложными проблемами, а не тратить время на рутинную работу мозга. Причем и специалисты, и практики подчеркивают, что повседневная работа с компьютером — дело прежде всего творческое. Эффект отдачи зависит также и от того самого человека, который обращается к электронной машине за помощью. Компьютер лентяю не помощник.

Компьютер, как видим, при его теперешнем широком распространении порождает в условиях Америки множество проблем, не только восторги и удивление, но и немалые опасения. Особую тревогу вызывают они не у научно-технических работников или же людей деловых, а у тех, кто задумывается над судьбами социального и культурного прогресса. К чему, в общем, сводятся их сомнения? Разумеется, компьютер служит человеку, действует по его воле, но в конечном итоге, по мере его совершенствования, не случится ли так, что он будет противоречить самому человеческому естеству? Уже сегодня американец может убедиться в своей беззащитности перед хитрой машиной, когда она, например, становится электронным шпионом, или когда она следит за тем, как платят налоги, или когда она определяет, кому можно дать деньги в кредит, а кому нельзя... Но есть проблемы посложнее, потоньше. Скажем, писательский труд с помощью компьютера. Да, последний исправит ошибки, поможет выстроить сюжет и не даст запутаться в действующих лицах, будет за вас и для вас держать в своей памяти все необходимое для написания вашего произведения. Но не окажется ли в данном случае электронный помощник вашим Мефистофелем? Не утратите ли вы с его помощью какую-то часть своей творческой свободы, своего духа? Не навяжет ли он в конце концов вам свою волю, свою железную логику? Внимательные наблюдатели при этом отмечают, что творческий процесс (писательский труд, например) и рабочий процесс компьютера — вещи, абсолютно противоположные по своей сути. Есть и такое мнение: компьютер в недалеком будущем сможет сам писать книги; мало этого, утверждают многие, уже сегодня программы к ним выглядят серьезными соперниками книг. Не случится ли с писателями то же, что произошло с таперами, сопровождавшими своей игрой немые фильмы: как только появились звуковые, таперы исчезли. Но на все это есть, разумеется, и возражения у многих специалистов.

ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ

Отмечая приход компьютеров в нашу жизнь, специалисты обращают внимание на прогресс крупных централизованных вычислительных и информационных систем, их растущую роль в самой разнообразной человеческой деятельности. Эти системы сегодня, можно сказать, уже приобрели такое же важное значение, как сети водного, железнодорожного, автомобильного и воздушного транспорта. Причем точно так же, как эти транспортные коммуникации обслуживают хозяйство и население, информационные системы служат науке, промышленности, банкам и т. д. и — одновременно — тоже миллионам людей. Персональный компьютер подключается к сети других ЭВМ при помощи обычной телефонной линии или же по специальному кабелю. Набрав нужный номер, владелец компьютера соединяется с электронным банком, хранящим информацию. Таких банков в США насчитывается уже около полутора тысяч. Они специализируются по самым разным отраслям знаний — от справок по транспортным и биржевым вопросам до медицинских, юридических и других аналогичных предметов. В считанные секунды владелец компьютера получает нужную информацию на экране своего компьютера, который к тому же может записать ее на пленку или же отпечатать на бумаге. Ведущая компания телефонной индустрии США «Америкен телефон энд телеграф» (АТТ), контролирующая 80 процентов всех телефонных сетей в Соединенных Штатах, предлагает такие услуги в рамках видеотекста. То есть, если учесть поистине всеамериканский размах ее деятельности, уже сегодня существует реальная основа для единой общенациональной информационно-справочной службы с миллионами подключенных к ней компьютеров, установленных в частных домах, учреждениях, научных и промышленных центрах, учебных заведениях и т. п.

Велико значение компьютеров и, разумеется, информационных банков, к которым они подключены, в медицине. Уже есть такие компьютеры, которые хранят в своей памяти характерные признаки сотен разных заболеваний, что позволяет ставить диагноз точно и быстро. Электронные машины помогают врачу не только тем, что выдают необходимую информацию, но также и тем, что помогают ему в процессе лечения и в уточнении анализов. Как и во множестве других отраслей, в медицине уже сегодня просто невозможно перечислить случаи применения компьютеров.

Электронная почта, связь между людьми и организациями с помощью компьютера коренным образом меняют веками установившиеся средства и методы человеческого общения. О масштабах этого принципиально нового явления говорит хотя бы такой факт: корпорация «Хьюлетт-Паккард», производящая электронное оборудование, широко использует собственную компьютерную систему связи между 15 тысячами своих сотрудников, работающих во всех 50 американских штатах, ежедневно между ними происходит примерно 100 тысяч обменов электронными сообщениями. Совещания между людьми, находящимися далеко друг от друга, стали повседневной практикой, они дают большую экономию средств (хотя бы за счет сокращения расходов на командировки) и значительно ускоряют деловой процесс.

Компьютер не сравнишь с новой, более совершенной вечной ручкой или пишущей машинкой новой марки. Он обязательно меняет привычные трудовые навыки, ломает и перестраивает по-своему весь ваш уклад, заставляет по-иному шевелить мозгами. Вся ваша жизнь при нем катится уже по другой колее. В одних случаях это сразу заметно, как говорится, невооруженным глазом (скажем, во внешних признаках вашей повседневной жизни), в других — такой же процесс идет подспудно, его не сразу разглядишь (например, влияние компьютера на мозговую деятельность, процесс мышления).

Вот чисто внешняя сторона дела, такой пример — один из множества. Маклерская фирма, ее сотрудники целый день сидят на телефонах и регистрируют биржевые сделки на электронно-вычислительной машине. Так было. Теперь же владелец фирмы раздал им персональные компьютеры, и они работают точно так же, но уже у себя дома, а результаты их усилий фиксирует центральный компьютер. Таким же образом перекочевывают из служебных помещений к себе домой многие американцы, в первую очередь те, кто занят в сфере учета, ведения документации, деловой переписки, вычислительных операций и т. п. Число таких тружеников-надомников, вооруженных персональным компьютером, быстро растет. Процесс этот вызывает немало последствий. Понятно, что сокращается площадь служебных помещений и, значит, расходы на них. Уменьшается транспортный поток, что в условиях Америки немаловажно. И при всем этом резко меняется характер работы и человеческих взаимоотношений.

Оказалось, что многие люди, переведенные на домашнюю работу с компьютерами, почувствовали себя одинокими и несчастными, они говорят, что нуждаются в живом, непосредственном общении со своими коллегами, они желают по-прежнему регулярно покидать свой дом, отправляясь на работу. Кстати, замечено, что в современном мире подавляющее большинство человеческих связей идет через службу, а никак не через соседство домами, семьями. Статистика также подтверждает возникновение проблем в связи с компьютерным надомничеством: 73 процента из опрошенных американцев считают, что эта тенденция будет и дальше набирать силу, но только 31 процент опрошенных выразил желание работать дома. Специалисты считают, что в ближайшие годы около 10 миллионов американцев будут работать на дому со своими компьютерами, подсоединенными к их главному офису. Цифра внушительная. И если такая тенденция будет развиваться, то она, разумеется, внесет немало изменений в образ жизни людей и в их взаимоотношения, в том числе и в социальной области. Так, уже сегодня профсоюзные деятели выражают беспокойство по поводу того, что в новых условиях им будет гораздо труднее работать из-за разобщенности трудящихся. Проблема, видимо, стала настолько серьезной, что АФТ — КПП, крупнейшее в США профсоюзное объединение, вынесло резолюцию, требующую запретить наемную работу с компьютером на дому (за исключением прикованных к дому инвалидов).

Поскольку компьютер уверенно идет на смену телевизору, значит, он все больше будет брать на себя функцию главного поставщика информации и развлечений. Но без вложенной в него программы он глух и нем. А кто и как будет составлять эти программы? Вот в чем вопрос! То есть компьютер — могучее средство пропаганды, и в этом смысле его значение будет неизменно возрастать. Но это уже другая, причем огромная тема.

* * *

Из беседы с членом-корреспондентом АН СССР И. Т. Фроловым (газета «Известия»):

«Революция в умах» предполагает коренной перелом в массовом сознании в отношении к самой науке и технике, к их прогрессу, их влиянию на жизнь. Теория о том, что о науке надо говорить так, чтобы и человеку с четырьмя классами за душой все было понятно, весьма спорна для страны со всеобщим средним образованием. Особенно если учесть, что всеобщая компьютеризация для нас сегодня не благое пожелание, а крайняя необходимость. Взрослых людей с четырехклассным пониманием окружающего мира, в том числе и науки, надо «поднимать» до овладения хотя бы минимумом современных проблем науки, техники, экономики, современных методов их решения. Очень жаль, конечно, что некоторые из этих людей имеют дипломы вузов, а кое-кто занимает и солидные «командные» посты в промышленности и других сферах нашей жизни.

Речь идет об изменении социального статута науки и ученых, об отражении его в умах людей. Поэтому наша партия в своих последних решениях ставит акцент не только на неотложном ускорении научно-технического прогресса, но и на том, чтобы у нас было более четкое осознание общественной роли науки, научно-технической интеллигенции... Не все еще понимают, что мы входим не только в мир компьютеров, электроники, роботов, информатики, биотехнологии, но и в мир предельного развития человеческого в человеке — его разума и гуманности, уникальности и многообразия его личностных проявлений в сфере духа. К сожалению, или к счастью, но люди нередко адаптируются лишь к внешней стороне научно-технического прогресса, быстро переходят на «ты» сначала с телефоном, потом с транзистором, потом и с ЭВМ.

А ведь переход к компьютерам — это действительно великий переход к новому этапу в развитии творческих начал в человечестве, переход в совершенно иную, куда более «продуктивную» систему координат нашего движения вперед».

КОМАНДИР ОТРЯДА «СТРОИТЕЛЬ» ВИКТОР САВОТЕЕВ: «КАК БУДЕМ РАБОТАТЬ ДАЛЬШЕ!»

ТЕПЕРЬ— ДЕЛО ЗА НАМИ

Владимир КУЗНЕЦОВ, собкор «Огонька», фото Виктора САККА

Дальневосточный Комсомольск называют городом на заре. В метафоре — и социальный смысл: город стартовал в зоревые годы развития социализма. Комсомольск-на-Амуре рождался вместе с Магниткой и Днепрогэсом и вместе с ними стал городом-легендой...

«Теперь — дело за нами». Эта фраза — из разговора с Виктором Безручко, первым секретарем горкома комсомола. Виктор выбрал Комсомольск, пользуясь правом отличника учебы в политехническом институте. Ступил на комсомольскую землю ровно через полвека после десанта строителей. Молодой специалист-радиоэлектронщик начал трудовую деятельность на авиационном заводе имени Ю. А. Гагарина. Интересная работа увлекла, появилось несколько рационализаторских предложений, одно изобретение. Безручко стал руководителем лаборатории. И вот предложение перейти на комсомольскую работу.

В комсомоле, как и на производстве, все складывается удачно: секретарь комитета комсомола завода, первый секретарь райкома ВЛКСМ. Состоявшаяся в декабре прошлого года городская конференция избирает его первым секретарем Комсомольского горкома. Виктор — делегат XX съезда ВЛКСМ.

— Что сегодня главное для комсомолии города?

— Если начинать с горкома, то, наверное,— найти ответы на поставленные конференцией вопросы. А их немало. Конференции, и районные и городская, прошли в острых дискуссиях, говорили все без бумажек. Таких конференций за свою комсомольскую жизнь я не встречал. Была нелицеприятная критика. Были дельные предложения, советы. Увы, часто говорим больше, чем делаем. Так было и с «бытовой субботой», и с экспериментом в комсомольской учебе, и с молодежным центром, наконец. Сергей Швецов, директор Дома молодежи, правильно заметил: прекрасно, что такие центры появились, но, в сущности, их работа не что иное, как просто хорошо налаженная работа дворцов культуры. Просто раньше мы ею похвастать не могли. А молодежный центр — это самостоятельное хозрасчетное объединение. Давно бьют тревогу комсомольцы объединения «Продовольственные товары» по поводу острой нехватки кадров. Предлагают создать в городе бытовой отряд для обслуживания строителей. Строители, в свою очередь, заявили, что готовы организовать специальную бригаду, которая специализировалась бы только на строительстве детских комбинатов.

Будет у нас несколько молодежных жилищных комплексов: решено возвести один общегородской и одновременно закладывать фундаменты первых домов МЖК при судостроительном заводе имени Ленинского комсомола и авиационном имени Ю. А. Гагарина. Авиастроители, кроме своего МЖК, создали еще комсомольский отряд «Строитель». Ребята заключили договоры со своим заводом и с заводом железобетонных изделий. Получают коробку дома и отделку квартир делают сами в свободное от работы время.

— Запущенность сферы досуга породила многие негативные явления в молодежной среде. Готовы ли комсорги по-новому организовать и вести эту работу?

— Возглавить, повести за собой молодежный коллектив — далеко не каждому активисту под силу. Идеальный комсорг в своей ячейке один в десяти лицах: комиссар и отец родной, невропатолог и третейский судья, и даже массовик-затейник. А где и кто этому учит? Вот избрали меня секретарем горкома, но сказать, что я обучен комсомольской работе, настоящей, живой работе с людьми, не берусь. Специфика сегодняшнего молодежного коллектива, который складывается из незаурядных личностей, характеров, натур, предъявляет к комсомольскому вожаку повышенные требования. Вполне разумно предложение, высказанное на конференции, — проведение аттестации комсомольских работников. Мы все чувствуем необходимость перемен в статусе комсомола, в характере деятельности. Первыми подставлять паруса под ветер перемен должны комсорги. С них и спрос особый. Мне думается, комсомольский работник обязан жить постоянным поиском путей борьбы со злом. Раньше в период зимних школьных каникул обнаруживался пик роста правонарушений. Особенно среди ребят из детских домов и школ-интернатов. Татьяна Сидоренко организовала работу лагерей по типу оборонно-спортивных в дни зимних каникул на базе детских домов. К работе были привлечены комсомольцы с завода имени Ленинского комсомола и «Амурстали». Татьяна Савченко, секретарь Центрального райкома ВЛКСМ, предложила создать бюро по трудоустройству школьников. Раньше старшеклассники, чтобы определиться на работу во время каникул, теряли уйму времени на преодоление бюрократических барьеров. Собирали справки от школ и родителей, являлись в исполкомы на заседание комиссии по делам несовершеннолетних. Многие бросали это дело на полпути. Сейчас общественное городское бюро оперативно решает вопрос трудоустройства школьников, желающих работать.

— Комсомолу, молодежи сейчас доверяют, ждут новых дел, инициатив...

— Но ведь совсем недавно губилась эта самая инициатива, которой сегодня так не хватает.

Покровительствуя по-отцовски, многое решали и делали за молодежь. Были комсомольские организации, где собрания проходили лишь раз в год. Приглашенные представители администрации, партийных, профсоюзных органов выслушивали жалобы: нет того, не проводится это. Повторялось такое из года в год. Сами же укрепляли у молодежи иждивенчество и сводили к абсолютному нулю инициативу. А какими были выборы? Комсомольцы часто голосовали механически, мало что зная о личных и деловых качествах предлагаемого секретаря. Развитие демократии поможет избавить практику выборов от давних и привычных спутников — заорганизованности, формализма — и в комсомоле. Введение элементов состязательности позволит привлечь на комсомольскую работу наиболее одаренных, деятельных, боевых ребят.

Что касается инициативы, то вот одна, выдвинутая нашей краевой организацией: вновь организованные совхозы «Чуркинский» и «Преображенский» в Еврейской автономной области, «Хурбинский» в Комсомольском районе, новый завод в Хабаровске по производству зданий контейнерного типа передаются в руки комсомола. Эти предприятия будут полностью молодежными, от директора до уборщицы. Тут можно показать себя по-настоящему хозяевами.

ЛЕГЕНДАРНЫМ ПЕРВОСТРОИТЕЛЯМ.

МОЛОДЫЕ АРХИТЕКТОРЫ КОМСОМОЛЬСКА И. КУРНОСОВ, А. СЕРДИТИНОВ И Т. ПАШКОВА.

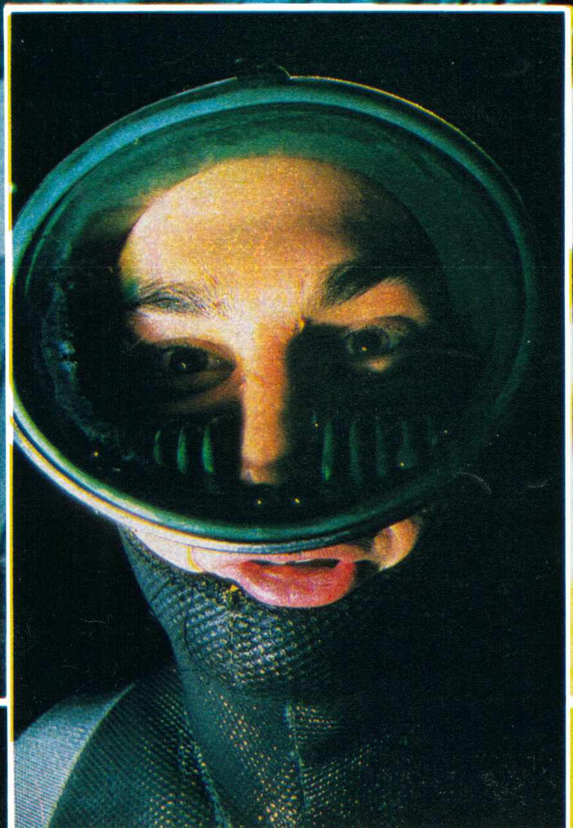
ДЕЛЕГАТ XX СЪЕЗДА ВЛКСМ НАТАЛЬЯ БАЕВА ПОЗИРУЕТ ХУДОЖНИКУ НИКОЛАЮ ЧУВАХИНУ.

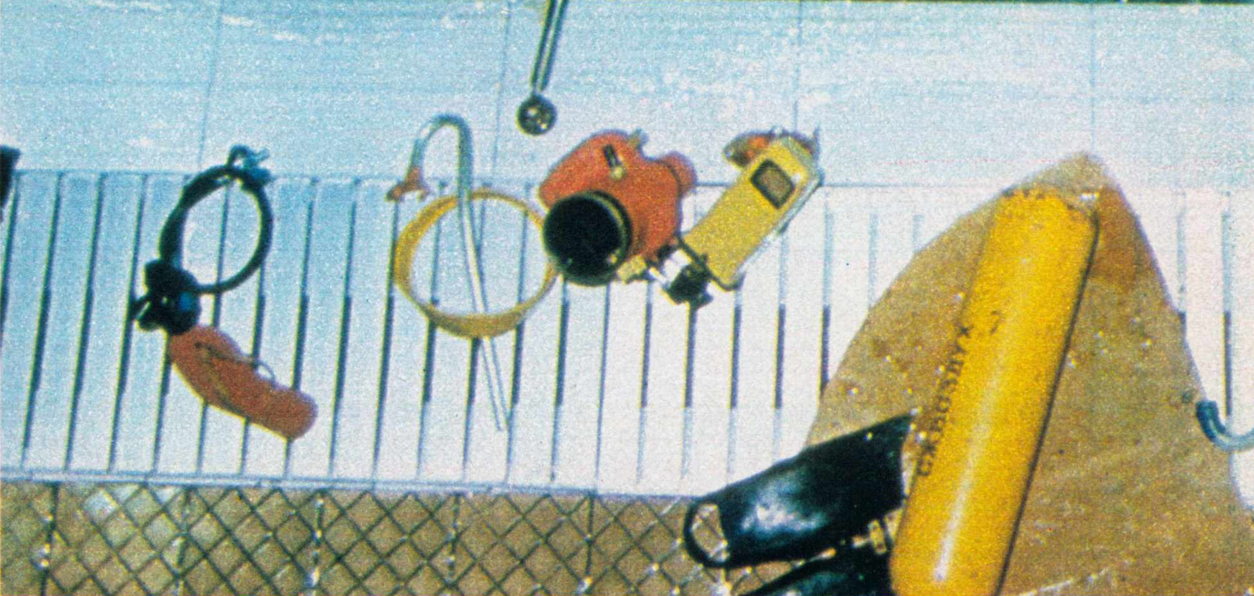

ЭТАЛОН

Станислав КАЛИНИЧЕВ

Поляну перед институтом давно облюбовали кинорежиссеры, здесь часто можно видеть съемочную группу. Еще бы, столетний парк подступил к самым стенам старинных зданий. А строились они для Киевского политехнического института в конце прошлого века и рассчитаны были на тысячу с небольшим студентов. Но уже в годы первых пятилеток тут теснились несколько тысяч будущих инженеров. После войны открывались новые факультеты, а здания оставались теми же. Особенно тяжелое положение сложилось лет пятнадцать назад: в институте одновременно учились уже более двадцати тысяч человек. На каждого в три с лишним раза меньше площади, чем установлено весьма скромными нормами. Занятия шли в три смены... Тесноте вопреки поговорке сопутствовала обида: учебный процесс отставал от требований времени, а нелады разъедали преподавательский состав и руководство.

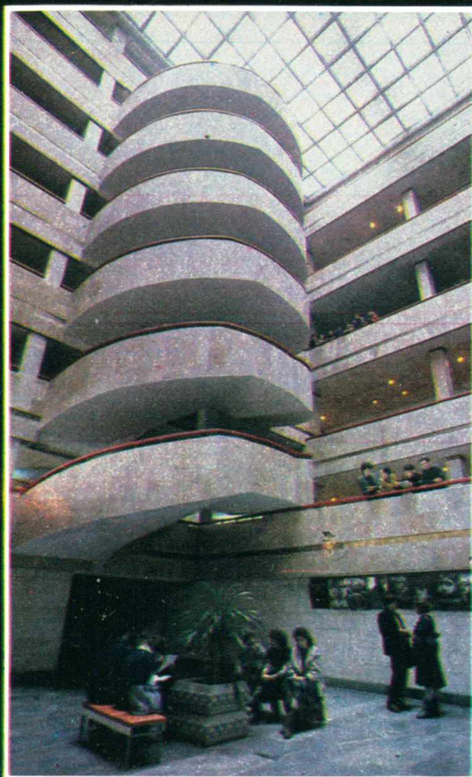
Вот тогда-то на пост ректора был приглашен Григорий Иванович Денисенко, ученый-энергетик, за плечами которого был весьма плодотворный опыт руководства Львовским политехническим институтом. Новый ректор пришел со своей «командой», он пригласил и проректоров — ученого-строителя Э. А. Назаренко и архитектора В. Д. Сидоренко, который во Львове руководил студенческим проектно-конструкторским бюро. С такими помощниками можно было работать в три силы, тем более что Совет Министров республики оказал помощь.

В КИЕВСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ.

ДЕЛУ — ВРЕМЯ:
В ОДНОМ ИЗ ЧИТАЛЬНЫХ ЗАЛОВ.

ОТДЫХУ — СВОЙ ЧАС:
ИНСТИТУТСКИЕ «ИХТИАНДРЫ».

ПРОБИТ ДВОЙНОЙ «БЛОК»!

Весьма соблазнительным было начать что-то достраивать, расширять... Но половинчатые решения было решено отметать, кто-то произнес: «Футурум цвай» — будущее второе! Это шутливое выражение, взятое из немецкой грамматики, стало своего рода паролем энтузиастов. Если смотреть на свои дела из будущего, притом не самого близкого, из «второго», то мелочи станут еще мельче, а все, что истинно, возрастет. Сторонники обновления видели институт таким, каким он должен встретить свое столетие в... 1998 году! И только такой меркой стали поверять текущие заботы. Сверхзадача, мечта нашли горячих приверженцев среди сотрудников института и преподавателей. И даже среди финансистов из заинтересованных министерств.

- НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА СЧИТАЕТСЯ УНИКАЛЬНОЙ.
- ОКОЛО ПЯТИСОТ СЕМЕЙ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ, КАК И СЕМЬЯ СВЕТЛАНЫ И СТАНИСЛАВА ДЯЧЕНКО, ПОЛУЧИЛИ КВАРТИРУ ГОСТИНИЧНОГО ТИПА В ВЕЛИКОЛЕПНОМ ОБЩЕЖИТИИ.
- ЧАЙ ПОД ГИТАРУ, СТИХИ И ПЕСНИ.

Фото Анатолия ГОРЯИНОВА

Центральный корпус заложили с флагманским размахом: ведь в нем сосредоточено обучение студентов первых двух курсов всех факультетов. Перед ним — площадь, а с боков примыкают соединенные закрытыми переходами библиотека и актовый зал. На деле это Дворец культуры, но в недавние годы такие здания строить запрещалось, и по документам дворец до сих пор называется залом.

...В. Шаталов, учитель из Донецка, выступая в Останкине, говорил, что ребенок попадает к нему в класс, как... огурец в банку с рассолом. Хочет он того или не хочет, но через определенное время просаливается, достигает необходимых кондиций. То же самое можно сказать о первокурснике, который приходит ныне в Киевский политехнический. Он попадает в одно из общежитий студгородка, занявшего улицу. Там есть все необходимое для жизни — столовые, мастерские бытового обслуживания, свое почтовое отделение. В институтской поликлинике его обследуют и порекомендуют, каким видом спорта лучше заняться. Если со здоровьем не очень, тут же направят в профилакторий, где студент поживет на всем готовом, получит необходимое лечение. Мало месяца — оставят на второй. Профилакторий рядом с учебным корпусом.

Молодость полна неожиданностей. Влюбились, поженились... Значит, надо учиться еще лучше, любовь окрыляет! А что касается житейской устроенности — ректорат предоставит молодой семье жилье в одном из трех общежитий, построенных специально для семейных. Совет да любовь. Конечно, могут появиться дети... Но и это не должно стать помехой для учения. Среди новых институтских зданий есть детский комбинат. Бери, папа, направление, чтобы и мама смогла продолжить учебу.

А загляните в читальный зал библиотеки! Изучающий сопромат или марксистско-ленинскую теорию, выбирай соответствующий зал. Там собрана вся необходимая литература по предмету. Ройся сам, наводи справки, надо — обратись к дежурному библиографу. И таких залов, посвященных отдельным предметам,— восемнадцать.

А какие условия — простор, тепло, за окнами вековые сосны, их с тщанием сберегли. В отделке помещения радуют глаз красный гранит, теплый травертин, лабрадорит, розовый мрамор... Эдуард Афанасьевич Назаренко, который показывал нам библиотеку — дворец книги, перечисляет виды конструкций, названия отделочных камней, их свойства, адреса месторождений... Почему вдруг проректор по учебной работе все это помнит? Да не то что помнит, а, как сказал юморист, «забыть не может»!

...Энтузиасты восходили по выговорам, как по ступенькам. Вместо глухой крыши — стеклянный фонарь, светлый, как праздник. Конструкции для него из дюраля прокатывали в своих мастерских — выговор. Вместо облицовочной дешевки поставили более красивую, а главное, надежную — выговор. На самого Эдуарда Афанасьевича даже уголовное дело было завели... При строительстве бассейна высмотрел он более совершенную конструкцию для поглощения волны, высмотрел — сделали, а в смету изменения внести не успели... Тут уже не нагоняй — следствие, судить собирались.

Пятидесятиметровый бассейн, в который теперь, кроме студентов, ходят сотни детей с окрестных улиц, вряд ли появился бы. Спасло то обстоятельство, что в его обширном комплексе были запланированы еще и несколько «аудиторий». Поэтому по документам бассейн проходил как учебный корпус кафедры физвоспитания. И вот она, реальность: прекрасное сооружение с вышкой и шестиметровой глубиной под нею. Но главное достоинство бассейна, как сказал Э. А. Назаренко,— «он не течет».

Прежде, чем что-либо построить, представители института изучили опыт других. Интересовались целенаправленно: «Что у вас плохо?» Некоторые обижались: «Да у нас... Да мы... К нам за опытом едут». «Потому и спрашиваем, неужели нет узких мест?» Они старались не повторять чужих ошибок. Скажем, большинство бассейнов действительно подтекает. Чтобы этого избежать, надо укладывать бетон быстро, «на одном дыхании», и не давать краю застыть, пока не добавлена новая порция. В институте к этому штурму хорошо подготовились, призвали студентов-добровольцев и за трое суток непрерывной работы уложили тысячу двести кубов бетона!

Трудно удержаться, чтобы не рассказать, как своими силами изготовили почти две тысячи прекрасных кресел для актового зала. С какой любовью и тактом модернизировали дореволюционные здания, являющиеся памятниками архитектуры! Сколько души во все это вложило не одно поколение студентов!..

«Мотором» этого дела оставалась группа энтузиастов из руководства института. Некоторым уже за пятьдесят, а то и за шестьдесят, но по духу своему это люди из вечно молодых, потому что умеют жить и живут интересами своих воспитанников. Человеку нарочито солидному, заматеревшему трудно принять всерьез ребяческое «футурум цвай», эту романтическую игру, затеянную на добрую четверть века вперед... Но вот прошло уже полтора десятка лет, в новое строительство вложены десятки миллионов рублей, и огромные эти средства использованы наилучшим образом. Ректору института Г. И. Денисенко за отлично организованную подготовку специалистов и большой вклад в науку совсем недавно присвоили звание Героя Социалистического Труда. Группа архитекторов и инженеров за создание институтского комплекса выдвинута на соискание Государственной премии СССР. По делам и заслуги.

Признаюсь, я умышленно не спешил спросить, откуда такие деньги на столь бурное развитие? В ответе на этот вопрос — смысл происходящего в Киевском политехническом. Деньги дают заинтересованные министерства: Минэнерго, Минчермет, Минуглепром, Минавиапром, Минприбор, а всего 47 ведомств. Задача заключалась в том, чтобы всех заинтересовать. Ректорат этого добился! Как? Учебный процесс перестроили применительно к нуждам промышленности и науки. А как иначе! Наука — и заводы-заказчики. Нужна новая специальность? Откроем. Надо вам переподготовить инженеров с производства? Добро пожаловать! Придать определенный уклон традиционной специальности? Тоже всегда готовы...

Примеров сотрудничества сколько угодно. Вот один. В керамическую промышленность приходит автоматика, внедряются микропроцессоры. Технологи-керамисты слабы в электронике, а специалисты по микропроцессорам «не тянут» в керамическом производстве. По заказу министерства можно уже через год-два подготовить нужного специалиста. Скажем, выделить группу технологов с четвертого курса. А если выбирать, у кого отличные успехи по дисциплинам, близким к электронике, то можно и с пятого курса. Если для такой группы создать условия и добавить ей необходимые циклы лекций, семинарских и лабораторных занятий с новейшими приборами, то... Но для целенаправленной подготовки специалистов, для того, чтобы открывать новые факультеты, нужны новые корпуса, и лаборатории, и современное оборудование. Так вот, соответствующие министерства на все это дают деньги. И получают живую, ощутимую отдачу — молодых специалистов.

Есть еще один источник финансирования (кроме госбюджета, конечно!)— это хоздоговорная научная работа. Под руководством преподавателей, среди которых немало видных ученых, студенческие объединения проводят исследования и разработки по заказам промышленных предприятий. Само собой разумеется, для таких работ созданы все условия. На старших курсах студенты уходят из общего корпуса в свои — факультетские, построенные заново. Там сосредоточены специальные кафедры, там и лаборатории, и мастерские, и электронно-вычислительная техника.

Ограничить подготовку инженера лишь тренировкой его ума явно недостаточно. В институте отличный спортивный центр, где проводят не только тренировки, но и состязания самого высокого ранга по десяткам видов спорта.

Уделяется внимание и духовному развитию молодежи — клубы по интересам, диспуты, конкурсы художественной самодеятельности. Все это поощряется, так сказать, не «вообще», но обеспечивается материально. Для этого выделяются помещения, приобретаются необходимое оборудование, инвентарь, материалы...

Сейчас проводится реформа высшей школы. И в этом отношении опыт киевлян особенно ценен, потому что в нем многие идеи перестройки всей системы подготовки специалистов уже материализованы.

До столетия института осталось одиннадцать лет. Разворачивается строительство научно-производственных корпусов и центра переподготовки инженеров на восемь тысяч человек, возводится лабораторный корпус нетрадиционных источников энергии, создается опытно-экспериментальное производство — машиностроительный завод для воплощения в металле институтских разработок. Надо спешить! И в Киевском политехническом времени не тратят.

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

Патрик АНДЕРСОН

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

РОМАН

Донна Хендрикс приехала в Вашингтон по вызову президента Чарлза Уитмора. Узнав об этом, его жена предупреждает, что в случае встречи Чарлза с Донной она пойдет на разрыв супружеских отношений. Уитмору же необходимо увидеть Донну: он опасается, что в романе, над которым та работает, говорится об их интимной связи. Но Чарлз лишен возможности увидеться с нею в этот день, а Донна не согласна на отсрочку свидания. Не желая терять ни жену, ни любовницу, Уитмор требует от своего помощника Эда Мерфи как-то разрядить сложившуюся обстановку. Адвокат Бен Нортон возвратился в Вашингтон из заграничной поездки. Случайно он узнает, что Донну видели здесь с Эдом Мерфи. На другой день неизвестный позвонил Нортону и сказал, чтобы он заглянул в газету,— его знакомая найдена убитой. Нортон на такси мчится по указанному в газете адресу и узнает в убитой Донну Хендрикс.

Втягивать вас. Эти слова продолжали звучать в ушах у Нортона, когда он через несколько минут покинул дом на Вольта-плейс, согласившись в ближайшие дни дать Кравицу официальные показания.

Лишь под конец разговора Нортон стал понимать, что он для Кравица подозреваемый. И подумал, что сержант не поверил в историю с телефонным звонком, счел ее выдумкой, объясняющей непременное, как принято считать, возвращение преступника к месту преступления. Это было нелепо, однако Нортон сознавал, что с точки зрения сержанта тут есть смысл: брошенный любовник встречает свою бывшую подружку, ссорится с ней и убивает. До него стало доходить, в каком сложном положении он оказался. Он был непричастен к смерти Донны, но причастен к тому, чего не мог рассказать о ней полицейским, и этого было достаточно, чтобы не на шутку осложнить его жизнь. Он был «втянут» в это дело, хотя не в том смысле, как считал Кравиц.

Он был втянут, потому что с каждой секундой все больше и больше преисполнялся решимостью самому отыскать убийцу Донны. Проходя по Вольта-плейс, он не замечал соседей, глядящих на него с крылец, не обратил внимания даже на репортера, который спросил у него фа-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14, 15.

милию и шел за ним до угла. Кравиц мог сомневаться, что ему кто-то звонил. Кравиц мог считать, что Донну убил Нортон или грабитель. Нортон же знал, что не убивал ее и что грабители не звонят юристам, объявляя о своем преступлении. Вокруг этого дела творилось что-то странное: Нортон не мог взять в толк, что именно, но сознание, что Донна убита, жгло его, как огонь, и он дал себе слово раскрыть эту тайну. Ему была нужна истина, но не только; подобно королю Лиру он еще хотел мести столь ужасной, что ей не нашлось бы названия. Пусть полиция ищет грабителей, отпечатки пальцев и волоски. Для Нортона существовали другие направления поиска, например, выяснить, что Донна делала в Вашингтоне, почему ехала в лимузине с Эдом Мерфи и кому принадлежит этот дом на Вольта-плейс.

Нортон внезапно обнаружил, что он у себя дома, подошел к телефону и стал звонить. Сперва Гвен Бауэрс, потом в Белый дом.

5

Идя к дому Гвен по дорожке, пересекающей широкий газон, Нортон увидел, как в вечернем небе сверкнула падучая звезда; она напомнила ему о Донне.

Гвен ждала его в дверях и плакала. Нортон обнял ее, удивившись, какая она хрупкая, и подумал, что раньше ни разу не видел ее в слезах. Даже в тот вечер, когда был убит Роберт Кеннеди. Тогда они вшестером или восьмером сидели на полу квартиры на Капитолийском холме, где в то время она жила вместе с Донной. Гвен напилась, отпускала мрачные шутки, но не пролила ни слезинки.

— Извини,— сказала она минуту спустя.— Я хотела выплакаться до твоего прихода. Входи. Промочим горло.

— Я хочу поговорить, Гвен. Мне надо кое-что узнать.

— Поговорим,— пообещала она и повела его по длинному коридору. На ней были брюки и свитер, светлые волосы спадали на плечи.

— Потрясающий дом,— сказал Нортон.

— Возмездие за грех, мой друг. Мне предлагали за него четверть миллиона на той неделе.

Не так уж давно Гвен с Донной были начинающими журналистками и лезли из кожи вон, чтобы расплачиваться за квартиру, но Гвен не любила лезть из кожи; ее снедал зуд, гораздо более свойственный молодым вашингтонцам, чем вашингтонкам, и она быстро добилась успеха примечательным, быть может, единственным в своем роде способом. Сперва она удивила всех, выйдя замуж за очень богатого старика конгрессмена. Ее подруги не воспринимали этот брак всерьез и предсказывали, что он продлится примерно год. Но продлился он всего четыре месяца, по истечении которых конгрессмен очень кстати скончался от сердечного приступа. («Это было умышленное убийство,— сообщила Гвен Нортону сценическим шепотом на вечеринке через три недели после похорон.— Я загоняла его до смерти».)

За смертью конгрессмена последовали юридические осложнения с его взрослыми детьми, но Гвен вышла из них, заполучив особняк в Спринг Вэлли и, что, возможно, еще более важно, впервые отведав известности. Вкус ее пришелся Гвен по душе, в погоне за дальнейшей известностью она написала для «Космо» несколько злоречивых статеек о сексе в Вашингтоне, и это открыло ей двери в таинственный круг людей, которые выступают по телевидению, потому что они знамениты, а знамениты потому, что выступают по телевидению. При всем при том Гвен находила время для «романтической», как деликатно выражаются светские хроникеры, связи со знаменитым (и женатым) молодым сенатором, с одним из наиболее известных космонавтов и тремя или четырьмя бейсболистами команды «Вашингтонские краснокожие». Гвен была знаменитостью и упивалась этим. Отношение Нортона к ней было двойственным. Он считал ее правдивой, но не доверял ей. Он знал, что они с Донной подруги, и часто думал, что она дурно влияет на Донну. Но главное, по осведомленности в Вашингтоне мало кто мог сравниться с Гвен, падкой на сплетни, как другие женщины на драгоценности, и Нортон надеялся, что она расскажет ему о Донне то, что вряд ли мог знать кто-то другой.

Гвен привела его в громадную, с темными стенами библиотеку, там горел камин. Нортон был здесь однажды, тогда над каминной доской висел портрет матери конгрессмена. Теперь его сменила картина Ларри Риверса с изображением мусорной кучи.

— Налей нам выпить,— сказала Гвен, указав на бар в углу.— Хочешь посмотреть новости?

— Нет,— ответил он, налил в два стакана шотландского виски и подсел к ней на длинный зеленый диван.

Взяв стакан, Гвен чокнулась с Нортоном.

— Больше плакать не буду,— пообещала она.— Никаких орхидей для мисс Блендиш. Никаких слез по мисс Хендрикс. Она была крепкой, Бен, крепче, чем ты думал. Крепкой и славной. Быть крепкой и стервой легко. Но крепкой и славной — почти невозможно. Ладно, она мертва, но знаешь что? Донна прожила за последние пять лет больше, чем многие женщины за всю жизнь. Большинство женщин рождается мертвыми. Они вырастают куколками снаружи и бездушными внутри. Донна разгадала их мелкую грязную игру и отвергла ее. Встала на свои маленькие ножки и заявила: «Мир, ну тебя к черту. Я это я, и мы будем играть по моим правилам». Так и вышло. Покойся в мире, дорогая, покойся в мире, и пошли все к черту.

Гвен снова заплакала, глядя на Нортона в упор, словно запрещая ему усомниться, что она любила Донну меньше, чем он. Из-за Донны между ними всегда было скрытое соперничество. Такой уж была Донна; люди относились к ней по-собственнически, и, конечно же, она неизменно восставала против этого.

— Помню вечер, когда мы только прилетели в этот проклятый город,— продолжала Гвен.— Ни я, ни она не бывали здесь раньше. Я, едва ставшая совершеннолетней выскочка из кливлендского отделения ЮПИ, отправилась завоевывать Вашингтон и сманила ее с собой — она не рассказывала тебе об этом?— так как знала, что иначе она выйдет замуж за какого-нибудь идиота и всю жизнь провозится с пеленками. Едва самолет взлетел, мы немного выпили и тут же уснули, но над Вашингтоном проснулись. Никогда не забуду, как я глянула вниз и увидела ночной город, машины на Мемориальном мосту, эти проклятые прекрасные памятники, купол Капитолия вдали. И заплакала. Мне так хотелось туда, так хотелось, чтобы весь этот проклятый город был у моих ног. Один актер как-то сказал мне, что ощутил то же самое, когда впервые въехал на голливудские холмы и глянул на огни Лос-Анжелеса. Наверно, такое испытывают все, когда молоды и уверены, что могут добиться всего. Самолет снижался, я плакала, а Донна не поняла, почему. Она решила, что от страха, взяла меня за руку и сказала, чтобы я не пугалась, что как-нибудь не пропадем. Господи, какой доброй она была. Или я уже говорила это?

Нортон понимал, что говорит Гвен от чистого сердца, но все же какое-то время ощущал к ней одну только ненависть за то, что она притащила Донну в этот жестокий город, за то, что она жива, а Донна убита.

— Что ж, ты добилась своего, не так ли?— негромко сказал он.— Весь мир у твоих ног.

— Ерунда,— огрызнулась Гвен.— Я известна, ты это имеешь в виду? Плевать на знаменитостей и болтовню с ними по телевидению. Велика важность. Ты знаешь, я пишу мемуары. Один идиот издатель выдал мне сто тысяч авансом.

Гвен провела рукой по волосам, засмеялась и допила виски. Нортону показалось, что она слегка опьянела; ему это было на руку, так он мог выведать у нее побольше.

— Ладно,— сказала она.— Хватит о приятных материях. Ты приехал поговорить. Давай поговорим.

— Отлично,— сказал Нортон.— Вот в чем дело, Гвен. Вернулся я вчера утром. Я считал, что Донна в Калифорнии. Но прошлой ночью она была в одном доме на Вольта-плейс, и кто-то ее убил. Это все, что мне известно. Я хочу узнать, чей это дом, что она делала в Вашингтоне и как жила, пока меня не было.

— Насчет дома я могу тебе сказать,— ответила Гвен.— Только помалкивай, что узнал от меня. Это дом Джеффа Филдса. В начале января он арендовал его. Теперь уже, может, и купил.

— Актер? Для чего ему дом в Вашингтоне? И как Донна могла оказаться там?

— Джефф любит покупать дома. Может, он считал, что будет много времени проводить в Вашингтоне. В избирательную кампанию он очень подружился с Уитмором. Или так ему показалось.

— Подружился с Уитмором?

— Джефф добыл им кучу денег; через него Уитмор был связан с типами из зрелищного бизнеса. Но когда Уитмор пробился в Белый дом, ему стали не нужны шикарные голливудские типы. Так что теперь Джеффа не приглашают на официальные обеды, как он ожидал.

— Почему он включился в избирательную кампанию?

— Кое-кому кажется, что он идеалист и хочет помочь в строительстве лучшей Америки. Большинство из нас считает, что ему была нужна реклама.

— Как только выяснится, что тот дом принадлежит ему, рекламы у него будет хоть отбавляй. Но как там оказалась Донна? У них был роман?

Гвен покачала головой.

— Донна была не парой Джеффу. Или наоборот. Джефф увлекается сексом, как твой друг Уитмор политикой. Ушел в него с головой. Изучает это искусство. Донна не стала бы играть в те игры, что он и его друзья. Познакомилась она с ним во время предварительных выборов. Джефф ездил с ней к некоторым основателям фонда, но просто повеселиться. Однако если он знал, что Донна собирается в Вашингтон, то, наверно, предложил бы ей остановиться в своем доме.

— Как мне найти Филдса?

— В Палм-Спрингсе у него есть контора — «Филдс продакшнз», там всегда знают, где он. Он даже может оказаться в Палм-Спрингсе — у него там маленький дом развлечений.

— Выпьем еще?— спросил Нортон.

— Конечно. Может, хочешь гашиша?

— Сегодня не хочу.— Он наполнил стаканы и снова подсел к ней.— Слушай, Гвен, давай перейдем к главному. Как тут шли дела у Донны с ее дружком? Для меня это важно, и узнать я могу только у тебя.

— С какой стати? Та история давно уже в прошлом.

Нортон заколебался, говорить ли ей. Но она сказала ему о Филдсе, кроме того, он знал, что от Гвен безвозмездно ничего не получишь.

— Во-первых, один человек сказал мне, что недавно Донну видели в Джорджтауне с Эдом Мерфи. Так что насчет «давно в прошлом» я сомневаюсь.

Гвен пристально оглядела Нортона, в глазах у нее мерцали холодные искры, и ему стало интересно, что она в глубине души думает о нем. На одной из вечеринок она обозвала его тупым южанином, недостойным коснуться подола Донны, и, похоже, искренне.

— А как обстояли дела, когда ты уехал во Францию?— спросила Гвен.— Тут все очень сложно.

Нортон решил, что она хитрит, пытаясь выведать, что известно ему, но не отвечать было нельзя.

— Все дошло до точки накануне предпрошедшего рождества,— сказал он.— Я хотел жениться на ней. Мы жили вместе месяцев пять или шесть, и я считал, что наш брак — просто вопрос времени. Думал, что продержимся при Уитморе до конца избирательной кампании, потом поженимся, я займусь частной практикой, разбогатею, и мы заживем счастливо. Но она все отказывалась, говорила, что никак не может решиться. Потом снова перебралась на свою квартиру. Я ничего не понимал. Спрашивал: «Почему? Зачем?»,— а она не могла объяснить. Потом в начале февраля, когда мы собирались в Нью-Хемпшир на предвыборное собрание, она призналась во всем. Расплакалась, сказала, что, может, было б лучше промолчать, но оставить меня, ничего не объяснив, подло, взяла с меня несколько клятв не разглашать тайну, а потом бросила свою бомбочку.

Я чуть с ума не сошел. Мне хотелось тут же убить этого гада. Но, конечно, она меня утихомирила, сказала, что должна довести эту историю до конца, что я должен понять, что, может быть, мы сойдемся снова и так далее. Словом, я никого не убил, но и не остался возле нее. Ушел из Капитолия и, как только представился случай, уехал за границу. Мне было очень тяжело; я не хотел быть в одном городе с ними и даже в одной стране. Потом в июле она мне написала, что у них все кончено и она уезжает в Калифорнию, хочет там поразмыслить над жизнью. Я ответил ей, написал, что пусть она едет ко мне в Париж, или я приеду к ней, но ответа не получил. Тогда я сдался. Вот и все, что я знаю, кроме того, что вчера утром я вернулся, а вечером кто-то убил ее.

Пока Нортон говорил, Гвен неотрывно смотрела на него; он внезапно подумал, что она кажется очень опасной женщиной.

— Я не была уверена, что ты знаешь,— сказала она.— Думала, что из-за этого ты и уехал, но не знала. Ну, что ж. Она рассказала мне об этом примерно в то же время, что и тебе. То рождество было у нее не особенно веселым. Она сидела там, где сидишь ты, рассказывала мне о нем, о тебе, обо всей истории, а потом целый час плакала. Говорила, что хотела покончить с собой. Разрываться надвое было ей не по силам. Многие женщины на ее месте легко бы вышли из положения. Жених и любовник, последний за-

гул, пока не сгустилась тьма супружеской жизни,— это случается сплошь и рядом. Но Донна была не такой. Ей был нужен один мужчина, а ее угораздило влюбиться сразу в двоих. После она бывала у меня чуть ли не каждую неделю, просто чтобы поговорить с кем-то, как-то разобраться во всем. Когда ты уехал, я решила, что для нее это к лучшему, но тут начались предварительные собрания, и все осложнилось еще больше.

— Почему?— злобно спросил Нортон.— Они же уезжали вместе, разве не так? Подальше от пристального взгляда Клэр.

— Клэр не была им помехой. Я думаю, что ей было наплевать. Другие женщины для нее — просто шушера. Многие жены сенаторов стали такими. Держатся за мужей лишь в надежде, что в конце радуги окажется большой белый дом. Конечно, во время предварительных собраний они могли больше бывать вместе, но вокруг было много новых людей. Сенаторы легко находят выход в подобном положении — просто задерживаются в кабинетах или снимают квартиру на Капитолийском холме. Но когда сенатор становится кандидатом в президенты, то хочет он того или нет, его охраняет секретная служба и вокруг постоянно вертятся репортеры. Секретная служба, в сущности, не проблема, эти ребята быстро приучаются держать язык за зубами. Но ты знаешь, что репортеры готовы предположить самое худшее, если в штате у сенатора есть красивая незамужняя женщина. Донна как-то сказала, что хотела завести интрижку с кем-нибудь из репортеров и тем сбить их со следа.

— Может, эту функцию выполнял Джефф Филдс?

— Может быть. Во всяком случае, когда предварительные собрания окончились, они оба сходили с ума. Ему, на мой взгляд, было хуже, чем ей. Чем ближе он был к своей должности, тем больше боялся рисковать. Донна приехала ко мне в июле, перед тем, как он уезжал на партийный съезд, сказала, что они решили расстаться, что она бросает службу и едет в Калифорнию.

— Расстаться навсегда или только на время избирательной кампании?

— Донна сказала, что навсегда. Окончательно. После этого она звонила мне несколько раз, и голос у нее был довольный. О нем не упоминала ни разу.

— Как она жила в Калифорнии?

— Сняла домик возле Кармела. Говорила, что понемногу пишет. У нее был щенок. По кличке Динамит. Однажды Донна позвонила, я спросила, чем она занимается, она ответила, что полдня наблюдала, как Динамит гоняется за бабочками.

— Чем зарабатывала на жизнь?

— У нее было кое-что отложено. И ждала гонорар за разработку фильма.

— Что это такое?

— Набросок сценария. Она говорила, что какой-то продюсер заинтересовался ее идеей. Или, может, это было нужно Джеффу. В общем, она писала сценарий.

Нортон встал и помешал кочергой дрова в камине; полетели искры, приятно пахнуло теплом.

— Я не мог представить себе их вместе,— сказал он.— Пытался быть объективным, рассуждать как взрослый человек. Я знаю, что он привлекателен, знаю все о синдроме власти, но не мог представить, чтобы *она* прельстилась им.

— Ты ребенок, Бен. Ты ничего не понимаешь.

— Тебя я мог бы представить с Уитмором.

— Ха. Мы ненавидим друг друга с первой же встречи. У нас слишком много общего.

— Гвен, многие знали о них?

— Нет. Они сами. Ты, я. Может, еще и Эд Мерфи.

— Мерфи наверняка,— сказал Нортон.— Эд знает все. Вопрос в том, знал ли еще кто из штата. Например, Ник Гальяно.

— Этот болван?

— Он такой болван, что пьет да играет в гольф со своим лучшим дружком и получает за это тридцать пять тысяч в год. Ник знает многое. Нельзя сказать, что известно ему, а что нет.

— Не думаю, чтобы знали многие. Если бы возникла сплетня, я бы ее услышала. Так что, *возможно*, знаем только мы четверо — ты, я, Уитмор, Мерфи. И, может быть, Ник Гальяно.

— События будут развиваться быстро. Завтра газетчики узнают ее имя и то, что она работала в штате Уитмора. Вскоре они узнают, что тот дом принадлежит Филдсу. Репортеры начнут копаться.

— Конечно, но что они обнаружат? Джефф скажет, что позволил ей пожить в этом доме. А что еще? Не думаю, чтобы кто-то раскрыл историю, которая окончилась несколько месяцев назад и о которой помалкивали.

— Разговоры еще пойдут,— упрямо сказал Нортон.

— Ну и что? Кто станет публиковать слухи о мертвой женщине, которую все любили, и президенте, знаменитом своей привязанностью к семье, дому и материнству? Господи, да Кеннеди водил женщин в Белый дом, все об этом знали, но никто не печатал в газетах. Президенту можно иметь любовниц, если он не развлекается с ними в розовом саду на глазах у туристов. Или не бросает жену ради них.

— Гвен, я разговаривал с сержантом, ведущим дело, это крутой, подозрительный сукин сын. Он задаст нам обоим множество вопросов, отвечая на них, ты будешь под присягой.

— Наплевать! Какой-то наркоман вломился туда, хотел взять стерео, чтобы обменять на дозу наркотика, там оказалась Донна, и он убил ее. Такое случается каждый день. Если б я могла помочь найти его, то помогла бы. Но рассказывать в полиции старую историю я не стану, это не даст ничего, только имя Донны замарают. И тебе тоже лучше помалкивать.

Нортон понимал, что она права, понимал, что и сам поступит точно так же, как бы ни был велик риск. Не ради Уитмора — пошел он к черту,— но ради Донны. Осознав это, он уже хотел уходить. Но было нужно задать еще один вопрос.

— Почему она так поступила, Гвен? Она пыталась объяснить мне, но я так ничего и не понял.

— Почему? Зачем она связалась с Большим Чаком, когда могла выйти за Надежного Бена? За славного голубоглазого юриста, от которого имела бы детей, оплаченные счета и выходные в Акапулько? Да потому, что ей была *назначена* эта участь. Почему ты не остался в Рингворме, штат Южная Каролина, или откуда там ты приехал, и не завел адвокатскую практику? Потому что хотел опробовать крылья, узнать, как высоко ты можешь подняться, верно? Так же поступила и она. Почему Уитмор? А почему бы *не* Уитмор? Донна была красивой, милой, избалованной, ей все давалось легко. Но кое-что легко не могло даться. Ей нужно было принимать твердые решения, пострадать, повзрослеть. Я хотела помочь ей, но не могла, и никто не мог. Она была независимой, и я гордилась ею. Но тебе это все непонятно, так ведь?

— Да,— ответил он.— Непонятно. И непонятно, почему, приехав в Вашингтон, она не поставила тебя в известность. Или ты знала?

— Нет,— ответила Гвен.— Не знала.

Нортон встал и слегка пошатнулся.

— Мне надо идти.

Гвен поглядела на него.

— Остаться не хочешь?

Нортон засмеялся, но она его оборвала.

— Не ради *этого*, самодовольный болван. Спать с тобой — все равно, что с моим идиотом братом. Я просто не хочу, чтобы ты обнимал телефонный столб.

— Я не пьян,— ответил он.

— Что же ты намерен делать? Я имею в виду эту историю?

— Задавать вопросы, пока не получу ответов.

— Зачем тебе вмешиваться, Бен? Пусть этим занимается полиция.

— Полицию интересует одно, меня другое.— Он направился к двери, потом кое-что вспомнил.— Ты не знаешь, пила Донна сливовицу? Такой бесцветный напиток, как водка, бутылка стоит двенадцать долларов.

— А в чем дело?

— В доме была такая бутылка. Донна выходила из дома вечером и купила ее.

— Тебе сказал об этом тот сержант?

— Нет, я видел бутылку на баре. Сегодня я обошел несколько винных лавок и нашел парня, который продал Донне эту бутылку. Он запомнил Донну. Может, сержант тоже заглянет к нему.

Гвен встала, подошла к нему и взглянула в упор.

— Послушай, вот что я тебе скажу. Не болтай об этой бутылке по всему городу. Не знаю, многим ли это известно, но Донна говорила мне, и, кажется, я где-то встречала в печати. Сливовица наряду с рубашками Ганта, фильмами Богарта и книгами Марка Твена истинное пристрастие твоего друга Чака Уитмора. Подумай об этом по пути домой.

Нортон думал об этом до самого дома и почти всю ночь.

6

Нортон не бывал в Белом доме несколько лет и вновь был взволнован его простой величавостью. Не как средоточием власти — власть ощущаешь, идя по длинным, голым коридорам Пентагона,— а красотой здания, его историей. Здесь могли селиться последние сукины дети, как и случалось не раз, но старый особняк становился лишь все безмятежнее, зная, что они уйдут, а он останется.

Такие сентиментальные мысли роились в голове Нортона, когда он вошел в Западное крыло, но подойдя к кабинету Мерфи, он отогнал их, зная, что входить к Мерфи в сентиментальном настроении нельзя. Мерфи тоже был сукин сын (но *наш* сукин сын, говорили его защитники), единственной его страстью в жизни было содействие интересам Чарлза Уитмора. Даже попасть к нему в кабинет было знаком особого расположения. Нортон позвонил миссис Холл, седовласой, похожей на бабушку секретарше Мерфи, она справилась у Нортона, здоров ли он, не женился ли и тут же назначила время встречи, даже не спросив о сути дела. Все оказалось так легко, что, несмотря на подозрительность, Нортон был польщен.

Миссис Холл приветствовала Нортона, словно давно не виденного сына, сказала, что босс немедленно его примет, однако проводила в маленькую приемную. Нортон сел и, взяв свежий номер «Тайм», приготовился ждать первый час без жалоб. Спокойствие — это половина победы. Но едва прошло десять минут, ворвался Ник Гальяно.

— Бен, черт тебя побери, как жизнь, старина?— зарычал он и так стиснул Нортона в объятиях, что у него перехватило дыхание.

Нортон высвободился и попытался изобразить, что рад встрече. Он всегда ладил с Ником — а находясь в мире Уитмора, ладить с ним следовало,— хотя недолюбливал его и не доверял ему. Трудно сказать отчего, но Ник был там самым приветливым. В политику он не лез и был доволен своим положением придворного шута, партнера в гольфе, собутыльника и, может быть, постоянного напоминателя о бурном прошлом Уитмора.

— Как жизнь?— повторил Нортон.— Все в порядке, Ник. Вернее, было в порядке, пока история с Донной не пришибла меня.

Простоватое лицо Ника помрачнело.

— Она пришибла нас всех, Бен,— сказал он.— Придавила будто тонна кирпичей. Я ни разу не видел босса таким потрясенным. Говорит, что если б ему добраться до убийцы...— Ник умолк и, казалось, овладел собой.— Ты к Эду?

— К нему.

— Что, собираешься опять работать у босса?

— Нет, нет, Ник, хочу поговорить с Эдом о Донне. Я думал, что если мы сравним наблюдения, то может кое-что прояснится.

Ник подошел вплотную к Нортону и негромко сказал доверительным тоном:

— Знаешь, кто это, а?

Нортон был поражен.

— Нет, не знаю.

— Какой-нибудь черномазый,— злобно сказал Ник.— Ходят по улицам, будто хозяева, высматривают, какой бы дом ограбить. И если ты окажешься дома, тем хуже для тебя. Знаешь, что я хочу сделать?

— Что?

— Буду наблюдать за тем домом. Просто крутиться поблизости. Я уверен, что этот гад должен вернуться. Они всегда возвращаются. А когда явится, я выколочу из него правду.

Такая горячность насторожила Нортона. Он не думал, что решением проблемы окажется Ник Гальяно, избивающий негров на Вольта-плейс. Но слова Ника не всегда следовало принимать всерьез.

— Бен, мистер Мерфи ждет,— объявила с порога миссис Холл.

Ник Гальяно внезапно стиснул руку Нортона.

— Давай держаться вместе, дружище,— сказал он.— Идет?

— Конечно, Ник,— ответил Нортон; он не знал, на что соглашался, но знал, что с Ником лучше соглашаться. Потом пошел за миссис Холл к кабинету Мерфи. «Приближаюсь на один шаг к трону»,— подумал он.

Мерфи не улыбнулся навстречу, правда, Нортон за все годы знакомства видел его улыбку лишь раз, когда сенатор — соперник Уитмора сломал на лыжне обе ноги.

— Садись, Бен,— сказал Мерфи, в его устах это было сердечным приветствием.— Все еще работаешь в фирме Стоуна?

— Да,— сказал Нортон.

— Хитрющий он тип.

— Фирма у него хорошая,— неуверенно запротестовал Нортон.— Если все пойдет гладко...

— Переходи к нам,— перебил его Мерфи.— Могу подыскать место.

Предложение застигло Нортона врасплох; сразу же вернулись прежние искушения, соблазн

власти, почти неодолимое желание подняться на вершину. Что мог предложить ему Мерфи? Должность помощника министра юстиции? Особого советника президента? Мысли его заметались: потрудись хорошенько при первой администрации, и кто знает, какая награда ждет тебя при второй? Может, даже удастся стать членом кабинета?

Нортон спохватился, вспомнил, зачем он здесь, и отбросил фантазии.

— Мне не нужна работа, Эд. Я хотел поговорить с тобой о Донне. Случай совсем непонятный. Я думал, ты сможешь ответить на несколько вопросов.

Мерфи отхлебнул кофе, не сводя с Нортона глаз.

— Случай ужасный,— сказал он.— Босс рвет и мечет. Да и все мы. Я поручил одному парню следить за ходом расследования. Может, тебе поговорить с ним?

Нортон понял, что близится конец разговора. Если не взяться за дело всерьез, Мерфи выставит его через полминуты.

— Минутку, Эд. Кое-что я хочу спросить у тебя.

— Спрашивай.

— Что делала Донна в Вашингтоне? И почему остановилась в доме Филдса?

— Что делала в Вашингтоне, не знаю. А кто говорит, что этот дом принадлежит Филдсу?

— Я узнал из надежного источника, что Филдс либо купил этот дом, либо снимает.

Мерфи нахмурился в подтверждение.

— Мы тоже слышали это. Но зачем она приезжала, я не знаю. Спроси у Филдса.

— Ты не говорил с ним?

— С какой стати? Смазливый актеришка, крутился здесь во время избирательной кампании. Меня не интересует, кому он сдает свои дома.

— Эд, обращалась к тебе Донна насчет работы? Не ради этого она приехала?

— Нет.

— Давно ты видел ее в последний раз?

Мерфи сделал вид, что задумался.

— Она оставила нас перед самым съездом, так? В начале июля? Мы устроили ей прощальную вечеринку. С тех пор я ее не видел.

Нортон был ошеломлен не столько ложью, сколько ее легкостью.

— Эд, один человек сказал мне, что на прошлой неделе видел тебя с Донной в Джорджтауне.

— Кто он?

— Неважно.

— Кто бы он ни был, это ложь.

— Это Фил Росс. Зачем ему лгать?

— Он ошибся. Обознался.

Нортон сомневался в этом. Но ему хотелось задать еще один вопрос, пока была такая возможность.

— Эд, а давно он виделся с ней? — Машинально Нортон указал большим пальцем на соседний кабинет.

— Босс? Как и я, на прощальной вечеринке.

— То есть он порвал с ней отношения и они больше не виделись, так?

— Какие отношения? О чем ты говоришь?

— Эд, у них была связь примерно с рождества и до конца весны. Я знаю. Не нужно водить меня за нос.

— Ничего ты не знаешь, приятель. У тебя слишком живое воображение.

— Эд, я жил с ней. Она сказала мне.

— Значит, у нее было слишком живое воображение.

Нортон вскочил.

— Слушай, ты, гад...

Мерфи тоже вскочил, они сверкали друг на друга глазами через стол.

— Слушай, ты, приятель. Она дала тебе отставку, так? И, может, ей был нужен предлог, чтобы полегче отделаться от тебя. Может, она влюбилась в него и нафантазировала. Но никакой связи у них не было. Господи, человек пробивается в президенты. Думаешь, тут до любовных интрижек?

— Эд, кое-кому Донна говорила то же, что и мне.

— Кому?

— Неважно.

— Ну что ж, Донна дважды рассказала свою выдумку. От этого она не стала правдивей.

— Не верю, Эд. Фил Росс обознался. Донна все выдумала. Один ты говоришь правду.

Эд Мерфи снова сел в кресло и закурил дешевую сигару.

— Садись, Бен. Успокойся. Никаких проблем у нас нет. Ну ладно, предположим, что Донна одно время путалась с боссом, предположим, на прошлой неделе мы говорили с ней о работе или о чем-то еще. Ну и что из того? Она приезжает сюда, живет в доме Филдса, какой-то гад вламывается и убивает ее. Да, это ужасно, но в Вашингтоне такое случается ежедневно. Полиция занимается этим делом вплотную. Убийцу найдут, и он получит свое. Это я тебе обещаю. Так зачем собирать слухи о том, что могло быть давным-давно? Ты лишь создаешь проблемы, которые никому не нужны.

Нортон вспомнил о сливовице. Донна выходила из дома специально за ней. Гвен сказала, что это любимый напиток Уитмора. Разве нельзя предположить, что Донна ждала его в тот вечер, когда была убита? Или хотя бы надеялась, что он приедет? Нортону захотелось спросить, где был в тот вечер Уитмор, но язык не повиновался ему. Он знал, что Мерфи легко опровергнет его догадку. Мало ли людей пьют сливовицу? Может, Донна собиралась послать бутылку в подарок Уитмору? Или, может, он сам морочит себе голову, выдумывает невесть что? Нортон не знал. Он знал только, что блефовать с Эдом Мерфи нельзя; нужно сперва собрать факты, а потом вести игру на равных.

— В этой истории у нас общие интересы, Бен,— сказал Мерфи.— Мы оба хотим, чтобы убийцу нашли. Я знаю, ты был потрясен. Только не надо метаться сразу во все стороны. Я прав?

— Видимо, да, Эд.

— Молодчина,— сказал Мерфи.— Посиди, я познакомлю тебя с одним человеком.

Он нажал кнопку на столе, дверь почти тут же отворилась, и вошел человек примерно одних лет с Нортоном.

— Клэй Макнейр, Бен Нортон,— представил их Мерфи.— Бен работал у нас. Он был другом Донны Хендрикс. Введи его в курс дела.

— Непременно, Эд,— сказал Макнейр, подошел к Нортону, крепко пожал ему руку и помальчишечьи улыбнулся.

Клэй Макнейр был ростом с Нортона, но более подтянутым, спортивным. На нем был костюм в тонкую полоску, голубая рубашка, яркий галстук, черные, блестящие, как зеркало, туфли и перстень студенческого братства с выгравированной золотом на камне эмблемой. Нортону показалось, что он уже где-то встречался с ним, но не мог припомнить где.

— Эд, нам спуститься ко мне?— спросил Макнейр.

— Нет, оставайтесь тут,— сказал Мерфи.— Я ненадолго выйду. Если хотите, идите на воздух.

Мерфи вышел, и Макнейр открыл дверь на веранду, выходящую на южный газон.

— Играл когда-нибудь на кортах Белого дома?— спросил Макнейр.

— Нет еще.

— Позвони как-нибудь мне. Обычно они свободны. Наверно, после игры можно будет приятно отдохнуть. Садись, Бен. Слушай, у меня такое чувство, будто мы давно знакомы, о тебе очень многие говорят и жалеют, что ты не с нами.

Нортон решил, что Макнейр хитрюга, мошенник.

— А ты сам давно здесь?

— Эд взял меня сразу же после вступления президента в должность. Поручил мне предварительное планирование для средств информации. И наваливает кучу особых поручений.— Молодой человек открыто улыбнулся.— Сам знаешь эти дела.

— А чем ты занимался до этого?

— Корпоративное управление, главным образом в торговле. Наша фирма работала на избирательную кампанию, там я и познакомился с Эдом.

— Нравится тебе работать под его началом?

Макнейр снова усмехнулся.

— Иногда он бывает крут. Но как я мог отказаться. Я хочу сказать, что работа в Белом доме окажется полезной мне в будущем, так ведь?

— Да, конечно,— ответил Нортон. Ему хотелось презирать этого дружелюбного болвана за то, что он использует Белый дом как ступеньку карьеры, но эта игра велась так. Он сам играл в нее.

— Так вот, Эд поручил мне ввести тебя в курс дела,— оживленно сказал Макнейр.— Начну с того, что я почти ежечасно созваниваюсь с полицией округа Колумбия. Им поручено немедленно сообщать мне все, что удалось выяснить.

— Что же они выяснили?

— Пока что очень мало. Нашли лавку, где Донна что-то покупала в тот вечер. Разыскали уборщицу и дворника, сейчас их допрашивают.

— Узнали, кому принадлежит этот дом?

— Тут у них загвоздка,— сказал, нахмурясь, Макнейр.

Нортон в изумлении глянул на него. Эд Мерфи знал, кто владелец дома — он сам только что сказал об этом,— так откуда же у полиции «загвоздка»? И решил, что этот энергичный молодой человек знает гораздо меньше Эда. Стало быть, игра ведется на нескольких уровнях.

— Как отпечатки пальцев?

— При первом осмотре ничего не нашли. Сегодня проведут еще один.

— Навели справки в аэропортах, когда она прилетела и откуда?

Макнейр наморщил лоб.

— Об этом не упоминали.

— Может, есть смысл намекнуть им?

— Отличная мысль,— сказал Макнейр и что-то записал в маленький блокнот.— Это все, что можно сказать о расследовании, еще добавить, что вести они его будут всеми силами. Рассказать о погребальных приготовлениях?

— О них я могу узнать сам,— сказал Нортон.

Макнейр, казалось, обиделся.

— Послушай, Бен,— сказал он, подавшись вперед, выражение его лица было серьезным.— Я не был знаком с Донной, но, судя по тому, что о ней говорят, она была прекрасной девочкой.

— Приятель, если б ты назвал ее так, она бы плюнула тебе в глаза.

— Не обижайся. Я имел в виду прекрасная личность. Вот почему я так доволен этим поручением. Эд попросил организовать что-нибудь в память о Донне. И, между нами, кажется, это исходит непосредственно от босса. Я собираюсь учредить в ее честь какую-нибудь внутреннюю программу. Например, ежегодно брать из Капитолия пятерых девочек... молодых женщин для работы здесь.

— Для какой работы?

— Ну, это, так сказать, в воздухе.

— Раз это в память о Донне, то работа должна быть хорошей. Не на роль прислуги.

— Отличная мысль,— сказал Макнейр.— Прямо в точку.

Нортону претила эта бессмыслица. Донна погибла, и какой-то приспособленец по указке Эда Мерфи придумывает, как почтить ее память. Этому болвану наплевать на Донну; если б Эд Мерфи велел ему, он бы устроил артиллерийский салют по любимой канарейке Уитмора.

Мерфи вышел на веранду.

— Вы уже закончили?

— Да, Эд. Бен подал мне прекрасную мысль.

— Держите друг с другом связь,— сказал Мерфи.— Сообщай Бену все, что ему потребуется.

— Ясно,— четким голосом ответил Макнейр.— Еще поговорим, Бен. Не забывай о партии в теннис.

Он торопливо пожал Нортону руку, дружелюбно помахал и ушел.

— Это твой новый подручный?— спросил Нортон.

— Он не так глуп, как кажется,— ответил Мерфи.— Что ты о нем скажешь?

— Напоминает ребят, с которыми я учился в колледже,— сказал Нортон.

— У него много толковых мыслей,— заметил Мерфи. Зазвонил телефон, и они оба вернулись в кабинет.

— Эд, я пойду.

— Подожди. Может, это тебя.— Он взял трубку, немного послушал, потом передал Нортону. Нортон покорно взял ее, внезапно испугавшись, что это президент собирается его утешать. Погладить, как изысканно выражалась одна прежняя администрация.

— Алло?

— Бен, это Фил Росс.

— Да?

— Бен, слушай, я, кажется, ошибся насчет того лимузина. Было похоже, что там Мерфи и Хендрикс, но я видел их лишь мельком.

— Вчера ты был совершенно уверен.

— Сам знаешь, стоит чуть подпить, и становишься уверен во всем. Но теперь я не уверен, что это были они. Ты меня понял?

— Да, конечно,— сказал Нортон и передал трубку Мерфи.— Ты не теряешь времени, Эд.

— Люди могут ошибаться,— сказал Мерфи, пожав плечами.— Бен, мы с тобой союзники, имей это в виду.

— Ладно, Эд. Я пошел. Спасибо, что принял.

— Никаких проблем, Бен. Приму в любое время. И помни, что я сказал о работе.

— Да, конечно, Эд,— ответил Нортон и, ошеломленный, неуверенно вышел из кабинета. Лишь оказавшись снова на Пенсильвания-авеню, снова в реальном мире, он стал думать, что Мерфи хитрил с ним.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

ПО ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫМ ПОДСЧЕТАМ, ПЕРЕДАЧУ «ЧТО! ГДЕ! КОГДА!» СМОТРИТ ПОЧТИ ПОЛОВИНА ВСЕХ ТЕЛЕЗРИТЕЛЕЙ СТРАНЫ. ПОСЛЕ КАЖДОГО ВЫХОДА В ЭФИР НА ТЕЛЕВИДЕНИЕ ПРИХОДИТ ДО СТА ТЫСЯЧ ПИСЕМ. И ВСЕГДА В НИХ МНОГО ВОПРОСОВ: КАК ДЕЛАЕТСЯ ПЕРЕДАЧА, ЧТО БУДЕТ В НЕЙ НОВОГО! СЕЙЧАС, ПРАВДА, В ПОЧТЕ ПОЯВИЛИСЬ ТРЕВОЖНЫЕ НОТЫ: КАК ПОМОЧЬ КЛУБУ! ДЕЛО В ТОМ, ЧТО МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР МГК ВЛКСМ ПО ОРГАНИЗАЦИИ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ МОЛОДЕЖИ, ГДЕ ПРИЮТИЛИ «ЗНАТОКОВ», КОГДА ТЕ БЫЛИ ЕЩЕ СКРОМНЫМИ НАЧИНАЮЩИМИ, В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕУМЕРЕННОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ НАХОДИТСЯ В АВАРИЙНОМ СОСТОЯНИИ... ОТЧАЯННОЕ ПИСЬМО РЕЖИССЕРА ПЕРЕДАЧИ В. ВОРОШИЛОВА В «ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ» ОБЪЯСНИМО. СРЫВАЕТСЯ ВЫХОД ПЕРЕДАЧИ.

ДА И СРЕДСТВ В ТЕХНИЧЕСКОЕ ОСНАЩЕНИЕ ЗДАНИЯ ВЛОЖЕНО НЕМАЛО. НО И РУКОВОДСТВО ЦЕНТРА МОЖНО ПОНЯТЬ — ГОСТИ ПОСТЕПЕННО ВЫТЕСНИЛИ ХОЗЯЕВ ИЗ УЮТНОГО ДОМИКА НА УЛИЦЕ ГЕРЦЕНА, КОТОРЫЙ БЫЛ ЛЮБОВНО ОТРЕМОНТИРОВАН КОМСОМОЛЬЦАМИ, МЕЧТАВШИМИ ИМЕТЬ НАСТОЯЩИЙ «ПОЛИГОН» ДЛЯ РАЗРАБОТКИ НОВЫХ ФОРМ МОЛОДЕЖНОГО ДОСУГА. В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОПУЛЯРНОЙ ПЕРЕДАЧИ НЕОБХОДИМО РЕШАТЬ БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНО: ГЛАВНОЕ, ЧТОБЫ СОХРАНИЛАСЬ ТА ОСОБАЯ АТМОСФЕРА КЛУБА «ЧТО! ГДЕ! КОГДА!». ЕСЛИ НУЖНА ПОМОЩЬ — НАЙДУТСЯ ДОБРОВОЛЬНЫЕ ПОМОЩНИКИ, КИНЬТЕ ТОЛЬКО КЛИЧ! ВЕДЬ УЖЕ БОЛЬШЕ ТРЕХ МЕСЯЦЕВ НЕТ НА НАШИХ ЭКРАНАХ ПЕРЕДАЧИ, КОТОРУЮ ДЕЛАЛИ УВЛЕЧЕННЫЕ, ТАЛАНТЛИВЫЕ ЛЮДИ. А ДЕЛАЛИ ТАК...

МИНУТА НА РАЗМЫШЛЕНИЕ, или ГДЕ НАЙТИ РОБЕРТА ХИРСТА?

Валерий КРАСНОВСКИЙ, фото Георгия КАЗАРИНОВА

Помните?

...Весь клуб с надеждой смотрит на Сергея Ильина: что он ответит? В полнейшей тишине с его губ срывается: «Ре-вень», — и уже на втором слоге, поняв всю абсурдность ответа, он поднимает ладони к лицу. Все еще молчат, не сознавая случившегося, но Сергей уже закрыл глаза — от вот-вот последующих укоризненных взглядов команды. Наваждение оставило на этот раз знатоков без победы...

...Одна за одной различные версии выбрасываются на стол, отметаются, рождаются новые в поисках абсолютно точной, в которую веришь не только умом, но и сердцем. К концу минуты ни в одной из них уверенности так и нет. Но отвечает Нурали Латыпов. Неожиданным озарением звучит даже не предложенное в эту минуту, но абсолютно верное: «Яма»! Без реплики ведущего всем ясно — это победа!..

Всего два эпизода из соперничества телезрителей со знатоками. А сколько еще разочарований и удач, горечи поражений и радости побед, смеха отгадавшего и уныния побежденного — сколько всевозможных эмоций за минувшие годы подарил нам неугомонный волчок.

ИЗ ПИСЕМ ТЕЛЕЗРИТЕЛЕЙ. «Часто со страхом думаем, если настанет такой момент, что передача прекратит свое существование, мы просто потеряем частицу своего сердца». Семья Куликовских, г. Баку.

«Рвал телефон, прорывался, чтобы позвонить, помочь, сказать, а возможности не было. Так можно и до инфаркта дойти от своей беспомощности перед связью». В. Киракосян, г. Ленинакан.

Вот такие искренние, сердитые, а порой и противоречивые письма приносит почта в адрес передачи молодежной редакции Центрального телевидения «Что? Где? Когда?». Какие бы дела ни занимали каждого из нас, стоит в квартиры ворваться музыке Рихарда Штрауса и интригующе подмигнуть сове, как все мы — многомиллионный отряд телезрителей — спешим к экранам, чтобы снова окунуться в атмосферу документального спектакля. Именно так определил характер передачи в своей книге «Феномен игры» ее постоянный ведущий и режиссер-постановщик Владимир Ворошилов.

С осени прошлого года воздействие передачи на телезрителей стало более эмоциональным: ее выход в прямой эфир подарил нам уже не зрелище, а общение. Многие из нас лишь тогда осознали весь драматизм передачи, когда поняли, что ребята бьются над ответом не где-то в своем клубе, а сейчас, перед миллионами сочувствующих глаз. И сколько напряжения, надежды, желания помочь кипело в каждом из нас во время финальной игры 1986 года, когда знатоки были на волоске от поражения!

Нужно сказать, что Ворошилов всегда ориентировался на эстетику прямого эфира, отстаивая первородные качества телевидения.

ИЗ ПИСЕМ ТЕЛЕЗРИТЕЛЕЙ. «Сегодня с огромным сожалением выключила телевизор — хотелось еще и еще побывать в атмосфере напряжения, шуток, неудач. Впервые было впечатление, что я такая же участница телевикторины, как все члены клуба». Т. Алексеева, г. Москва.

«Будьте смелее, не бойтесь накладок, рискуйте, дерзайте, и тогда будет больше уважения. Когда видишь, что тебя не стараются надуть, а держат в напряжении весь вечер, то по-настоящему переживаешь все перипетии экрана». Э. Петрушин, г. Ставрополь.

На наш вопрос накануне финальной игры: «Что самое трудное в передаче?» — Владимир Яковлевич не без горечи ответил:

— На одиннадцатом году существования самое трудное — увлечь творческую группу, чтобы ни у кого не угасал интерес к работе над передачей.

...Еще задолго до того, как шестер-

ка знатоков займет свои места за игровым столом, начинают кропотливую работу по подготовке к игре остальные создатели передачи: редакторы Н. Стеценко и В. Андреева, телевизионный режиссер Г. Жаринов, ассистент режиссера Т. Дмитракова, директорская группа С. Кордо и Е. Бялко, художники Т. Беляева и А. Жердев.

Сначала из тех порой ста тысяч писем, что приносит почта между двумя телевикторинами, отбираются для участия в конкурсе такие вопросы, что способны заставить отвечающих размышлять, сопоставлять, делать логические выкладки,— вопросы, имеющие нестандартные пути к ответу, содержащие информацию на стыке различных областей знаний. Необходима и «телегеничность» вопроса, чтобы его участие в игре могло сопровождаться уникальной фотографией, кинокадрами, каким-либо неожиданным предметом, редким растением, а то и животным. Но сколько ни пиши о критериях отбора, более понятными они станут, если привести как пример хотя бы один из принятых вопросов, к тому же еще и не игравший. Вопрос: «Как пасечник в период роения пчел заставляет тот или иной рой, готовый улететь с пасеки, вернуться в улей?»

Автор вопроса из Новосибирска утверждает, что ответ предельно прост: пчелы боятся грозы, так как она предвестник дождя, который лишит их возможности летать. Поэтому, чтобы усмирить рой, нужно просто-напросто выстрелить из ружья, что будет для пчел хуже грома.

Уверен, что знатоки не дали бы правильного ответа, если бы специалисты кафедры пчеловодства Тимирязевской академии не поставили под сомнение чуткость слуха у пчел. Они авторитетно заявили, что пчелы действительно боятся дождя, но узнают о нем с помощью своих биологических «датчиков», которые реагируют на повышение или понижение влажности воздуха. Так что этот вопрос не прошел проверки на точность информации, а ее не минует ни одно письмо, принятое на конкурс. И здесь подключается к работе солидный отряд консультантов в различных областях знаний.

Правильность той или иной информации подтверждали Архив Академии наук СССР, Государственная библиотека имени В. И. Ленина, Институт Арктики и Антарктики, Музей музыкальной культуры имени Глинки, Госавтоинспекция, лаборатория ихтиологии МГУ, Пушкинский Дом, Комитет по метеоритам, НИИ общественного питания, Спорткомитет СССР, Институт США и Канады и многие другие организации, ведомства. Судите сами, насколько широк информационный охват передачи. А однажды даже пришлось обратиться к международной связи:

— Алло. Останкино? Роберта Хирста нет в Калифорнии, ищите в Нью-Йорке.

— Алло. Останкино? Роберта Хирста нет в Нью-Йорке, он во Флориде.

— Алло. Останкино? Роберта Хирста нет во Флориде, выехал в Денвер.

Лишь на второй день профессору Института мировой литературы имени Горького Д. Урнову удалось разыскать профессора университета города Беркли, штат Калифорния, Роберта Хирста. Лишь он, как заведующий мемориальной библиотекой Марка Твена, мог подтвердить, действительно ли этот популярный в СССР писатель изобрел блокнот с перфорацией. Такой вопрос прислала Светлана Рыжкова из Калининграда и, вы помните, выиграла очко у знатоков в финальной игре 1985 года.

После того, как консультанты передачи дадут тому или иному вопросу путевку в жизнь, начинается «гримирование для лучшей телегеничности» — определяются предметы, которые могут проиллюстрировать его в игре. А чтобы достать тот или иной из них, директору и администратору передачи порой приходится вести настоящий розыск.

Так, пятикилограммовая чугунная медаль «За пьянство» была найдена в запасниках Государственного Исторического музея; суворовский рубль, ставший первой солдатской медалью, «прилетел» из музея одного из городов Одесской области; уникальный сборник «Аониды», где Карамзин впервые применил букву «Ё», предоставила библиотека Государственного музея А. С. Пушкина.

Вопрос же о плодах кофе и какао не включали в игру, пока они не созрели в теплицах Ботанического сада, а хризантемы в начале марта отыскались только под Барнаулом, в одном из совхозов, специализирующихся на разведении этих цветов. Телезрители Чукотки прислали посох оленевода, а подкопенник — приспособление для перевозки сена — жители Читинской области. Бобер мужественно перенес перелет из Воронежского заповедника. Знакомый же всем по начальной заставке передачи Филя не раз приезжал с зообазы студии «Центрнаучфильм», но только не в игровые дни, поскольку он слишком «категоричен» в своих действиях. Его отдельно снимали на видеопленку.

А где только не заказывались кинововопросы! Их готовили собкор Гостелерадио в Монголии, операторы Анадырской студии телевидения, съемки проводились в Минске, Алма-Ате, Чите, Киеве, Оренбурге и во множестве других городов страны.

Пожалуй, читатель устал от перечислений, но именно они наиболее емко показывают, как велик географический, тематический, этнографический и организационный размах передачи. Поэтому, говоря о том, что телевикторину «Что? Где? Когда?» смотрит вся страна, нужно помнить, что и участвует в ее создании тоже вся страна: от калининградской школьницы до жителей Чукотки.

...Где находят знатоков? Помнится, десять лет назад, когда у меня через край выплескивалась энергия молодости, мы вместе с моими товарищами искренне завидовали игравшим. Ведь у них была счастливая возможность проверить себя: лишь на минуту мобилизовав весь свой резерв интеллектуальных и физических сил, суметь подняться над собой, а потом, откинувшись в кресле, с удовлетворением сознавать, как безграничны человеческие возможности! И как знатоки были похожи на нас — студентов семидесятых!

Но самой первой была семейная викторина. После телеигры «Ивановы против Кузнецовых» стало ясно, что только студенчество наиболее способно к мозговому штурму и не спасует в любой неожиданной ситуации. Научно доказано — чем старше человек, тем чаще он на неожиданный вопрос отвечает: «Не может быть!»

И вот в самый канун нового, 1975 года по общежитию МГУ мрачно ходили и настойчиво приставали к студентам, предлагая поиграть в шарады, редактор передачи Н. Стеценко и режиссер В. Ворошилов. От них отмахивались, прогоняли, смотрели как на полоумных, но все же стартовый состав был найден. Это третьекурсник физфака интеллигентный Сергей Царьков. В Московском химико-технологическом институте имени Менделеева отыскали Сергея Ершова, впоследствии одного из главных эрудитов клуба. Как член общества любителей книги пришел обаятельный Александр Седин. А уже 10 января 1975 года была записана первая игра, где выпадавшие вопросы красиво и правильно зачитывал Александр Масляков.

Шли годы, менялись правила. От той первой игры остались разве что только три приметы: стол, волчок и минута обсуждения. Александр Бялко, Андрей Каморин, Борис Еремин — это уже второе поколение клуба. Ну, а обладатели приза «Хрустальная сова» последних сезонов — Леонид Владимирский, Марина Говорушкина и Нурали Латыпов — представляют, пожалуй, уже четвертое поколение знатоков.

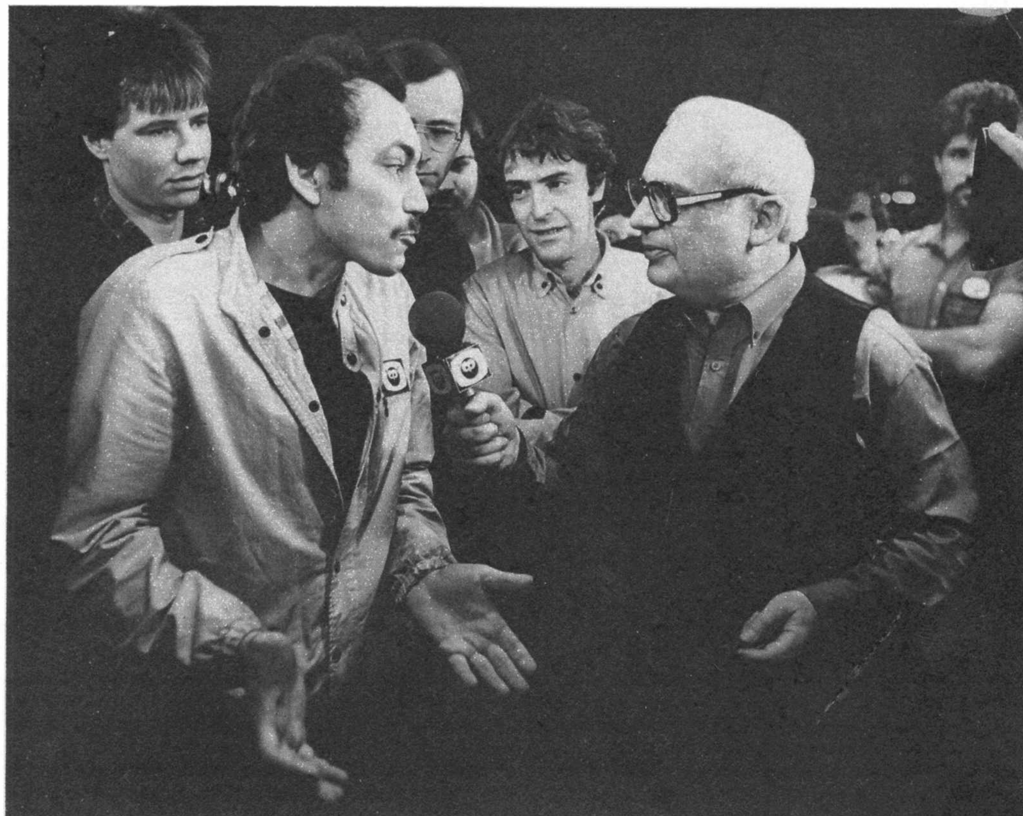
Миллионы людей знают имена, голоса, лица знатоков, их манеру мыслить и общаться. Когда в 1980 году зрителям объявили, что желающие могут получить фотографию победившей шестерки, то не ожидали, что придет более 100 тысяч писем! Выручил журнал «Телевидение и радиовещание», согласившийся публиковать на своих страницах фотографии команд. Многие знатоки стали популярнее эстрадных звезд. Порой доходит и до курьезов...

Как-то за подсказку во время игры был удален Александр Друзь. Через некоторое время, когда он гулял по улицам родного Ленинграда, одна из шедших навстречу бабушек воспитывала топающую рядом внучку:

— Вот, Танечка, станешь подсказывать, тебя тоже выведут из класса, как и этого дядю...

Ворошилов стремится «разбавить» звездный состав клуба. Сейчас в нем уже не 36, а 96 знатоков, живущих в различных городах страны. О том, кто ими может стать, мы попросили рассказать капитана команды новичков Александра Зуева:

— Любой желающий, но не старше 23 лет (здесь как раз и действует возрастной ценз, на котором давно настаивают многие зрители), может прислать заявку для прохождения отборочного тура. Так и сделали я, Юрий Белов и Всеволод Белкин еще в марте 1984 года. Дважды в год претенденты вызываются в Останкино, где в течение одного дня проходят серию испытаний, среди которых и обычная игра с тренировочными вопросами типа «Почему коровы любят пастись у железнодорожного полотна?». Те из новичков, кто проявит эрудицию, юмор, не побоится при поиске версий сказать глупость, кто способен нестандартно мыслить, принимаются в клуб. А уже перед началом каждого сезона, исходя из психологической совместимости, комплектуются шестерки.

Ведущий передачи В. Ворошилов интервьюирует «знатоков».

Чтобы за столом не было монотонности, стандартности в общении, мышлении, компонуют команду как палитру характеров, интеллектуальных уровней. В то же время пока ни один психолог не смог объяснить, что происходит за столом во время минуты обсуждения, по каким законам выстраивается та логическая цепь, ведущая к точному ответу.

ИЗ ПИСЕМ ТЕЛЕЗРИТЕЛЕЙ. «Демонстрируется методика формы изучения незнакомой или не очень знакомой проблемы. Пусть не так много нового мы узнаем из передачи, но все телезрители думают, размышляют, сравнивают свои знания и находчивость с этими же качествами знатоков. А они показывают нам процесс рождения знания из незнания. «Что? Где? Когда?» в отличие от других передач — неприглаженная, неотрепетированная передача. Знатоки не играют, а живут на экране. Я ярый болельщик футбола, но редкий футбольный матч волнует меня так же, как ваша телеигра». К. Васяков, г. Загорск.

Да, телеигра всякий раз вовлекает в активный мыслительный процесс любого сидящего у экрана. И нельзя не согласиться с утверждением телезрителей, что передача стала для многих народным университетом творческого мышления.

Но письма телезрителей не только оценивают, но и спорят, предлагают, спрашивают. Вот как создатели передачи ответили на некоторые, наиболее характерные:

— Твердо уверены, что вопросы должны предполагать средний, нормальный уровень знаний интеллигентного человека. И если вопрос оказывается очень сложным, мы отрываемся от аудитории. Знатокам-то интересно работать с ним, но массовый зритель не имеет реальных шансов решить вопрос, он настораживается, отвлекается. Если вопрос слишком легок, скучно становится знатокам.

Как в жизни, так и у нас в клубе есть ходячие энциклопедии, у которых работают в основном память, знания. Чтобы блокировать их лидерство, мы увлеклись закодированными вопросами на сообразительность, находчивость, логическое мышление. Пошел крен в другую сторону, стал ощущаться недостаток вопросов на эрудицию. Поэтому и приходится постоянно менять тактику, сидеть «на двух стульях».

Главный критерий, из которого мы исходим,— передача должна быть интересна всем независимо от возраста, профессии, образования, вкусов, ибо телевидение — искусство массовое.

ИЗ ПИСЕМ ТЕЛЕЗРИТЕЛЕЙ. «Включение в игру блицев низводит передачу до принципа: знаешь — ответил, не знаешь — нет. А ведь вся красота в творчестве, в том почти детективном сюжете, который разворачивается перед нами в течение минуты!» В. С. Дудкевич, г. Химки.

— Вот уже выработался стереотип восприятия передачи! Но то, что вы видите в «Что? Где? Когда?»,— это целый спектакль со своей завязкой, конфликтом, драматическими и комическими моментами, которые все время нужно развивать, искать новое. Это в театре по одной и той же пьесе можно сыграть 100-й, пусть даже 1000-й спектакль — зритель меняется. У нас же аудитория постоянная — вся страна.

И разве не внесли блицы подлинный драматизм в предновогоднюю игру, когда команда трижды, чтобы уйти от них, брала музыкальную паузу? Но все равно не избежала необходимости играть блиц, да притом при самом критическом счете — 5 : 5. Вот и не верь после этого в судьбу!..

Легкость, блеск эрудиции, смелость, с какими провела последний раунд команда, подарили всем телезрителям непередаваемые по эмоциональному воздействию минуты. Это был истинный взлет того интеллектуального вдохновения, которого мы с нетерпением ждем в каждой передаче.

ИЗ ПИСЕМ ТЕЛЕЗРИТЕЛЕЙ. «Хотелось бы в минуту обсуждения почаще видеть всех игроков клуба. Это позволит нам убедиться, что в обсуждении вопроса принимает участие только играющая команда». Т. Кондаков, г. Москва.

— Знаете, что мы больше всего репетируем накануне игры? Подсказку! Точнее, возможную ситуацию подсказки. Один из известных лишь нам статистов, которые стоят вокруг стола, во время обсуждения произносит: «Потому что мчащиеся поезда компенсируют коровам сенсорное голодание...» И операторы должны поймать этого человека в кадр.

На репетиции получается, а вот на игре, увы... И нельзя в этом винить операторов и звукорежиссера. Ведь именно они выполняют колоссальную работу, чтобы вести логику передачи, угадывая, на ком сейчас сосредоточатся события, где возникает решение или назревает провал. Если же в минуту обсуждения показывать не играющую шестерку, а членов клуба, то выхолащивается сама суть передачи.

ИЗ ПИСЕМ ТЕЛЕЗРИТЕЛЕЙ. «Знатоки чаще выигрывают, потому что имеют покровительство в лице единственного арбитра — ведущего. Притом клуб давно стал для них родным домом, а дома, как известно, и стены помогают, тем более что они состоят из тех же знатоков. Участники команды телезрителей появляются в клубе по великим праздникам». И. Шаулов, объединение «Мосжилремонт».

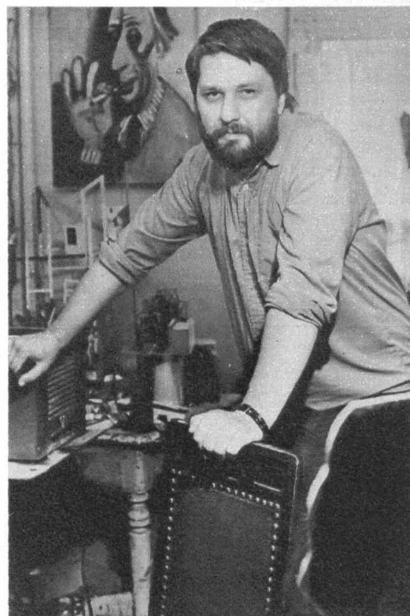
— Но все помнят, как на финальной игре 1986 года ведущего, наоборот, через «Справочное бюро» передачи упрекали в покровительстве телезрителям, которые действительно появляются в клубе только на Новый год.

Замечание о «живой стене» из знатоков подсказало еще одну идею. Ее реальное воплощение телезрители увидят в будущих передачах.

* * *

Идут и идут письма с вопросами, предложениями в адрес передачи «Что? Где? Когда?». Поступают и просьбы выслать значок клуба или волчок, без которого не состоится такая же игра в той или иной школе страны. Во Дворце студентов Днепропетровска, в Нагорно-Карабахском областном Доме работников просвещения, во Дворце культуры и спорта «Спектр» города Вологды, в Доме культуры Ташкентского авиационного производственного объединения имени В. П. Чкалова и в других городах страны созданы клубы «Что? Где? Когда?». В редкой газете не встретишь рубрику с таким названием.

Все говорит за то, что телевикторина «Что? Где? Когда?» давно стала приметой времени. Каждым своим выходом в эфир она продолжает унаследованную от Канта и Шиллера традицию, объясняющую суть культуры игрой, игрой человеческих возможностей. Ведь лишь в игровых формах поведения, подтверждают психологи, наиболее полно раскрывает себя человек.

ИВАН ЛУБЕННИКОВ.

Фото Льва МЕЛИХОВА

ЕДИНСТВО ДВУХ НАЧАЛ

Ольга КОЗЛОВА

Тот, кто был недавно на Таганке, не мог не заметить новое оформление фасадов старого здания театра. Знаю, оно сразу вызвало споры: «Как это не сочетается со строгой архитектурой!» Впрочем, в равной мере отчетлива и иная позиция: «Вполне в духе новаторского искусства театра».

Композиция на Таганке создана московским художником-монументалистом и живописцем Иваном Лубенниковым. Ему 35. Не так мало и для человека, и для художника — можно говорить о взгляде на мир, особенностях художественного почерка.

Московский художественный институт имени В. И. Сурикова Лубенников окончил десять лет назад. Вскоре после этого стал членом Союза художников. Учился в мастерской монументальной живописи, серьезно готовился к работе монументалиста с ее сложными и масштабными задачами. В его творческом «активе» такие значительные работы, как росписи конференц-зала комбината «Трехгорная мануфактура» и оформление советского раздела международного музея «Освенцим» (совместно с архитектором Александром Скоканом). А если вы были в Звенигороде, возможно, заметили, как ярко и радостно смотрится на скучной бетонной стене автовокзала живописно-объемное панно работы Ивана Лубенникова.

Уже пятнадцать лет Лубенников участвует в выставках и как живописец-станковист. Трудно сказать, какое «амплуа» — художника-монументалиста или живописца — более близко ему самому. И все же не оборачивается ли эта универсальность потерей качества в каком-то из видов искусства? Но думаю, что в случае с Лубенниковым можно говорить о равно серьезном отношении к этим двум началам. Более того, только в единстве эти две «половинки» позволяют понять художника — его модель мира, жизненную позицию. По признанию художника, более масштабные, если хотите, гражданские идеи он воплощает в монументальных работах, а камерные, личные чувства — в картинах. Он пишет то, что его привлекает, нравится, кажется важным «остановить» в этом быстро меняющемся мире и перенести на холст...

Посмотрим вместе на его картины. Большие, яркоцветные, притягивающие взгляд полотна: портрет близких художника; переулок близ Чистых прудов дождливым вечером; девушка, подростки в подъезде. Чем же привлекательны эти произведения?

Есть в его живописи чистота, свежесть, легкость. Вот сияет белизной фон, на скатерти — россыпь алых ягод и изысканно-сказочный, сплетенный из оттенков зеленого, охры, бурого, желтого букет... При всей простоте и безыскусности картины Ивана Лубенникова—результат сложной живописной разработки холста. Трудно бывает открыть для себя после многих художественных «искусов» нашего века эту простоту выражения, чтобы не снизиться до тривиальности и заставить зрителя поверить в искренность живописи...

Современное искусство часто отражает сдвиги и катаклизмы нашего времени, его неустойчивость и противоречивость. Взгляд Лубенникова на мир иной. Его образы, ясные и одновременно емкие, говорят о ценности обычных предметов, человеческих отношений, о красоте.

Существует стереотип такого рода: художник—человек ранимый, неуживчивый, неустроенный. Конечно, и у Ивана Лубенникова бывают неудачи и сомнения. Но в его личности прежде всего чувствуется цельность, творческая одержимость, упорство и уверенность.

Предоставим слово самому Ивану: «И у меня, как у всякого человека, есть проблемы—личные, творческие... Просто не считаю нужным выносить их «наружу». Разве не может быть искусство уже итогом преодоленных и осмысленных художником сложностей жизни?»

И. ЛУБЕННИКОВ. Род. 1951.
ВЕСНА.
1986.

ПОЭТ И МУЗЫ. 1986.

Но на одной проблеме Лубенников в разговоре все-таки остановится. Это судьба многих картин художников, наиболее интересно работающих в последние годы... Естественно видеть эти работы в музеях, если не столичных, то областных и городских. Но, странное дело, искусство последних десятилетий там представлено скудно — не только обычные зрители, но подчас и сами музейные работники имеют о нем минимальное представление. Итак, музеям нужны современные картины. Художники хотят видеть свои работы в наших музеях. А картины нередко уходят в коллекции Западной Европы или даже Японии, для нас безвозвратно. Такая участь уже постигла многие, знакомые нам по выставкам картины Т. Назаренко, О. Булгаковой, В. Калинина, Н. Нестеровой. «Когда передо мною встал выбор,— говорит Иван,— музей в Семипалатинске или Салон по экспорту — я выбрал все-таки первое. И думаю, так поступили бы многие мои собратья. Но сложность в том, что выбора часто не бывает — с каким трудом музейные работники «выходят» на художника и выбирают вещи для закупки, сколько сложностей с оценкой произведений, сколько недостатков в системе информации о современном искусстве...»

Итак, зарубежным коллекционерам наше искусство оказывается нужным, нам самим — не очень. Печальная констатация. Может быть, стоит обратить внимание на эту, мягко говоря, нелепость?

Грустное отступление возникло невольно вслед за мыслями художника. Хотя их не предугадать, они проявятся потом — в новых картинах, в новых образах...

НОЧНОЙ ГОРОД. 1986.

ЛЮБОВЬ И ДОБЛЕСТЬ

Римма КАЗАКОВА

●

Болезнь напоминает мне про годы.
Слепой мороз — не малахит травы.
Лишь у природы нет плохой погоды,
а молодость есть молодость,— увы!
А старость — это Рим, еще далекий,
высокий храм — или забвенья пасть...
В пути и отдыхая от дороги
я тороплюсь туда, не торопясь.
А зрелость — это все, что мне досталось,
мой случай — и веление судьбы,
несуетная первая усталость
от всех надежд, сомнений и борьбы.
А жизнь все чаще — лишь дыханье мига,
и безразличен выигранный бой...
Но есть еще — как счастье и как иго —
покамест не написанная книга,
пока что не нашедшая любовь.

●

Признаемся друг другу: мы остыли.
Мы в позах летаргических застыли,—
кто в неудобной, кто в удобной позе,
кто — в пятьдесят шестом, кто — много позже...
Как быстро
наше в нас
поизносилось!
Мы вбиты в клетку времени, как силос.
Здоровая любовь, протест здоровый
преобразились в интерес столовый.
Мы, пленники проблем ножа и вилки,
от тех проблем вселенских поотвыкли,
которые нам юность украшали
и дерзостью своей не устрашали.
И под часами с модною кукушкой
распластан свет звезды, почти потухшей,
пронзавшей быстротечными ночами
пространство любопытными лучами.
Она звездой
летящей
быть устала.
На празднике небесном отблистала.
Из фейерверка стала дымом пакли.
И лазеры-лучи, опав, обмякли.
И лишь одна в ней ноточка тоскует:
вот птичка из металла прокукует.
И — настежь дверь! —
и — в лес! —
там, распевая,
кукушка счет годам ведет — живая.
...Остыли мы, мы от себя отстали.
Пробей тревогу нам, птенец из стали,
душонок-кукушонок, неврастеник,
орунчик заводной часов настенных!
Давно уже, мечась, со счета сбившись,
штрихи кардиограммы сердце пишет,
сумбурно, с болью гонит смуту крови,
и только эта боль — его здоровье.
Пока оно еще стучит набатно,
все лучшее не канет невозвратно,
и этот стук, и этот гром глубинный,
как водопад —
на лопасти турбинной...
О, пусть опять закрутятся колеса!
И отпадет с остылых душ короста.
И станут вновь нужны любовь и доблесть.
И прыгну я на Сретенке в автобус,
и покачу,
счастливая,
куда-то,
в таких же, как и я, движеньем вжата...

1984.

●

«Все прошло,
все прошло!» —
бьет в виски неотступно.
Но душа не приемлет такого суда.
У меня нет того, что и всем
недоступно:
нет любви насовсем,
нет мечты навсегда.

Утешаюсь, открыв изумленно
однажды,
что дано мне смятение это, как всем.
Не прошло —
каждый день просыпаться от жажды
неугасшей мечты
и любви насовсем.

●

Начнем с нуля...
Сегодня и начнем.
Сегодня утром делаю зарядку,
на раны сердца наложу заплатку
и позабуду до поры о нем.

Начнем сегодня!
Грешен человек,
всю жизнь сегодня превращает
в завтра...
А если все переменить внезапно?
И бег на месте — это все же бег.

Здоровый сон,
рассветный холодок,
стакан воды,
прогулка быстрым шагом!
Нога с земным соприкоснется шаром,
расчерченным бессчетностью дорог.

Арбат — и Елисейские поля,
Бродвей и джунглей омут
чародейный...
Везде чего-то нет: успеха, денег,
любви...
Но можно все начать с нуля!

Начни с нуля!
Трудись и карауль
миг, что пошлет алмазы
вместо рубищ!
Начну с нуля.
...А вдруг меня ты любишь?
Как быть тогда?
Какой же это нуль?!.

●

Воздушные пути...
Жизнь, в общем, прожита.
Пока что не «прощай!» —
но все ж «прости!».
В ней, если что и выпало хорошего,—
и вы,
мои воздушные пути.

Лечу из предрождественского Лондона.
Все уже было, все, как мир, старо,
а я, как в бедной юности, голодная!
Под упаковкой — прежнее нутро.

Земля!
Огнями нежными посверкивай,
зови, тревожь сплетеньями дорог.
Так часто на тебя взираю сверху я,
а все ищу свой теплый уголок.

С годами все понятней, все дороже ты,
ясней, чем вправду надо дорожить.
Жизнь прожита — иллюзии не прожиты.
Все может быть, все еще может быть!

Меня страшит болтанка самолетная.
Я в грозном мирозданье так мала.
Я, как в далекой юности, голодная,
я жить как будто только начала.

Планировать смешно,
и можно ль вычислить,
что сбудется,
куда и как идти,
когда у сердца — этих бездн величие,
мой вечный путь, воздушные пути!

Еще не раз меня вы испытаете,
и мне уже без этого нельзя.
Вы столько лет мою судьбу питаете,
мою дорогу в небо вознося.

Парю, как ангел, в небе утешающем,
спокойная, бесплотная почти.
И понимаю: в теле есть душа еще,
есть вы,
мои воздушные пути!

Лондон — Москва,
декабрь 1986.

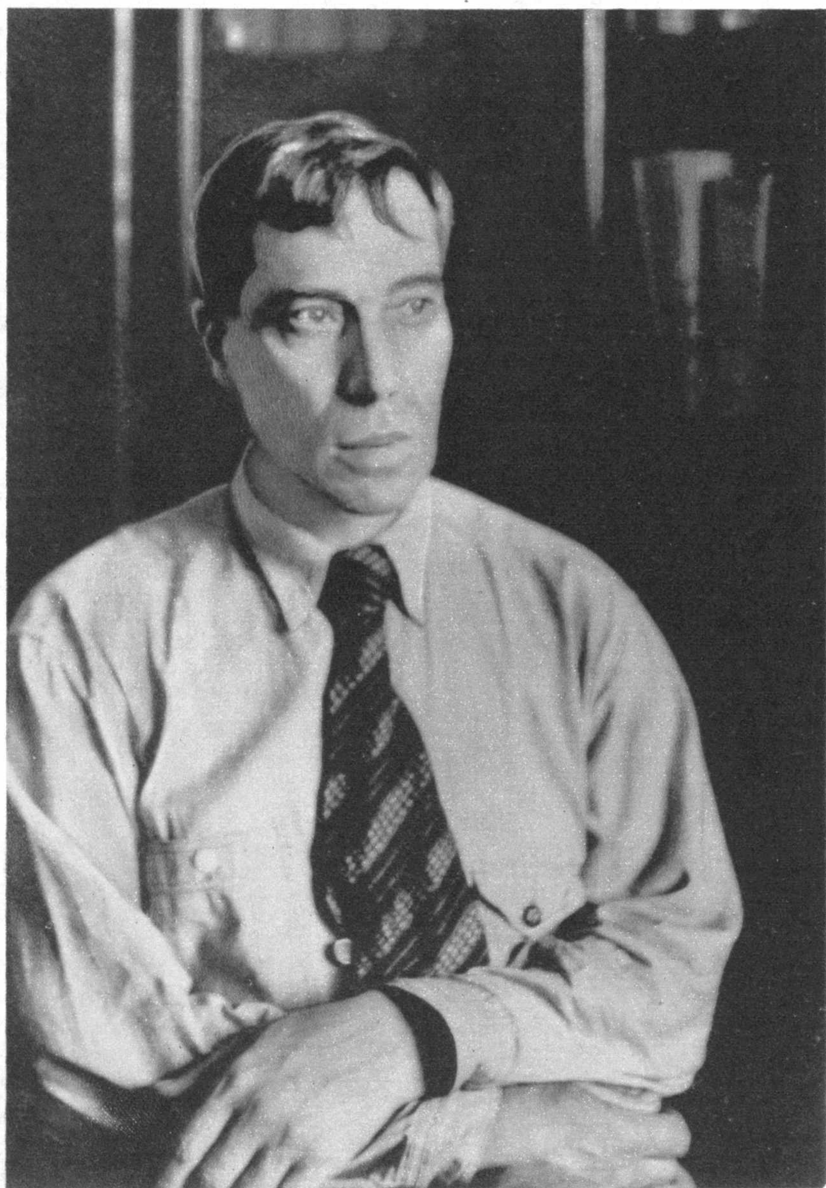
ПРЕМИЯ

Друг мой премией увенчан.
Счастлив: жизнь не зря прошла.
Мол, хоть человек не вечен,
вечные — его дела...

Но не всех она пленила,
а, скорей, наоборот.
Государство оценило,
да оценит ли народ?!.

●

Пусть — хоть так,
пусть — на немножко,
но — добилась,
но — победа!
Дорога к обеду ложка!
Дорога к обеду ложка...
Ложка есть,
да нет обеда.

Борис **ПАСТЕРНАК**,
лето 1948 г.
Фотография Л. В. Горнунга.
Публикуется впервые.

ЖИВЫМ И ТОЛЬКО ДО КОНЦА

БОЛЕЕ ТРИДЦАТИ ЛЕТ НАЗАД БОРИС ПАСТЕРНАК ОКОНЧИЛ РОМАН «ДОКТОР ЖИВАГО», КОТОРЫЙ ВСКОРЕ ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ ОПУБЛИКОВАТЬ У НАС В СТРАНЕ. В СВЯЗИ С ЭТИМ НОВЫЙ ИНТЕРЕС ВЫЗЫВАЮТ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА РАБОТЫ НАД РОМАНОМ, ОБСТАНОВКА ВОКРУГ НЕГО.

Пастернак стал писать это произведение, подготовленное всем его жизненным и художественным опытом, после победы в Великой Отечественной войне, когда, по его словам, «победил весь народ, всеми своими слоями, и радостями, и горестями, и мечтами, и мыслями. Победило разнообразье... Дух широты и всеобщности начинает проникать деятельность всех. Его действие сказывается и на наших скромных занятиях».

Послевоенный период вопреки ожиданиям стал, как известно, временем крайней административной и идеологической жесткости. Это сказалось и в творческой биографии Пастернака. Маленький томик избранных стихотворений, вышедший к исходу 1945 года, оказался последним прижизненным авторским изданием. Пастернак вынужден был зарабатывать переводами, что на десять лет растянуло его работу над романом.

Первые из публикуемых писем адресованы Ольге Михайловне Фрейденберг, его двоюродной сестре. Она пережила блокаду Ленинграда и осталась одна после смерти матери. Профессор античной литературы, заведующий кафедрой Ленинградского университета, она создала тогда свои лучшие научные работы. Ее переписка с Пастернаком была для них обоих душевной опорой в эти горькие времена.

К новому, 1946 году Пастернак писал ей:

«Оля, Оля, Оля, что же это такое, когда это кончится? Я не пишу тебе, потому что мне некогда. Но это меня гонит не жизнь, не ее трудности, а менее благородные и, наверное, более смешные мотивы. Теперь, когда это недоразуменье насчет меня и скандал так укореняются, мне действительно хочется стать человеком! Я глупейшим образом надеюсь исправить и оправдать все эти недомолвки и недоделки. Мне в первый раз в жизни хочется написать что-то взаправду настоящее. Ах, Оля, ты не представляешь себе, в каком непомерном долгу я перед жизнью, как щедра и милостива она ко мне. Но как мало времени, как много надо нагнать и наверстать!

Ты и Шура должны долго жить и быть где-то рядом. Я даже не представляю себе, что бы я мог такое отделить от себя и переслать тебе, чтобы тебе не было так одиноко! Ты должна была бы все же побывать у нас и тогда или бы осталась, или что-то бы с собою увезла, отчего бы тебе стало светлее и лучше, потому что мне ведь очень легко (ликующе легко, а не материально) и незаслуженно хорошо! Ты прости, ты еще чего доброго не поймешь и обидишься, или воспримешь это, как волну ослепленного, оскорбительно-участливого хвастовства и важничанья!! Какое несчастие! Как мне объяснить тебе это все и, главное, второпях? Обнимаю, обнимаю тебя. Устрой так, подготовь, чтобы лето, если бог даст мы будем живы, нам быть вместе.

В моей жизни сейчас больше нет никакой грыжи, никакого ущемленья. Я вдруг стал страшно свободен. Вокруг меня все страшно свое. Эта атмосфера особенно велика бывает на даче, летом. У нас живут Асмусы, Шура с Ириной, бывал Женя. Его командируют в Ленинград, и он зайдет к тебе».

Дальше шла приписка Зинаиды Николаевны Пастернак с приглашением приехать летом в Переделкино. В письме упоминаются Александр Леонидович Пастернак (Шура), его жена Ирина Николаевна, семья профессора истории философии В. Ф. Асмуса и старший сын Евгений Пастернак. Август 1946 года запомнился печально известным постановлением «О журналах «Звезда» и «Ленинград». В ответном письме О. Фрейденберг, характеризуя обстановку научной работы в университете, напомнила ему слова Треплева из чеховской «Чайки»: «Вы, рутинеры, захватили первенство в искусстве и считаете законным и настоящим лишь то, что делаете вы сами, а остальное вы гнетете и душите!»

«5 октября 1946

Дорогая Оля!

Как твои дела и здоровье? У меня и у Зины летом была некоторая, хотя и слабая надежда, что ты приедешь. У нас все время было много народа. Шура с Ириной, разная молодежь, и мы все время берегли для тебя то комнату, то верхнюю стеклянную террасу.

Прости, что я не писал тебе. Я с чрезвычайною, редкою удачей работал в последнее время, особенно весной и летом. Мне надо было к собранию пяти моих шекспировских переводов написать вступительную статью, и я не верил, что я это одолею. Удивительным образом это удалось. Я на тридцати страницах сумел сказать, что хотел о поэзии вообще, о стиле Шекспира, о каждой из пяти переведенных пьес и по некоторым вопросам, связанным с Шекспиром: о состоянии тогдашнего образования, о достоверности Шекспировской биографии. Экземпляр статьи есть в злополучной вашей «Звезде» или «Ленинграде» (то есть в их редакциях) у Саянова или Лихарева, если у тебя есть общие знакомые, достань ее, пожалуйста. Мне хотелось бы, чтобы ты ее прочла,— хотя с таким же пожеланием я уже обратился к Ахматовой и Ольге Берггольц.

А с июля месяца я начал писать роман в прозе «Мальчики и девочки», который в десяти главах должен охватить сорокалетие 1902—1946 годов, и с большим увлечением написал четверть всего задуманного или пятую его часть. Это все очень серьезные работы. Я уже стар, скоро, может быть, умру, и нельзя до бесконечности откладывать свободного выражения настоящих своих мыслей. Занятия этого года — первые шаги на этом пути,— и они необычайны. Нельзя без конца и в тридцать, и в сорок, и в пятьдесят шесть жить тем, чем живет восьмилетний ребенок: пассивными признаками твоих способностей и хорошим отношением окружающих к тебе,— а вся жизнь прошла по этой вынужденно сдержанной программе.

Сначала все это «ныне происходящее» в моей собственной части ни капельки не тронуло меня. Я сидел в Переделкине и увлеченно работал над третьей главой моей эпопеи.

Но вот все чаще из города стала Зина возвращаться черною, несчастною, страдающей и постаревшею из чувства уязвленной гордости за меня, и только таким образом эти неприятности, в виде боли за нее, нашли ко мне дорогу. На несколько дней в конце сентября наши дни и будущее (главным образом в материальной форме) омрачились. Мы переехали в город в неизвестности насчет того, как сложится год с этой стороны. Но сейчас я думаю, что все наладится. Ко мне полностью вернулось чувство счастья и живейшая вера в него, которые переполняют меня весь последний год. И перед возобновлением прерванной работы (я решил сегодня снова засесть за нее) мне хотелось, пока у меня есть время, дать тебе весть о нас всех.

Наверное, эта «кампания» бьет и по тебе, и твои неприятности усилились! Как это все старо и глупо и надоело! Ты тогда очень хорошо процитировала выкрики Треплева из Чайки.

Крепко целую тебя. Зина тоже кланяется тебе и тебя целует. В последнюю минуту решил все же послать тебе статью в единственно оставшемся у меня полустертом экземпляре. Если после твоего чтения не изгладятся совершенно последние следы букв, передай прочесть комунибудь.

И вот еще я, Леня, Зина и работница Оля в разных комбинациях [1].

Твой Б.

Напиши, как твое здоровье. Есть ли у тебя мой перевод «Отелло»?»

---

[1] С письмом посланы фотографии Пастернака с женой и сыном Леней.

«13 октября 1946

Дорогая Оля!

Написал тебе и в тот же день заболел ангиной, пролежал несколько дней. Сейчас у меня очень нехорошее настроение, одна из тех полос, которые продолжительными периодами пересекали несколько раз мою жизнь, но сейчас это соединяется с действительной старостью, и кроме того, за последние пять лет я так привык к здоровью и удачам, что стал считать счастье обязательной и постоянной принадлежностью существования.

В одном отношении я постараюсь взять себя в руки,— в работе. Я уже говорил тебе, что начал писать большой роман в прозе. Собственно это первая настоящая моя работа. Я в ней хочу дать исторический образ России за последнее сорокапятилетие, и в то же время всеми сторонами своего сюжета, тяжелого, печального и подробно разработанного, как, в идеале, у Диккенса и Достоевского,— эта вещь будет выражением моих взглядов на искусство, на Евангелие, на жизнь человека в истории и на многое другое. Роман пока называется «Мальчики и девочки» (...).

Пакет с фотографиями, книжками и прочим я отправлял не сам, а дал отправить нашей почтальонше, так что когда ты получишь, не задумывай большого ответного письма, но извести открыткой о своем здоровьи и житье-бытье.

Целую тебя. Мне совсем невесело.

Твой Боря».

«29 июня 1948 г.

Дорогая Олюшка! Как это горько, что родовые драмы так повторяются! Теперь ты меня наказываешь своим молчанием или даже полным исключением из твоего сердца за мой эгоизм, за то, что мои чувства — «слова, слова, слова», «литература», что если бы все было по-настоящему, я бы свою любовь доказал делами, а не вздохами, изображенными на бумаге.

1-го октября. Олюшка моя, вот начало весеннего моего письма к тебе, прерванного на втором слове из-за сознания его вероятной безрезультатности, к тому же усугубленного вечной спешкой. Тогда я задержался один в городе (Зина жила уже на даче), как сейчас по такой же причине застрял в одиночестве на огромной и холодной даче. Тогда я дописывал первую книгу романа в прозе и в то же время кроил и перекраивал семь переведенных своих Шекспировских драм, поступавших из разных издательств, согласно разноречивым пожеланиям бесчисленных редакторов, сидящих там.

А теперь я с такою же бешеной торопливостью перевожу первую часть Гетевского Фауста, чтобы этой гонкой заработать возможность и право продолжать и, может быть, закончить зимою роман, начинание совершенно бескорыстное и убыточное, потому что он для текущей современной печати не предназначен. И даже больше, я совсем его не пишу, как произведение искусства, хотя это в большем смысле беллетристика, чем то, что я делал раньше. Но я не знаю, осталось ли на свете искусство, и что оно значит еще. Есть люди, которые очень любят меня (их очень немного), и мое сердце перед ними в долгу. Для них я пишу этот роман, пишу как длинное большое свое письмо им, в двух книгах. Я рад, что довел первую до конца. Хочешь, я пришлю тебе экземпляр рукописи недели на две, на месяц? Там только тяжело будет тебе читать (с целью более рельефного и разительного выделения существа христианства) до шаржа доведенные, упрощенные формулировки античности.

Будь милостива, прости меня, если я чем-нибудь виноват перед тобой, и что-нибудь напиши мне о себе или попроси кого-нибудь, может быть, Машуру[1]. Я ее люблю ничуть не меньше тебя, то, что я пишу тебе, а не ей, ничего не значит, как из разнообразных сторон и случайностей моего поведения вообще не следует ничего фактического и разумного. Пусть меня кто-нибудь известит о тебе, жива ли ты, как твое здоровье и не нужно ли тебе денег. Я год за годом тружусь как каторжный и всегда мне всех: Зину, тебя, Леничку, нескольких твоих тезок и не тезок до слез жаль, словно все кругом несчастные, и только я один позволяю себе быть счастливым и, значит, у всех перечисленных как бы на шее. И действительно, я до безумия, неизобразимо счастлив открытою, широкою свободой отношений с жизнью, таким мне следовало или таким лучше бы мне было быть в восемнадцать или двадцать лет, но тогда я был скован, тогда я еще не сравнялся в чем-то главном со всем на свете и не знал так хорошо языка жизни, языка неба, языка земли, как их знаю сейчас.

Все мы живы и здоровы, Женя с Женечкой[2], и Шурина семья, все у нас в порядке.

Удостой меня, пожалуйста, хоть строчки — другой от себя (не трать времени, не надо писать много). Я охвачен почему-то страшной тревогой о тебе, я хочу, чтобы кто-нибудь вывел меня из неизвестности (в университете ли ты?), и наперед боюсь этого.

Твой Боря».

«30 ноября 1948.

Дорогая моя Олюшка!

Как поразительно ты мне написала! Твое письмо в тысячу раз лучше и больше моей рукописи. Так это дошло до тебя?! Это не страх смерти, а сознание безрезультатности наилучших намерений и достижений, и наилучших ручательств, и вытекающее из этого стремление избегать наивности и идти по правильной дороге, с тем, чтобы если уже чему-нибудь пропадать, то чтоб погибало безошибочное, чтобы оно гибло не по вине твоей ошибки. Не ломай себе головы над этими словами. Если они непонятны, то это только к лучшему.

Ты часто говоришь о крови, о семье. Представь себе, это было только авансценой в виденном, только местом наибольшего сосредоточенья всей драмы, в основном очень однородной. Главное мое потрясенье — папа[3], его блеск, его фантастическое владение формой, его глаз, как почти ни у кого из современников, легкость его мастерства, его способность играючи отхватывать по нескольку работ в день и несоответственная малость его признания, потом вдруг повторилось (потрясенье) в судьбе Цветаевой, необычайно талантливой, смелой, образованной, прошедшей все перипетии нашей «эпики», близкой мне и дорогой, и приехавшей из очень большого далека затем, чтобы в начале войны повеситься в совершенной неизвестности в глухом захолустьи.

Часто жизнь рядом со мной бывала революционирующе, возмущающе мрачна и несправедлива, это делало меня чем-то вроде мстителя за нее или защитником ее чести, воинствующе усердным и проницательным, и приносило мне имя и делало меня счастливым, хотя в сущности говоря я только страдал за них, расплачивался за них.

Так умер Рильке через несколько месяцев после того, как я списался с ним, так потерял я своих грузинских друзей[4], и что-то в этом роде — ты, наше возвращение из Меррекюля летом 1910 года (Вруда, Пудость, Тикопись[5]), и что-то в твоей жизни, стоящее мне вечной уликой. И перед всеми я виноват. Но что же мне делать? Так вот, роман часть этого моего долга, доказательство, что хоть я старался.

Прости, что я наспех навалял тебе столько глупостей, только в этой приблизительности и реальных. Из-за них собственно надо было бы начать новое письмо, разорвавши это, но когда я его напишу?

Поразительна близость твоего понимания, мгновенного, вырастающего совсем рядом, уверенно распоряжающегося; так понимала только та же Марина Цветаева и редко, со свойственными ему нарушениями действительности и смысла — Маяковский,— удивительно даже, что я его назвал.

Можешь дать рукопись посмотреть, кому захочешь. Когда у тебя минует надобность в ней, пришлешь именно так, как предполагаешь. Спасибо, что несмотря на степень своей занятости, ты прочла ее. В этих условиях, если бы даже рукопись фосфоресцировала в темноте и обладала тепловым лучеиспусканием, ты была вправе рассматривать ее как вторгшееся лишнее и не хотеть ее существованья. В такой обстановке и таких чувствах я занят сейчас Фаустом.

Всего тебе лучшего. Крепко обнимаю и целую тебя. Всегда помню твою поразительную теорию сравнения, **это из таких именно вещей**.

Будь здорова.

Твой Б.».

В эти годы выработался особый распорядок, в котором чередовались большие переводные работы и самоотверженное писание романа.

В октябре 1952 года Пастернак перенес тяжелый инфаркт миокарда. После двух месяцев больницы он был отправлен в санаторий в Болшево. Там он получил письмо своего давнего друга В. Ф. Асмуса и 3 марта 1953 года ответил ему:

«Дорогой Валентин Фердинандович!

Не могу рассказать, как Вы меня тронули и какою преисполнили гордостью, коснувшись в письме ко мне некоторых вещей так глубоко, прямо и крупно, и взяв их так сказать в их натуральную величину. Я в неоплатном долгу перед Вами. Как вознаградить мне Вас и чем мне Вам ответить?

Перед отъездом я дочитал до конца Вашу «Древнегреческую философию». Мне ни разу не приходилось читать о Платоне ничего более раскрытого, понятного, захватывающего и исчерпывающего. Он завидно, небывало удался Вам. Обыкновенно либо ради осязательности и понятности (воспроизводимости мыслью) его модернизовали как Наторп или некоторые новейшие историки философии; или его подавали как роман из понятий, увлекательный, но за которым логической мысли трудно было следовать, как за нерасчлененной вязью сказки. У Вас так вышло, что телеологическая идея целого так вовремя и кратко и обозримо и с таким искусством предпослана обзору частей, что все объясняет. Я перечту эти страницы еще раз по возвращении в Москву.

Процесс раскрытия стремительного и естественного этой самой сложной, смелой и систематической мысли во всей истории и философии доставил мне в Вашем изложении живое, точно запомнившееся наслаждение.

Мне лучше. Я стал работать, засел за окончание Живаго.

Приехав сюда, я вспомнил, как я тут прожил месяц летом в 35 году и что как-то зимой перед Отечественной войной или во время ее Вы были тут вместе с Ириной Сергеевной[6]. Она замечательно описывала ощущение свежего воздуха при переходе из Вашего корпуса в столовую или на прогулке. Она говорила, что заставала холодный столб его на крыльце за дверью, где он безотлучно оставался в ожидании от выхода к выходу.

Нас поместили в том же втором корпусе, где я тогда жил, почти в той же комнате. Из моего окна виден однооконный занесенный снегом домик, из которого тогда выходила в белом халате с папиросой между пальцев Зинаида Владимировна Курвиц. Я хотел ей написать отсюда.

Тогда я был на 18 лет моложе, Маяковский не был еще обожествлен, со мной носились, посылали за границу, не было чепухи и гадости, которую я бы ни сказал, или не написал и которой бы не напечатали, у меня в действительности не было никакой болезни, а я был тогда непоправимо несчастен и погибал, как заколдованный злым духом в сказке. Мне хотелось чистыми средствами и по-настоящему сделать во славу окружения, которое мирволило мне, что-нибудь такое, что выполнимо только путем подлога. Задача была неразрешима, это была квадратура круга, я бился о неразрешимость намерения, которое застилало мне все горизонты и загораживало все пути, я сходил с ума и погибал. Удивительно, как я уцелел, я должен был умереть тогда, как Адик[7].

А теперь у меня сердечная болезнь, не считающаяся вымыслом, я за флагом, не в чести, все знаки переменились, все плюсы стали минусами, но я счастлив и свободен, здоров, весел и бодр, и с совершенной легкостью сажусь за никому не нужного и неотделимого от меня Живаго за то самое окно, которое было мне 18 лет тому назад тупиком и у которого я тогда ничего не мог и не знал, что мне делать.

Это я хотел рассказать Вам в устном разговоре. Но Вы знаете здешний телефон. Всегда — дожидающиеся очереди. А при свидетелях углубление в такие темы было бы смешно и странно. Вот почему и пишу Вам. Сердечный привет Ариадне Борисовне[8]. Целую Вас.

Ваш Б. П.».

Роман был окончен зимой 1955/56 года. Это было время всеобщего обновления и надежд, и то, что раньше невозможно было представить себе напечатанным, на глазах становилось реальностью. Рукопись романа была отдана в редакцию «Нового мира», с которой у Пастернака были давние договорные обязательства. Книжное издание предполагалось в Гослитиздате. Но эти намерения затягивались и затем были сорваны тем, что ряд влиятельных литераторов высказался против публикации, что было выражено в ставшем позднее известном «Письме членов редколлегии журнала «Новый мир». Тем временем роман был издан в Италии. События были предметом обсуждения в правлении Союза писателей и разговоров в литературных кругах. Самобытный и талантливый поэт Елена Александровна Благинина послала Пастернаку письмо со словами поддержки и участия. Он с благодарностью писал в ответ:

«16 декабря 1957.

Дорогая Елена Александровна, как меня тронули Ваши слова, Ваша заботливость и беспокойство! Я болел весною и летом, долго и тяжело, и долго лежал в больнице, а с тех пор, слава Богу, чувствую себя очень хорошо.

У меня были некоторые неприятности, на меня было оказано некоторое нравственное давление, отталкивающее своею двойственностью,— я частично должен был ему покориться. Я должен был принять участие в попытке приостановить появление романа в неведомом далеке, в форме, настолько неправдоподобной, что попытка эта заранее была обречена на неудачу.

Говорят, роман вышел по-итальянски, вскоре выйдет на английском языке, а затем на шведском, норвежском, французском и немецком, все в течение года.

Я не знаю, известно ли Вам, что около года

---

[1] М. А. Маркова — двоюродная сестра Пастернака с материнской стороны.
[2] Е. В. Пастернак — первая жена Пастернака.
[3] Художник Л. О. Пастернак.
[4] Тициана Табидзе и Паоло Яшвили.
[5] Названия станций Балтийской железной дороги стали символами юношеского романа в переписке Пастернака и Фрейденберг.
[6] Первая жена Асмуса.
[7] Адриан Нейгауз — сын З. Н. Пастернак, умер в 1945 году.
[8] Жена Асмуса.

тому назад Гослитиздат заключил договор со мной на издание книги, и если бы ее действительно выпустили в сокращенном и цензурованном виде, половины неудобств и неловкостей не существовало бы. Но даже и теперь, когда преувеличивая значение создавшейся нескладицы, тем самым способствуют возникновению шума по поводу этого случая в разных концах света, даже сейчас выпуск романа в открыто цензурованной форме внес бы во всю эту историю тишину и успокоение. Так в двух резко отличных видах выходило Толстовское «Воскресение» и множество других книг у нас и за границей до революции, и никто ничего не боялся и не стыдился, и все спали спокойно, и стояли и не падали дома. Я все время выдвигаю эти доводы и все время это предлагаю, но это ни до чьего сознания не доходит. Наконец, теперь не поздно еще и другое, я тоже постоянно об этом напоминаю. В каждой из стран, где будет появляться роман, есть революционные писатели-коммунисты, Арагон, Бехер и другие. Теперь их задача прочесть идейно чуждый роман по его выходе у них и критически его развенчать и обезвредить, разобрав его и показав его бедность мыслями и художественную несостоятельность. Это ведь люди далеко не беспомощные и безответные, и задача, мне кажется, им по силам. Но и это здравое соображение ничьего слуха не достигает [9].

Я не знаю, что меня ждет,— вероятно время от времени какие-то друг за другом следующие неожиданности будут в том или другом виде отзываться на мне, но сколько бы их ни было, и как бы они ни были тяжелы или даже может быть ужасны, они никогда не перевесят радости, которой никакая вынужденная моя двойственность не скроет, что по слепой игре судьбы мне посчастливилось высказаться полностью, и то самое, чем мы так привыкли жертвовать и что есть самое лучшее в нас, художник оказался в моем случае незатертым и нерастоптанным.

Целую Вашу руку, Вы — дорогая, милая,— благодарю Вас.

Ваш Б. П.».

Елена Александровна Благинина поздравила Пастернака с Новым, 1959 годом, в тяжелое для него время, а спустя год — с 70-летием. 24 февраля 1960 года, за три месяца до смерти, он ей ответил:

«Дорогая душенька моя Елена Александровна, неужели не написал я Вам тогда? Я настолько был убежден в обратном (то есть желание поблагодарить Вас настолько ощутительно и прочно сидело во мне), что, открывая Ваше сегодняшнее поздравление, я ждал упоминания об этом, как оказывается, несуществующем, но предполагаемом письме, оставившем след чего-то действительно бывшего.

Вы вправе любить меня: это только естественное проявление взаимности. Вы знаете, какой несравненной прелестью я Вас считаю.

«Мело, мело по всей земле», кажется действительно я написал в 1946-м году. Но во всяком случае не позже 47-го.

Ну что мне Вам сказать. Если все это (у нас) хорошо со мною кончится, это будет баснословно. Я не был готов к такой сказке. Но, по мере сил, с ней справляюсь.

Благодарю Вас за разрешение обнять Вас и признательно им пользуюсь.

Ваш Б. Пастернак».

Вступление, комментарии и публикация Е. Б. ПАСТЕРНАКА.

[9] Никто из видных представителей западной интеллигенции вопреки опасениям Б. Пастернака не принял участие в кампании травли романа. Напротив, они не раз выступали, поддерживая и популяризируя поэта.

В мае 1924 года в Советский Союз приехал известный японский писатель Томизи Найто. Он знакомился с советской интеллигенцией. В. В. Маяковский, Б. Л. Пастернак и С. М. Эйзенштейн встретились с Т. Найто в Москве. Тогда и была выполнена серия фотоснимков, наименее известный из которых мы публикуем.

На снимке: Т. Найто, Б. Пастернак, С. Эйзенштейн, О. Третьякова, Л. Брик, В. Маяковский, советский дипломат Вознесенский, переводчик.

Фото из архива «Правды».

ДОБЫТЬ ИСТИНУ

Г. А. ВОСКРЕСЕНСКИЙ,
председатель президиума
Московской городской
коллегии адвокатов,
заслуженный юрист РСФСР

В последнее время все больше внимания уделяется правовому воспитанию граждан. Вопрос многосторонний, но если рассматривать его с точки зрения адвоката, то, вероятно, надо исходить из такой чисто житейской предпосылки: о враче человек вспоминает, когда нездоров, о существовании адвокатуры узнает лишь тогда, когда ему надо защитить свои права.

— По-человечески это можно понять. Однако юридическая неосведомленность действительно носит слишком широкий характер, а это никому не идет на пользу. Нет, например, ничего хорошего в том, что зачастую даже интеллигентные люди при возникшей необходимости ищут советчика через своих друзей и знакомых, между тем как юридическая консультация расположена в ста метрах. Хотя в общем-то и это понять можно.

— Далеко не все знают, что такое юридическая консультация, а уж о городских коллегиях адвокатов тем более, вернее, тем менее. Георгий Алексеевич, расскажите, пожалуйста, хотя бы в общих чертах об их структуре, о составе.

— Не уверен, что это типично для всех больших городов страны, но у нас дело обстоит так. В Москве тридцать три района, из них двадцать восемь располагают юридическими консультациями. Будут открыты и в остальных пяти, а пока там работают филиалы.

В городскую коллегию входят 1050 адвокатов. Есть среди них доктор юридических наук, 21 кандидат наук, 11 заслуженных юристов РСФСР. Более четырехсот человек — члены партии. Сто сорок — участники Великой Отечественной войны, один из них — Герой Советского Союза. Что еще можно отметить? Наверное, небезынтересно, что женщин в нашей коллегии почти на сто человек больше, чем мужчин. И, уверяю вас, большая часть не уступает меньшей в квалификации.

— А как оплачивается труд адвоката?

— Коллегия существует на полном хозрасчете. Все оплачивают наши клиенты. Мы не расходуем государственных средств, напротив, кое-что даем в доходную часть бюджета...

— Простите, Георгий Алексеевич, порою появляются разные кривотолки о каких-то непомерных адвокатских гонорарах...

— Прежде всего хочу заверить непосвященных, что слухи о гонорарах сильно преувеличены. Всякий, кому приходилось быть подзащитным в суде, подтвердит, что адвокаты даром свой хлеб не едят. За одно проведенное дело адвокат в среднем получает двадцать рублей. Редко-редко кто достигает установленного в нашей коллегии верхнего предела, ограничивающего заработок,— в Москве он определен в триста тридцать рублей в месяц, в других городах — двести семьдесят. Легко подсчитать, что для его достижения адвокату нужно участвовать в пятнадцати процессах за месяц. Понятно, что это недостижимо ни чисто физически, ни в смысле добросовестного отношения к работе. О каких же непомерных гонорарах можно вести речь? Наоборот, сейчас стоит задача внести коррективы в Инструкцию об оплате труда адвокатов, привести ее в соответствие с объемом и содержанием затраченного труда в сторону повышения его оплаты.

— Георгий Алексеевич, с одной стороны, все юристы твердо знают, что адвокатура — институт конституционный, а с другой — сейчас открыто говорится о неравенстве двух состязающихся в суде сторон — обвинения и защиты. Само возникновение проблемы представляется изначально противоестественным. Ведь цель обеих состязающихся сторон, как и самого суда, одна-единственная — добыть истину.

— Совершенно верно. Защита обязана проверить прочность обвинения всеми имеющимися в ее распоряжении доводами. Для нее главное — чтобы не был осужден невиновный, а по отношению к виновному, чтобы были приняты во внимание все смягчающие или оправдывающие обстоятельства. Конечно, каждый юрист, где бы он ни работал, отлично это знает, но по разным причинам сложилась такая ситуация, что явилась необходимость в напоминаниях вроде следующего: смысл работы адвоката заключается в «борьбе за справедливость, ограждении граждан от возможного произвола». Или вот так: «Остатки «правового нигилизма», обусловленного особенностями нашего исторического развития, к сожалению, до сих пор сказываются на непонимании роли адвоката, приводят к недоверию, чуть ли не к подозрению по отношению к нему».

— В таком контексте «правовой нигилизм» выглядит изысканным эвфемизмом. По-настоящему это именуется нарушением социалистической законности. Значит, если употребить старинное выражение, перед лицом богини правосудия, той Фемиды, у которой повязка на глазах служит залогом беспристрастия,— значит, перед нею обвинитель и защитник не равноправны?

— Мне кажется, вы несправедливо мягко толкуете формулировку «правовой нигилизм». Все-таки нигилизм означает полное отрицание. Сказано вполне определенно. Но предпочтем предметный разговор о конкретных ситуациях. На примере одного судебного дела я постараюсь показать, что происходит, когда нарушается предписанный законом ход вещей, как важна роль адвоката и чего могут добиться его добросовестность и настойчивость.

Итак, вот фабула или, если хотите, сюжет — не удивляйтесь, что пользуюсь литературными терминами, они и в нашем, адвокатском лексиконе обосновались давно и прочно, стали общеупотребительными.

Есть в Дагестане город Буйнакск, а в нем большой завод. На заводе работали два друга — Г. и А., молодые еще люди, нет и тридцати. В конце июля 1981 года оба они должны были отправиться в командировку — Г. в Пермь, А. в Москву. Даты начала командировок совпадали, но ехать вместе они не собирались. А. направлялся заводом в столицу вместе с инженером М., которую и Г. знал очень хорошо. 23 июля А. поехал из Буйнакска в столицу автономной республики — Махачкалу, чтобы купить билеты для себя и М. Они договорились встретиться на следующий день в Махачкале.

Г. приехал из Буйнакска в Махачкалу 24 июля. Ему удалось купить билет на самолет на 27 июля, а потом он отправился за сорок пять километров от Махачкалы. Там, на берегу Каспийского моря, есть база отдыха. Она служит приютом для многих недальних приезжих. Г. знал, что там будут его знакомые и товарищи по работе. Они поселились вшестером в одной комнате.

М. вместе со своим другом Р. приехала в Махачкалу 24 июля. Придя вместе с Р. на условленную с А. встречу, М. узнала, что А. сумел купить, к сожалению, только один билет. С А. были его брат и девушка У., которую А. представил как свою родственницу. Она и обещала приобрести второй билет.

Все эти подробности составляют необходимую экспозицию и содержат в себе элементы завязки той драматической истории, которая развернулась спустя месяц.

События вечера 25 июля надо проследить и запомнить по часам и даже по минутам.

Проведя весь день вместе, М., Р., А. и его родственница У. около восьми часов вечера пошли на море. Перед этим они долго сидели в ресторане, потом выпивали в доме на улице Нурадилова, где остановились М. и Р. И на море захватили выпивку. Заметно пьянее других был А. Он предложил опять пойти в ресторан, но компания отказалась. Решили купить бутылку коньяка и вернулись на улицу Нурадилова. Вскоре У. оставила друзей и ушла к себе домой (она жила на другой улице). В девять часов А. предложил пойти к У. пить чай — сказал, что она очень вкусно его готовит. М. и Р. видели, что А. уже сильно пьян. Они привели А. к У. и попросили оставить его ввиду такого состояния у себя. Та согласилась, а М. и Р. в 21.20 пошли на почту: Р. нужно было позвонить родителям в Буйнакск. В 21.30 Р. заказал разговор, дождался очереди, поговорил, и в 22.30 М. и Р. вернулись на улицу Нурадилова. В 23.00 легли спать и около полуночи уснули.

Согласившись, чтобы А. переночевал у нее дома, У. сразу после того, как ушли М. и Р., переменила решение — очень уж пьян был ее двоюродный брат. К тому же он все порывался куда-то идти, и, естественно, она его не удерживала. Вскоре после 22.00 он покинул ее дом.

В 23.20 А. обнаружили убитым на улице Тимирязева. У него было пять ножевых проникающих ранений.

М. не уехала в командировку, вернулась домой, в Буйнакск.

А теперь пора вспомнить о Г. Где был и что он делал вечером 25 июля? Он тоже выпивал и ходил на берег моря, но совсем в другой компании и в другом месте. Он весь вечер оставался на базе отдыха, что расположена в сорока пяти километрах от Махачкалы, где в том же духе проводили время его близкие знакомые. 27 июля он улетел из Махачкалы в Москву, а оттуда в Пермь.

Прежде чем продолжить рассказ, надобно оговорить одно существенное обстоятельство. Разумеется, тотчас после обнаружения трупа уголовный розыск и прокуратура приступили к энергичным действиям, чтобы раскрыть преступление и найти убийцу. Это очень сложная и нервная работа. В таких случаях особенно давят на людей сроки: все торопят и подталкивают — быстрей, быстрей! Что там говорить, дознанию и следствию не позавидуешь. У них, кроме сроков, еще и показатели... Нам, адвокатам, в этом смысле несравнимо легче — над нами нет никакого начальства. Адвоката терзают только его собственная совесть и профессиональная честь, ну и, конечно, глаза подзащитного. Но моя оговорка, собственно, касается совсем иного момента. Суть в том, что мы не можем знать всех действий дознания и следствия, они по закону должны храниться в строгой тайне. Потому в дальнейшем рассказе мы имеем возможность оперировать только теми сведениями, которые зафиксированы в деле или были оглашены публично в суде.

Из показаний М. складывается такая картина. 29 июля 1981 года, то есть на четвертый день после убийства А., в Буйнакск к М. приехали два сотрудника махачкалинской милиции. Они пригласили ее с собой, привезли в Махачкалу. Она рассказала о вечере 25 июля все в точности так, как оно происходило в действительности. В милиции она пробыла до вечера, а вечером ее с миром отпустили домой. Инспектор уголовного розыска (по-нынешнему оперуполномоченный) захотел проводить ее. Когда немного отошли от милиции, он спросил у М., не хочет ли она посмотреть, где произошло убийство. М. не хотела. Инспектор мягко настоял, они сделали крюк и пришли на улицу Тимирязева. Инспектор показал ей место, где нашли убитого А. Она не понимала, зачем ему это нужно.

13 августа М. арестовали и поместили в Махачкале в камеру, где содержались еще две девушки. 17 августа ее перевели в другую камеру, где она увидела пожилую женщину, на вид лет под шестьдесят. Разговорились. Женщина жаловалась на здоровье. Задержали ее за мошенничество. Потом зашел разговор об убийстве А. И женщина

сказала, что убийца — Г., что М. лучше заявить милиции об этом, так как она единственная свидетельница, иначе ее привлекут и посадят в тюрьму.

Вскоре после их содержательной беседы М. вывели из камеры и объявили, что она свободна. Состояние М. было таково, что она тут же попросилась на прием к начальнику милиции и заявила ему, что по поводу убийства надо проверить Г. 18 августа ее вновь арестовали и вернули в камеру, где пребывала жаловавшаяся на здоровье старая женщина. Время от времени М. вызывали на допросы. Она рассказывала сокамернице, о чем ее спрашивают, что она отвечает, а сокамерница советовала, как ей отвечать дальше. Был и следственный эксперимент: М. возили на место убийства и зафиксировали, как она его показывает. 27 августа М. сделала следователю такое вот заявление: 25 июля, после того как она легла спать, то есть после 23.00, в дверь дома постучался А. и сказал, что его послал за ней Г. и что последний ждет ее в ресторане «Смолян».

Тут я должен призвать и вас, и всех, кто будет читать это интервью, внимательно следить за временем и расстоянием. От дома на улице Нурадилова, где остановилась М., до ресторана «Смолян» 2520 метров — по официальной справке. Чтобы пройти их спешным шагом, необходимо 30 минут. Предположим, А. действительно приходил за М. вскоре после 23.00. Допустим, что он, даже будучи сильно пьяным, мог идти еще быстрее. Но каким же образом могло произойти, что его труп нашли на улице Тимирязева, неподалеку от ресторана «Смолян», в 23.20? А ведь дальше М. еще показала вот что: вняв уговорам А., она оделась, они пришли к ресторану «Смолян», А. зашел внутрь, она осталась на улице, потом вышли А. и Г., с ними трое неизвестных ей молодых людей и девушка, все завернули за угол дома, она услышала крик «Помогите!» и убежала. А ее друг Р., который находился с нею в одной комнате по крайней мере с 22.30 и до 24.00, категорически утверждает, что никто в дверь не стучал и она никуда не уходила. Но это еще не самое удивительное.

23 августа в Перми был арестован Г. Его привезли в Махачкалу. Первые два дня Г. говорил, что он ничего не знает об убийстве. Следователь, ведущий дело, сказал Г., что уже установлено: он убил А. Отрицать это бесполезно. Затем появился начальник уголовного розыска, объявивший себя другом покойного отца Г., который в свое время тоже работал в милиции, и отечески посоветовал признаться в убийстве, написать явку с повинной, иначе ему будет хуже. И Г. собственноручно написал вот что.

25 июля в 16.00 он находился в ресторане «Смолян» вместе с тремя молодыми мужчинами и одной девушкой (обратите внимание на сходство состава в показаниях М.). В 21.00 к их столику подошел А. Он завел разговор о М., они повздорили, А. предложил выяснить отношения на улице, они вышли из ресторана, А. бросился на Г. с ножом, Г. его обезоружил и нанес ему ножом несколько ударов,— сколько именно, не помнит. А затем отправился на вокзал и утром уехал на базу отдыха. Нож как вещественное доказательство в деле отсутствует. На месте преступления его не нашли. Но он, безусловно, был, и мы еще узнаем, где его видели.

Короче говоря, Г. признался в убийстве, ему было предъявлено обвинение. И родные Г. обратились в Московскую коллегию адвокатов с просьбой выделить защитника. Дело попало к адвокату Юрию Леонидовичу Челяпову, члену нашей коллегии.

— Георгий Алексеевич, когда это произошло? На какой стадии?

— Обычно у адвоката остается слишком мало времени, чтобы до суда успеть глубоко изучить материалы дела. В интересах правосудия было бы законодательное установление такого порядка, при котором адвокат обвиняемого приступал бы к своим обязанностям с момента предъявления обвинения. Это окажет благотворное действие на весь процесс предварительного следствия, будет способствовать избавлению от ошибок.

Что касается данного случая, то адвокат впервые прочел дело уже после того, как предварительное следствие было закончено. Так получилось в силу объективных обстоятельств. Но тут есть другой сомнительный момент. В деле было три тома. А обвиняемый заявил, что ему отвели на ознакомление с делом восемьдесят минут, причем не разрешили присутствовать при этом адвокату. А двух томов он и в руках не держал. Скажите, пожалуйста, сколько страниц романа может прочесть человек за это короткое время? И представьте себе, с каким напряжением и вниманием должен читать человек не беллетристическое произведение, а строки документов, которые предрекают ему лишение свободы сроком на десять лет, а может быть, и высшую меру.

— А что мешает участию адвоката в предварительном следствии с момента предъявления обвинения?

— Сейчас таков законный порядок. Существуют разные мнения на этот счет. Ныне вопрос рассматривается. Адвокаты надеются, что существующий порядок будет пересмотрен.

— Так что же произошло дальше в деле Г.?

— На второй день после собственных письменных признаний Г. послал жалобу на имя прокурора города Махачкалы, в которой заявил: «Преступления не совершал. Я там не находился. Я был вынужден дать ложные показания». Это было 2 сентября 1981 года.

Освобожденная ранее из-под стражи М. сама, без всякого вызова, явилась в тот же день, 2 сентября, в прокуратуру Ленинского района Махачкалы и заявила, что хочет рассказать всю правду, что показания, данные ею 27 августа, ложные.

Но все это ничего не изменило. В апреле 1982 года состоялся суд над Г. Ради объективности дело передали в соседнюю с Дагестаном Чечено-Ингушскую АССР, в город Грозный.

Адвокат Челяпов представил суду обоснованные и убедительные доводы о грубых изъянах предварительного следствия. Например, ключевой пункт следственной версии, согласно которому Г. в 21.00 25 июля сидел в ресторане «Смолян», когда туда вошел А., был буквально разбит в судебном заседании. Трое из тех, кто находился в тот день на базе отдыха в сорока пяти километрах от Махачкалы, выступая в качестве свидетелей, показали, что после наступления темноты видели Г. в их общей комнате. Это были неопровержимые свидетельства. Когда же вслед им защитник представил суду заранее испрошенную справку Дагестанской зональной гидрометеорологической обсерватории, стало очевидно, что рушится вся версия: в справке говорилось, что наступление темноты в Махачкале 25 июля 1981 года произошло в 20 часов 59 минут. Не иначе как злой рок привел к такому астрономически точному и катастрофическому для следствия совпадению времени.

Из материалов дела было известно, что жильцы домов №№ 9 и 11 по улице Тимирязева вечером 25 июля незадолго до убийства видели неподалеку каких-то парней, которые играли в карты, и у них был нож. Одна свидетельница на предварительном следствии показала, что поздно вечером видела около своего дома одного гражданина, который медленно шел и говорил по-кумыцки: «Он бьет меня ножом». И при этом называл мужское имя. Другая свидетельница сообщила, что слышала сильный шум и крики, громко произносимые имена.

Защитник Челяпов взывал к суду: не тот ли это нож, которым был убит А.? Не имя ли убийцы слышала свидетельница из уст раненого А.? Необходимо вызвать в суд и допросить этих свидетелей.

Коротко посовещавшись на месте, суд определяет: «Ходатайство адвоката Челяпова отклонить за необоснованностью, так как указанные свидетели были вызваны следственными органами и ничего нового не дали».

Кому не дали? Предварительному следствию? Но ему, с самого начала находившемуся в плену единственной версии, опиравшемуся лишь на вынужденный самооговор Г., вовсе и не требовалось «ничего нового». Наоборот, оно мешало!

Защитник представил суду много других доводов, опровергающих признательные показания Г. и М., на которых было построено доказательство вины Г.

Сами Г. и М. эти свои признательные показания полностью в суде опровергли, назвав их ложными. Г. виновным себя не признал.

В конце концов защитник заявил ходатайство: «Прошу суд направить данное дело на дополнительное расследование, так как суд не может по добытым данным решить вопрос в отношении Г. Мои мотивы, по которым я заявляю ходатайство, изложены письменно, и я прошу приобщить их к делу».

Государственный обвинитель просил суд отклонить ходатайство, поскольку добытые доказательства он считает полными и основательными.

Суд удалился на совещание, а вернувшись, огласил определение: ходатайство адвоката Челяпова отклонено. В письменном виде к делу его, правда, приобщили.

Утром 13 апреля 1982 года состоялось последнее судебное заседание. Г. приговорили к девяти годам лишения свободы с отбыванием меры наказания в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

Итак, история вроде бы завершена, но для адвоката именно с этого момента начинается новая и не менее ответственная работа в защиту истины.

Несколько лет писал и отправлял Ю. Л. Челяпов жалобы в различные надлежащие инстанции, упорно отстаивая и доказывая правоту своих доводов, терпеливо добиваясь, чтобы они были услышаны и рассмотрены по справедливости. Причем необходимо учитывать, что при обращении с жалобами должна соблюдаться иерархическая последовательность и постепенность, нельзя прыгать через ступеньку. Когда все этапы были пройдены безрезультатно, Челяпов обратился непосредственно к Генеральному прокурору СССР. И тогда, наконец, справедливость восторжествовала. В августе 1985 года по протесту заместителя Генерального прокурора СССР Президиум Верховного суда Чечено-Ингушской АССР приговор Заводского района народного суда города Грозного и определение судебной коллегии Верховного суда ЧИ АССР, оставившей после жалобы Челяпова этот приговор без изменений, отменил, дело по обвинению Г. направлено на дополнительное расследование и прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Как же тут не задуматься: почему адвокату должно было понадобиться четыре года для того, чтобы выяснилась полная обоснованность его ходатайства, заявленного народному суду еще в апреле 1982-го и категорически судом отвергнутого? Ну, адвокат — ладно, терпеливо ждать ответов и решений входит в его обязанности. Но как быть с не виновным в преступлении Г., который эти четыре года провел в заключении? Что он думает теперь о правосудии? И что поделывает настоящий преступник, которого не нашли?

Мы же должны с глубоким удовлетворением отметить, что справедливость в конце концов восторжествовала не только в отношении подзащитного Г., но и тех, кто нарушил законность. В феврале 1986 года дело Г. стояло на повестке дня заседания коллегии Министерства юстиции РСФСР. То, что говорил адвокат Челяпов суду в городе Грозном и на что суд не пожелал обратить ни малейшего внимания, было положено в основу решений коллегии по этому вопросу. А они оказались суровыми.

Речь шла о нарушении социалистической законности. Было признано, что суд безответственно отнесся к проверке собранных следствием доказательств, проявил тенденциозность в их оценке, не проверил доводы подсудимого об имевшемся у него алиби (напомню, 21.00 25 июля?). В связи с грубыми нарушениями законности коллегия сочла невозможным дальнейшее использование В. Кострубы, который вел слушание этого дела, в должности председателя и народного судьи Заводского районного суда. Взыскания были наложены и на тех высоких и менее высоких должностных лиц, кто отнесся формально к жалобам осужденного и его адвоката.

— Следует ли искать какую-то абсолютную и общепризнаваемую платформу, на которой служебные, профессиональные и прочие устремления и задачи всех сторон в уголовных делах приходили бы в общее согласие без всяких оговорок и препятствий?

— Ее искать не надо, она существует в нашем законе. Это презумпция невиновности. Основополагающий принцип.

— Термин этот сейчас стал популярным. Но, кажется, даже не все из тех, кто повторяет его с особым удовольствием, сумеют толком объяснить, что он обозначает.

— На юридическом языке презумпция означает вот что: всякий факт признается достоверным до тех пор, пока не будет доказано обратное, то есть его лживость, недостоверность. В нашем случае таким фактом является невиновность.

Есть смысл напомнить, что презумпция невиновности была исчерпывающе определена в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 16 июня 1978 года. Вот что в нем сказано:

«В целях обеспечения обвиняемому (подсудимому) права на защиту суды должны строго соблюдать конституционный принцип, согласно которому обвиняемый (подсудимый) считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

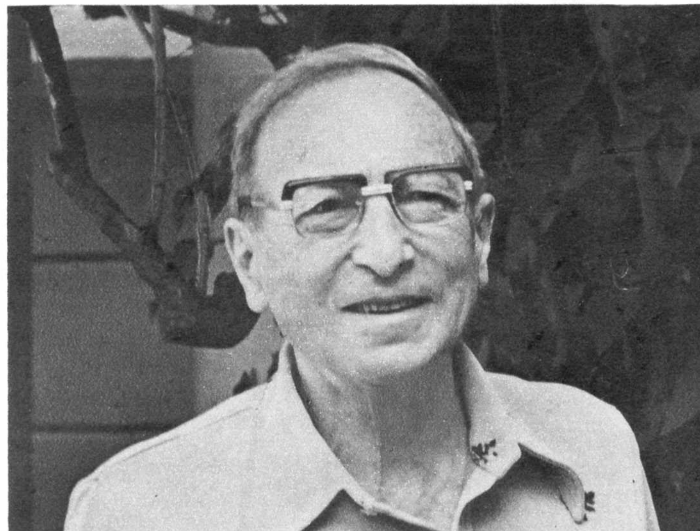
На основании закона обязанность доказывания обвинения лежит на обвинителе. Исходя из этого недопустимо возлагать на обвиняемого (подсудимого) доказывание своей невиновности. Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Все сомнения, которые не представляется возможным устранить, должны толковаться в пользу обвиняемого (подсудимого)».

Это постановление никто не отменял.

Интервью взял
Олег ШМЕЛЕВ.

БРОЖЕНИЕ СВОБОДЫ

Вениамину Александровичу Каверину исполняется восемьдесят пять лет. Он бодр, полон творческих планов. Сегодня один из старейших советских писателей размышляет на страницах «Огонька» о литературе, о ее проблемах.

— 65 лет вы работаете в литературе. Что изменилось в ней за это время? В вас?

— Перемен было много в моей литературной работе: я от многого отказывался, многое пересматривал, долго колебался, прежде чем перейти к психологической прозе, блестяще развитой в классической русской литературе XIX века. Перечислить же в этом разговоре все многочисленные перемены, происшедшие в нашей литературе,— это значит в большей или меньшей степени рассказать историю советского общества. Я на это не решаюсь, я только скажу, что периодов было много. Тынянов совершенно правильно писал в начале романа «Смерть Вазир-Мухтара»: «Всегда в крови бродит время, у каждого периода есть свой вид брожения». Одно брожение было до декабрьского восстания, одна кровь, а другая кровь, совершенно другого рода, была после декабря.

И у нас были совершенно разные типы брожения — в разные периоды времени. Сейчас начинается брожение гласности, свободы и углубленного взгляда в самого себя. Вот эта необходимая переоценка ценностей прежде всего касается каждого из нас. В этом смысле я даже не помню такого периода, который был бы похож на наше время.

— Вы как-то говорили, что во время войны у всех было поразительное чувство свободы, братства, всеобщего дела. Нет ли сегодня у вас этого ощущения?

— Видите ли, во время войны у меня (да и не только у меня — это отразилось, например, в творчестве Пастернака и многих других писателей) было ощущение дружбы, чувства локтя, общей цели. Все было ясно без размышлений особенно сложных: мы стремились к победе во что бы то ни стало, как бы это ни было нам трудно.

После войны наступил период, который я считаю в определенном смысле печальным. Я думаю, что множество жертв, понесенных нами в годы войны, неслыханное мужество, которое проявил народ, и все, что было связано с нашей победой,— все это заслуживало несколько другого отношения к людям, более мягкого, более заботливого, внимательного. Но наступило время, всех нас как-то заставившее отказаться от свободного проявления своих замыслов. Или если не отказаться, то скрывать их.

— Как удалось вам всю жизнь держаться своей нравственной позиции, оставаться самим собой?

— Это не моя заслуга, просто я не мог быть другим. Это не то, что я старался быть таким, какой я есть,— я просто не мог быть другим. Заслуга была бы, если бы я переломил себя для того, чтобы занять ту нравственную позицию, которую я занимаю. Но я ученик Тынянова, ученик Горького, и эта нравственная позиция была для меня воздухом, которым я дышал...

— Есть ли у вас свой «внутренний редактор»? Какие у вас с ним взаимоотношения?

— Конечно, у меня есть «внутренний редактор». Я относился к нему по-разному. Когда-то вынужден был с ним считаться. А потом, лет с 70, вообще перестал к нему прислушиваться. Я пишу о том, что мне кажется нужным нашему времени, нашему читателю, которого я более-менее знаю.

Между прочим, меня очень заботит наш писательский круг. Я думаю, что в этом отношении мы далеко отстали даже от дореволюционного времени. Я помню, например, монолог Чуковского, показанный на экране, в котором Корней Иванович рассказывал о своих отношениях с писателями до революции и между прочим упомянул о том, что он пьесы Леонида Андреева сравнил с афишами, написанными масляными красками огромными буквами на заборах и на стенах домов. И после такой критики Андреев приехал к нему с благодарностью и был не только не раздражен и не обижен, а наоборот — был благодарен ему за критику. Свою речь Чуковский закончил словами: «Мы любили друг друга».

Но вот этого, к сожалению, я сейчас не вижу в нашей литературе. Мы разобщены. Даже в 20-е годы, когда я был членом маленькой группы «Серапионовы братья», мы были гораздо более близки друг другу, чем сейчас. История «Серапионовых братьев» в этом смысле поучительна, потому что мы были если не братьями, то друзьями. И дружба с Зощенко, например, украсила мою жизнь. Сейчас я очень озабочен тем, как обстоит дело с его заброшенной могилой в Сестрорецке. Я написал в ленинградское отделение Союза писателей, что беру на себя все материальные заботы для того, чтобы поставить на его могиле памятник, достойный этого великого писателя.

— Некоторые «серапионы» стали потом известными общественными деятелями — Федин, Тихонов. Как вам кажется, совместимо ли писательство с такого рода общественной нагрузкой?

— Я думаю, едва ли. Во всяком случае, я не знаю писателей, которые сумели бы совместить административную работу с писательским делом. По-моему, такого рода деятельность успешно соединяли немногие и очень крупные личности, такие, как Гете или Горький. Кажется, Шкловский называл Горького не человеком, а учреждением — столько он читал чужих рукописей, столько писал писем, принимал участие в других писателях — у него это получалось, потому что он был очень крупный человек с прекрасными широкими взглядами на жизнь.

— Какой же вам видится тогда организация писательского дела? Ведь руководить им явно должны писатели, люди, знающие сам литературный процесс изнутри, но здесь получаются парадоксальные «ножницы»...

— Я не знаю. Я думаю, что крупные писатели, поставленные во главе «толстых» журналов,— это очень разумный шаг, который несомненно повлияет на развитие литературного дела. Что касается Союза писателей, то его дороги только тогда приносят пользу, когда они реально пересекаются с дорогами литературы. Когда этого не происходит, Союз существует как административное заведение, тогда никакой пользы от него нашей литературе нет.

— Сейчас рукопись молодого или не очень молодого писателя в издательстве ждет выхода в свет примерно пять лет. Залыгин, Бакланов и другие, выступая в печати, говорят, что редакционный портфель их журналов уже укомплектован на год-два вперед. А как быть писателю, написавшему талантливый роман? Какой вам видится выход?

— Надо, чтобы журналов стало больше, надо вернуть «толстым» журналам отобранные у них в 70-е годы два печатных листа и чтобы было много издательств, чтобы они обладали бо́льшими возможностями,— и тогда этот кризис разрядится сам собой.

Я участвовал в издательстве писателей в Ленинграде, это было в 20-х годах, потом это издательство было закрыто. У меня есть некоторый опыт руководства таким издательством, потому что Федин был председателем нашего издательства, а я членом правления. Было другое время, другие мерки, другие возможности. Скажем, рукописи Замятина, Тынянова не залеживались в издательстве. Но даже рукописи молодых никогда не проходили дольше года. Такого кризиса, как сейчас, не помню — он касается и меня, я написал несколько книг, которые тоже лежат в издательствах несколько лет. Приходится с этим мириться, но это очень больное место в нашем книгоиздательском деле. В 20-е годы было много частных издательств, в одном Ленинграде их было шесть-семь.

Сейчас мне представляются выходом из положения кооперативные издательства. Меня пригласили участвовать — вместе с В. Быковым, Ф. Искандером, Э. Межелайтисом, Б. Окуджавой, Ю. Черниченко и некоторыми молодыми писателями — в создании кооперативного издательства «Весть», я уже писал об этом. Сейчас все возможно, все в наших силах. Если мы действительно возьмемся за дело серьезно и государство, которое сочувствует нам, будет помогать кооперативным издательствам в смысле помещений, техники, набора, бумаги, то я уверен, что дело пойдет. Но издательств должно быть много.

— Несколько ваших книг лежат в издательствах, в журналах недавно появилась повесть «Заветная черта» и монография «Юрий Тынянов — жизнь и работа». Откуда такая работоспособность? Над чем вы работаете в данный момент, что лежит на вашем письменном столе?

— Недавно я поставил точку в повести «Силуэт на стекле». Я написал ее трижды. Первый вариант был сравнительно небольшим рассказом. Мой друг Владимир Лакшин, известный критик, прочитав эту вещь, сделал мне несколько замечаний, которые заставили меня еще три месяца просидеть над этой повестью, и теперь я не знаю, удалась ли она или нет. К сожалению, эта неуверенность сопровождает меня всю жизнь. Кроме того, я написал статью для журнала «Театр» о книге Смелянского «Булгаков и Художественный театр».

Моя плодовитость, если можно так сказать, объясняется тем, что я пишу каждый день. Это, по-моему, правильный подход к делу — нужно работать по возможности много и ежедневно. С утра меня тянет к письменному столу, хотя я неоднократно вспоминал остроумную шутку Виктора Шкловского: «Первое чувство, с которым подходишь к письменному столу,— это бежать от него». Я не испытываю этого чувства, меня тянет к письменному столу, и поэтому я стараюсь, не повторяясь, ища что-то новое, писать больше. Так как я уже стар и другие увлечения или развлечения, которые возможны были в молодых годах, конечно, к сожалению, пропали и оставили мне очень много свободного времени, я стараюсь не терять его даром и все силы отдаю работе. Еще я ежедневно гуляю, более или менее здоров, ничто мне не мешает — вот я и работаю.

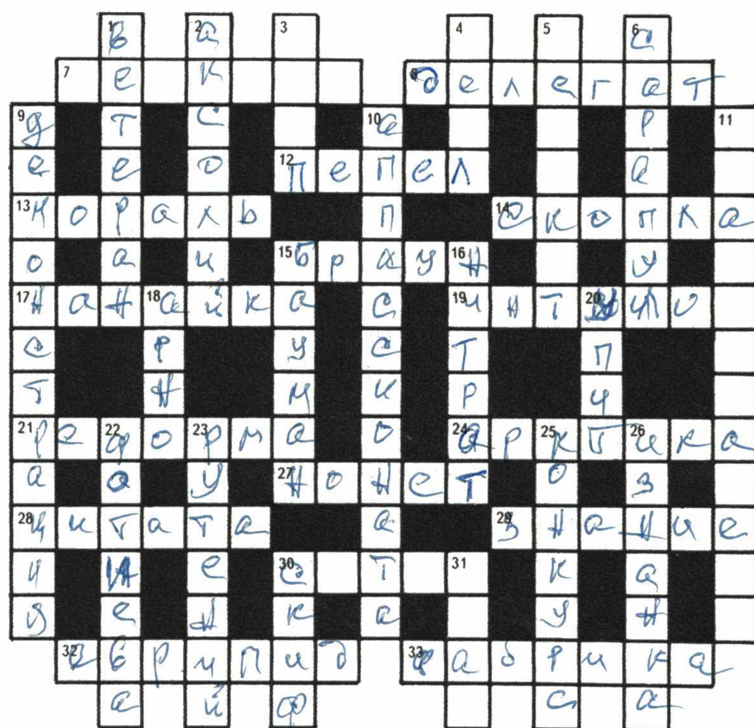
У меня в ближайшие два года должны выйти четыре книги: сборник рассказов «Самое необходимое», историко-мемуарная вещь «Литератор. Дневники и письма», сборник статей о писателях «Счастье таланта» и книга о Тынянове. Есть и новые замыслы.

— Что бы вы могли пожелать нашим читателям?

— Я всегда желал им и желаю теперь прежде всего — хорошей литературы.

Беседовал Леонид **ПЕРСКИЙ**

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Стихотворение В. В. Маяковского. 8. Выборный представитель организации, коллектива. 12. Действующее лицо в пьесе М. Горького «На дне». 13. Нравственность. 14. Город в Югославии. 15. Общественная деятельница Австралии, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 17. Представительница народности, живущей в Хабаровском крае. 19. Побудительная причина. 21. Преобразование, переустройство. 24. Полярная область Земли. 27. Музыкальный ансамбль. 28. Выдержка из определенного текста. 29. Наука. 30. Южное созвездие. 32. Древнегреческий поэт-драматург. 33. Промышленное предприятие.

По вертикали: 1. Старый опытный воин, работник. 2. Грибница. 3. Мастер фотоискусства, снимавший неоднократно В. И. Ленина. 4. Старинная монета Италии, Португалии, стран Латинской Америки. 5. Роман О. Гончара. 6. Город в Удмуртии. 9. Массовое шествие. 10. Соната Л. Бетховена. 11. Фильм, снятый по сценарию Ю. М. Нагибина. 15. Большевик, участник создания и агент «Искры». 16. Азотнокислая соль. 18. Река на севере Италии. 20. Народный писатель Латвии, Герой Социалистического Труда. 22. Участница трех революций, секретарь В. И. Ленина, Герой Социалистического Труда. 23. Химический элемент, платиновый металл. 25. Творческое соревнование. 26. Внутренняя сторона ткани, одежды. 30. Спортивная гоночная лодка. 31. Верхняя плита капители колонны.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

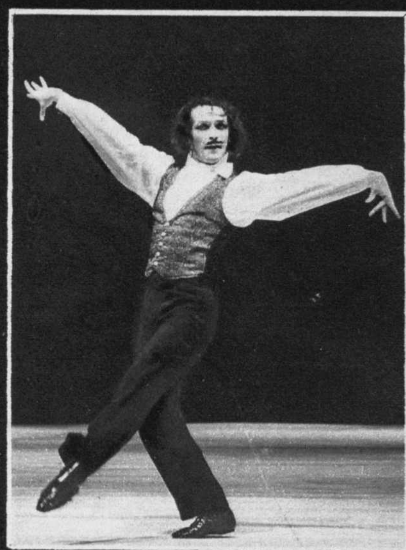
По горизонтали: 1. Коваленок. 7. Траверз. 8. Экскурс. 10. Сапер. 11. Айбек. 13. Варвара. 15. Рококо. 16. Негрос. 17. Циолковский. 20. Луанда. 21. Окуляр. 22. Секстет. 25. «Варяг». 27. Кутум. 28. Сакмара. 29. Толокно. 30. Астрахань.

По вертикали: 1. Ковер. 2. Верста. 3. Нектар. 4. Кукша. 5. «Тропики». 6. Грабарь. 9. Невесомость. 10. Стрекалов. 12. Космодром. 13. Волопас. 14. «Анекдот». 18. Лауреат. 19. Платина. 23. Евфрат. 24. Европа. 26. Гамма. 27. Кроль.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

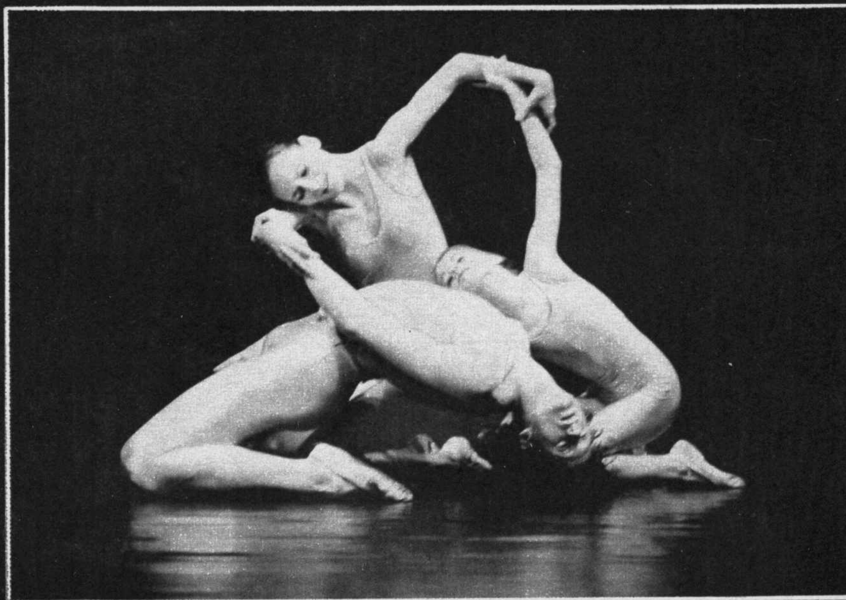

ДОМОЙ, В ВЕНГРИЮ, ОН ВОЗВРАТИЛСЯ В 1979 ГОДУ ПОСЛЕ СЕМИЛЕТНЕЙ РАБОТЫ В СОСТАВЕ «БАЛЕТА XX ВЕКА» МОРИСА БЕЖАРА...

ЧАС ТАНЦА ИВАНА МАРКО

ГОВОРЯТ ГОСТИ

С балета «Возлюбленные солнца» начиналась история коллектива

Тогда же, восемь лет назад, в городе Дьёр появился свой экспериментальный молодежный ансамбль балета. Первый в стране. Предложенное Иваном Марко было, в сущности, балетом и драматическим театром одновременно. «Танцевальным театром» назвали зрители созданное учеником прославленного бельгийского танцовщика и балетмейстера. Несколько лет понадобилось балету из Дьёра, чтобы завоевать всемирную известность. Читаю об этом в газете «Нью-Йорк геральд трибюн», критик которой в восторге от венгерского балета. Показываю статью Ивану Марко. Он улыбается: как же, конечно, помнит отзывы, появившиеся во время прошлогоднего успешного турне по городам США.

— Что послужило причиной вашего ухода из «Балета XX века»?

— Разногласий с Бежаром не было, просто почувствовал: пора говорить свое в искусстве. Федерико Феллини как-то заметил, что в каждом фильме он встречается сам с собой в разных ситуациях. Мне показалось это правильным применительно к танцу, балету. Я верю в каждого из своих девятнадцати артистов, и они знают — рано или поздно в их танце проявится многое, до поры до времени припрятанное в тайниках души.

— Хореографы классического танца воспринимают эксперименты, аналогичные вашему, как некую разновидность спорта...

— И тем не менее берут очень многое в добавление к классической хореографии. Да и мы вряд ли смогли бы игнорировать созданное прославленными классическими коллективами, в первую очередь балетом Дягилева, советской хореографией. Может быть, у нас больше эмоций, самоотдачи и экспрессии в танце. Не последнюю роль играет фольклор, ведь венгерские народные танцы только чардашем не ограничиваются.

— Репертуар балета из Дьёра поразительно разнообразен. Интерьер, декорации, костюмы танцоров постоянно меняются, прекрасны световые эффекты...

— Освещение, как я его понимаю, наиболее важное в сценографии и, к сожалению, наиболее слабое ее звено. Меня даже укоряли, будто я ревнив к свету на сцене. «Волшебный мандарин» пришлось создавать очень, очень долго, и только сочетание световой гаммы помогло выразить главную идею. Сценографией и костюмами занимается моя жена Юдит Гомбар.

— Похоже, вы верите в совершенство. Не проявление ли это максимализма?

— Соглашаюсь. Я максималист-романтик в искусстве и останусь таким, пока имею свой символ веры — балет города Дьёр...

— В чем секрет его успеха?

— Мы против танцевальных и иных канонов. Лично я вообще не верю в их существование, хотя много раз критики упорно заталкивали балет Дьёра в некую жесткую «танцевальную форму». В Вене на гастролях предупреждали: в зале будет солидная публика, воспитанная исключительно на классике. И эта публика в смокингах и вечерних платьях весьма экспрессивно приветствовала нас. В Париже на празднике газеты «Юманите» пошел дождь, сцена была открытой, но несколько тысяч человек стояли под открытым небом во время представления «Момента истины».

Я разговаривал с Иваном Марко в паузе между репетициями. Вечером театр танца из Дьёра показывал москвичам работу, в которой главное действующее лицо — Человек. Стремящийся к Свободе и Любви, преодолевающий трудности и побеждающий Ненависть во имя Добра. Человек в бесконечных ситуациях жизни от Рождения до Смерти.

Владимир КОВАЛЕВ

МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК СИБИРСКАЯ ССЫЛКА В. И. ЛЕНИНА

МНОГИЕ РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ВЫНУЖДЕНЫ БЫЛИ ЖИТЬ В ЭТОМ СЕЛЕНИИ, ЗАТЕРЯВШЕМСЯ В СУРОВОМ СИБИРСКОМ СТЕПНОМ КРАЕ НА МЕСТЕ ВПАДЕНИЯ В ОДИН ИЗ РУКАВОВ ЕНИСЕЯ НЕБОЛЬШОЙ РЕЧУШКИ ШУШИ. НА ВЕЧНОСТЬ СОСЛАНЫ БЫЛИ СЮДА ДЕКАБРИСТЫ П. И. ФАЛЕНБЕРГ И А. Ф. ФРОЛОВ, А В 1860 ГОДУ — ИЗВЕСТНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ М. В. БУТАШЕВИЧ-ПЕТРАШЕВСКИЙ. ЗДЕСЬ ОТБЫВАЛИ ССЫЛКУ УЧАСТНИКИ ПОЛЬСКИХ ВОССТАНИЙ СЕРЕДИНЫ ПРОШЛОГО ВЕКА. ДЕВЯНОСТО ЛЕТ НАЗАД, 17 ФЕВРАЛЯ 1897 ГОДА, ИЗ ПЕТЕРБУРГА В ШУШЕНСКОЕ НА ДОЛГИЕ ТРИ ГОДА БЫЛ ВЫСЛАН ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ. А 7 НОЯБРЯ 1930 ГОДА ЗДЕСЬ БЫЛ ОТКРЫТ МУЗЕЙ, СТАВШИЙ ТЕПЕРЬ ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫМ.

ОГОНЁК

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663